

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

74-75

МЮНХЕН 1994

СОДЕРЖАНИЕ

Д.Штурман. К выходу 75-го номера "Голоса Зарубежья"	1
Письмо читателя	4
В.Пирожкова. Россия в конце 1994 г. и в начале 1995 г.	5
Из редакционной почты	
Не эксплуатируйте жалость	
Террористам – никаких уступок	17
В.А.Пирожкова. По какой реке – с назиданиями?	18
Л.Люиг. О "Временах и людях"	19
Протоиерей Д.Константинов. Заповеди Блаженства	24
Православная Церковь обладает тоталитарными структурами	29
Д.Штурман. Из старой тетради	31
С.Тиктин. А.Д.Сахаров и термоядерная бомба	36
Р.Гуардини. Религиозные образы	
в творчестве Достоевского (<i>Продолжение</i>)	51
Д.Штурман. К вопросу об исторических аналогиях	71

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№74–75

Январь 1995 г.

Мюнхен

Д. Штурман

К ВЫХОДУ 75-ГО НОМЕРА "ГОЛОСА ЗАРУБЕЖЬЯ"

К великому своему сожалению, я не знаю, какой из русских журналов России, СНГ и Зарубежья готов поместить статью о юбилее журнала, в котором мы с мужем, С.Тиктиным, сотрудничаем вот уж 16 лет – с №10 по №75, с 1978 по 1994 год. Поэтому отдаю ее юбиляру – "Голосу Зарубежья".

За это время в журнале сменилось много постоянных и случайных (1–2 статьи) корреспондентов, но бессменным остается его редактор-издатель (фактически – вся его редакция) Вера Александровна Пирожкова.

Все 16 лет печатаем в "Голосе Зарубежья" все свои самые "неразвлекательные" статьи (часто – основу будущих книг) мы с мужем. Не исчезают с его страниц статьи-проповеди отца Константинова (США). Но многие голоса прозвучали и умолкли – по разным причинам: от смерти до расхождения в позициях, а иногда, казалось бы, и совсем без причин. Но об этом позже.

Живя в Израиле, мы познакомились сперва не с журналом, а со статьей В.А.Пирожковой в "Новом журнале" (США). Мы только-только покинули СССР, Украину. Я уже работала в Иерусалимском университете, в Центре по изучению СССР и стран Восточной Европы. Следует заметить, чтобы понятней было дальнейшее, что, так сказать, розовая (местами переходящая в красную) социалистическая невинность большинства работников и установок Центра меня потрясла. Нет, мне не закрывали ни рта, ни пути в университетские издания (моей темой была советская школа: как-никак – 29 лет педагогического стажа). Во всем господствовала чисто западная корректность, отсутствие всякого давления. Но мои сообщения, разработки, свидетельства, доводы встречали полное недоумение. А попытки хоть несколько продвинуться – сквозь тему школы – вглубь Системы и ее качеств упирались в глухую резино-

вую стену. Две темы: советская сельская школа 1948–62 гг. и советская средняя школа (все-го периода) – были, так сказать, "вытерплены" и опубликованы. Затем "прошла" наша общая с мужем тема: "СССР в зеркале политического анекдота". Но с 1986 года контакты прервались. Терпение кафедры истощилось: нам необходимо было (годы шли на убыль) переходить к своей основной советологической (так она тогда называлась) тематике, а здесь компромисс был невозможен. Мы стали для официальной советологии Израиля аутсайдерами и работали (как и теперь) на свой страх и риск, в качестве свободных исследователей и публицистов.

И в этом неоценимую поддержку оказала нам В.А.Пирожкова, открывая страницы своего журнала для самых "некоммерческих" наших статей. Она принимала к печати все, что считала того достойным. Ее не отпугивала ни серьезность статей, ни их размеры: если статья представлялась ей заслуживающей внимания, она ее публиковала. При этом у нас не было полного единогласия с редактором, и мы расходились в ряде конкретных и общих вопросов, но... Тут я вынуждена оставить личные воспоминания и сделать некое предварительное обобщение.

Прочитав статью В.А. в "Новом журнале", я ощутила общность во взглядах на происходившее тогда (1978) в СССР и на советскую коммунистическую Систему как таковую. А также – единство подхода к западной современности.

Я написала письмо В.А.Пирожковой на адрес "Нового журнала". Роман Гуль ей его переслал. Она ответила – я послала статьи (фактически – главы из книги "Наш новый мир. Теория. Эксперимент. Результат"). Так начались сотрудничество и дружба. Тогда же я узнала главное правило редактора "Голоса Зарубежья": в журнал закрыта дорога атеистической,

коммунистической и нацистской пропаганде, открытой и подспудной. Во всем остальном критерий – качество. Дискуссии свободны и многооттеночны. Предвзятость о нетерпимости В.Пирожковой **как редактора** к мнениям, отличающимся, и весьма глубоко, от ее мнений, – это именно предвзятость, и не более того. Вне дискуссии остается для Пирожковой только то, что перечислено выше. Позднее к этому “черному списку” прибавятся воинствующие антидемократические фобии уже “перестроечных” лет: им места в журнале нет.

Читатели и авторы, обладающие “партийным” (я имею в виду различные, но сугубо моноидеологические партии) складом ума, не могли примириться с дискуссионной разнотолпщицей, нередко звучащей в журнале. Каждое из мнений принималось его оппонентами за позицию журнала. Они его оставляли и даже переходили в число его противников. Некоторых авторов отталкивала манера редактора – подчеркнуть в примечании свое несогласие или неполное согласие со мнением автора статьи. Но при той дискуссионной широте (за исключением перечисленных выше комплексов: **атеизма, нацизма и коммунизма, а теперь и коммуно-нацизма**), которая существует в журнале, иногда необходимым было, соглашаясь печатать спорный, по мнению редактора, материал, высказать и свое мнение. Это напоминало читателю, что мнения авторов не всегда тождественны мнению редактора журнала.

Но, тем не менее, позиция у редактора – была, и некоторым авторам она казалась тесной для них или неприемлемой. Такие авторы, иногда ценные для журнала и для читателя, уходили. С другими журнал расставался по инициативе редактора: со временем оказывалось, что взгляды данного автора “Голосу Зарубежья” слишком уж чужды (и даже враждебны его, журнала, ведущим позициям). Их публикация граничила бы с беспринципностью, для журнала неприемлемой. Часть старых авторов перешла за эти годы в мир иной и лучший.

С самого его основания в журнале сотрудничали авторы всех “волн” эмиграции, в том числе – и первой, и – большинство – второй. Некоторых просто увела жизнь, перегрузка, новые интересы и занятия...

Следует отметить один парадокс, характерный не только для “Голоса Зарубежья”. Пока существовал Советский Союз (“империя зла”), людей весьма и весьма различных мировоз-

зрений и общественных позиций объединяла борьба против “империи зла”. При этом будущее свободной России и всего тогдашнего СССР казалось делом настолько далеким, что не имело смысла о нем дискутировать, особенно – в деталях. Но... “царство зла” рухнуло гораздо скорее, чем можно было ожидать и надеяться. Теперь выходила на первый план – во все большей мере – не борьба против советской коммунистической твердыни, а представления о восстановлении – **чего и как?** Вот тут и начали появляться трещины между, казалось бы, единомышленниками и “однопольчанами”. И порой эти трещины превращались во рвы. Отпавших от общего направления журнала было не так уж и много, но были. Кроме того, скачкообразно расширилась возможность печататься в России и в СНГ – в изданиях разного толка и разных направлений. Круг сотрудников журнала сузился. В нем остались, в основном, те, кто признал распад СССР свершившимся фактом и явился сторонником демократического развития собственно России с ее автономиями. Разумеется, оставшихся привлекала и перспектива мирного и как можно более тесного сотрудничества стран СНГ. Но самостоятельность и независимость собственно России (без других союзных республик бывшего СССР) – при условии утверждения и укрепления в ней демократического правопорядка – не представляется нынешнему составу авторов трагедией. Все усилия президента Ельцина и его сторонников в российском правительстве упрочить и сохранить демократический правопорядок в России – при дружеских связях с другими республиками – журналом были поддержаны однозначно.

Как это ни неожиданно при нынешнем разливе печатных изданий в России, журнал “Голос Зарубежья”, с его небольшим тиражом, приобрел растущую популярность среди российских читателей. Основная часть его тиража уходит в Россию.

Мне хотелось бы в заключение перечислить некоторые публикации журнала за все эти годы, назвать их авторов, выразить скорбь об ушедших из жизни. И пожалеть об отпавших от нашего общего дела, **как мне представляется** (это чисто личное мнение), по недоразумению. К сожалению, тяжелая и продолжительная болезнь заставила меня сократить переписку, которую я не могу совмещать с работой, и я не попыталась убедить некоторых старых сотруд-

ников в ошибочности их ухода из журнала. Но таких – немного. Уход большинства “отпавших” естественен: свобода всегда проявляет скрытые до того расхождения. Одни из них принципиальны; другие, на мой взгляд, второстепенны; третьи основаны на недоразумениях, которые, как мне представляется, можно было бы преодолеть – усилиями обеих сторон – и без разрыва. Но я не буду поднимать старых споров.

Я хочу сказать о более важном – о публикациях. И о ведущих и постоянных (в разное время) авторов журнала, и о единичных, но интересных.

Сквозь все известные мне номера журнала (от №10 до №75) проходит ведущим и организующим мотивом творчество редактора, издателя журнала В.А.Пирожковой. Политолог, профессор Мюнхенского университета, в детстве и юности – псковитянка и студентка Ленинградского университета, Вера Александровна в свое время выбрала свободу и правду. На родине ей быстро зажали бы рот навсегда – из-за ее неспособности ко лжи и непреклонной смелости. Темы В.А. в журнале: переживание и осмысление христианства (В.А. – католичка восточного обряда); основы политологии; текущая политическая борьба; философия и практика антикоммунизма – трудно все перечислить. В.А. – философ и теоретик, но в меньшей мере – борец и просветитель, яркий и страстный полемист. Сейчас она активно, лично участвует в духовном строительстве российской демократии.

Много лет ее помощницей и автором журнала была Ирина Сабурова – талантливая прозаик, тонкий и поэтический. Ее уже нет среди нас. Остались книги, статьи и добрая память.

До конца своей жизни в журнале сотрудничал польский писатель и общественный деятель, один из самых смелых, глубоких и ярких современных политико-философских авторов, к тому же и блестящий прозаик – Й.Мацкевич. Его уже тоже нет в мире борьбы и скорби.

Долгие годы в журнале появлялись острые, парадоксальные литературные обзоры Владимира Рудинского, вызывавшие нередко споры, но всегда яркие и независимые. Писал он и рецензии, и лингвистические исследования, и проблемные статьи – под несколькими псевдонимами. Расхождение во взглядах и уход из журнала в последние годы не может преуменьшить значения его прежней деятельности в

журнале.

В “Голосе Зарубежья” появлялись многие религиозно-философские статьи игумена Геннадия (Эйкаловича). В нем по сей день регулярно публикуются статьи-проповеди протоиерея Д.Константинова (США).

Значительное место занимали в журнале серьезнейшие статьи профессора А.П.Федосеева (Лондон) на политологические и политико-экономические темы. Глубокие и злободневные, оснащенные богатой статистикой и научным аппаратом, они имеют непреходящее значение для русской общественной мысли – как периода ее несвободы, так и настоящего бурного времени. К сожалению, это сотрудничество прекратилось. Я полагаю, что не по вине одной из сторон, а лишь по недоразумению, – таково мое личное мнение.

Долгое время в журнале появлялись экономические обзоры Е.Кармазина. Со временем его позиция в отношении к российским событиям стала для журнала неприемлемой (как, вероятно, и позиция журнала для него).

В журнале, в “доперестроечный период”, печатались Б.Прияшников, А.Кузнецов, В.Кобылин, Н.А.Нефедов, А.Шифрин, В.Ингул, В.Писарев, Э.Оганесян, А.Коэн, Д.Панин, М.Михайлов, А.Опульский, Ю.Фельштинский, Н.Дорошин, В.Зарубин, И.Крылова, Н.Штифанов и многие другие.

Особое место в нем занимали и занимают переводы философских, религиозных, религиозно-ведческих и литературоведческих работ великого современного мыслителя (его уже нет в живых) Романо Гуардини. Значение и духовный уровень этих трудов невозможно переоценить.

Но продолжу (неполное) перечисление авторов журнала, порой – случайных, чаще – постоянных, для определенных периодов или без такой оговорки. И **очень** разных (иногда даже случайных):

Б.Бровцын, М.Гольдштейн, И.Бушман, Е.Боголюбова, Н.Воейков, Г.Алексеевко...

Но вот наступает 1985 год. И постепенно намечаются два процесса: первый – размежевание, расхождение прежде соседствовавших в своем антикоммунизме сил; второй – появление новых сотрудников – из России. В 1985-1990 гг. эти процессы еще не так очевидны. С 1991-1992 гг. они становятся все более явными. Возникают новые темы: Л.Люиг – “Размышления о Рейкьявике”; А.Г. – “Крушение империи”; С.Тиктин – “Чернобыль – Чернобыль” и др.

Возникают новые (для журнала) имена, к примеру: о. Глеб Якунин, Марк Поповский, В.Солоухин, А.Альмог, А.Радин, Р.Киршенштейн, Б.Морозов, П.Чайденко, о. А.Мень, Б.Литвинов, З.Крахмальникова, В.Илюшенко, Е.Бажанов, Ю.Давыдов и др. Появляются новые персонажи и герои в статьях: Горбачев, Ельцин... Их число растет: тематика расширяется. В журнал властно входит новая действительность России.

Последние годы определили положение и место журнала уже не только в эмигрантской, но и, в первую очередь, в российской периодике. Не случайно (повторю) основная часть его тиража реализуется теперь в России, где часто бывает, читает лекции и дает интервью его редактор В.А.Пирожкова. Сredo журнала оказалось вполне уместным и злободневным в России, отстраивающей свою демократию: христианство и веротерпимость – без лицемерия, словоблудия и великодержавных или сектантских извращений; просвещенный и твердый демократизм – как цель и практическая повседневность; плюрализм, но полное неприятие коммуно-нацистских тенденций; патриотизм, но не империализм, не слепой национализм.

Журнал не изменяет этим критериям, как не изменял им и прежде. Он поддерживает государственных и общественных деятелей – в меру и в силу того, насколько они верны этим принципам. Приведу в заключение некоторые заголовки статей из последних (предъюбилейных) его номеров:

№270, сентябрь, 1993

В.Пирожкова. "Миротворческая роль России", "Конституционный процесс".

Г.Горев. "Смычка крайностей вчера и сегодня".

С.Иваненко. "Религия и политика в современной России".

Р.Гуардини. "Религиозные образы в творчестве Достоевского" (продолжение).

Протоиерей Д.Константинов. "Слово о слепом".

№271, декабрь, 1993.

Передовая статья: "С рождеством Христовым!"

В.Пирожкова. "Второй этап ликвидации советской власти".

Интервью с советником Президента России по науке Николаем Малышевым (беседу вел В.Пирожкова).

В.Илюшенко. Выступление на международной конференции по цензуре.

Д.Штурман. "Общественное идеологическое поле России".

№272-73 (сдвоенный). Июнь, 1994.

В.Пирожкова. "Духовное возрождение", "Новая конституция", "Потерянное поколение" (продолжение мемуаров автора).

Ю.Линник. "Несколько мыслей о России".

Прот. Константинов. "Искушения в пустыне".

Б.Богданович. "Воскресение Сталина".

Д.Штурман. "Оглянуться назад".

С.Тиктин. "Так был ли предсказуем Чернобыль?", "Коричневое и красное" (сравнительное исследование антинацистского и анти-советского анекдотного фольклора).

Н.Кравец. "Эпизоды и судьбы".

(Список не полон.)

Номер 74-75 – перед вами, досточтимый читатель. Поздравляя друг друга с юбилейным (75-м) номером журнала, сотрудники его надеются, что и постоянные читатели разделят их чувства.

Трудно, мне кажется, поверить, что журнал издает (собирает, редактирует, пишет для каждого номера статьи) **один человек** с помощью двух-трех друзей, да еще совмещая эту работу с научной и лекционной – в двух странах.

От всей души мы надеемся, что этот – юбилейный – номер журнала не станет одним из последних: "Голос Зарубежья" заслуживает долгой и плодотворной жизни на пользу новой России.

ПИСЬМО ЧИТАТЕЛЯ

Уважаемая Вера Александровна!

Наши читатели здесь в Калифорнии сходятся во мнении, что «Голос Зарубежья» освещает политические события, происходящие в Российской Федерации, с глубоким пониманием истинного положения вещей. В противоборстве Думы с президентом Ельциным большинство на стороне президента.

С уважением, S.Omar (Сергей Александрович)

В.Пирожкова

Санкт-Петербург, ноябрь 1994 г.

РОССИЯ В КОНЦЕ 1994 Г. И В НАЧАЛЕ 1995 Г.

Впервые я приехала в Россию на более долгое время. В прошлом году я провела много времени в России, но подряд жила в ней дольше всего в октябре-ноябре, а именно 5 недель, между другими посещениями были перерывы. Теперь я приехала на три месяца и читаю курс лекций в Петербургском университете. Я сняла однокомнатную меблированную квартиру и живу, так сказать, на самоснабжении, сама покупаю в магазинах продукты и могу оценить продовольственное положение лучше, чем тогда, когда я только заходила в магазины.

Мне хочется придать этой статье не совсем обычный для меня характер. Это будет нечто вроде дневника моих впечатлений. Начинаю я этот дневник немного поздно, так как я уже больше месяца нахожусь в Петербурге, но надо было оглядеться, купить пишущую машинку, утрясти план чтения курса в университете. Попробую сделать обзор впечатлений за этот первый месяц.

Прежде всего я по-прежнему считаю чудом Божиим, что теперь можно жить в России и читать лекции на любые темы, иными словами, что коммунистическая диктатура пала. Я знаю, что большинство уже привыкло к этому обстоятельству, свободы не ценит и в любой момент готово проиграть ее, будучи недовольным отдельными частностями еще, конечно, не вполне устроенной жизни. "Свобода как воздух, когда он есть, его не замечают, когда его нет, начинают задыхаться". Впрочем, многие готовы довольствоваться весьма испорченным воздухом немного смягченного коммунистического режима, т.е. были готовы им довольствоваться; были бы они готовы на это в случае возвращения этого режима, они, вероятно, и сами не знают, так как у большинства людей отсутствует сила воображения и они не могут представить себя в ином положении или понять, что такое самое положение, в котором они находились несколько лет тому назад, возвратись оно, будет ими восприниматься совсем иначе, чем воспринималось тогда.

С какого комплекса впечатлений начать наш обзор? Может быть, со средств массовой информации? Для человека, привыкшего к дисциплинированности и в общем серьезности

немецких средств информации, труднее всего переносить российскую прессу, ежедневные и еженедельные газеты. О толстых и малотиражных журналах я не говорю. Но в ежедневной прессе почти нет серьезных журналистов. Даже такие относительно серьезные газеты, как "Известия", оставляют желать много лучшего и все больше скатываются на позицию моды. А модой в российской журналистике сейчас является тон паясничанья, ерничанья, насмешек и издевательств над всем и всеми. Этот в высшей степени дурной тон считается хорошим. Эти газеты, кроме всего прочего, невероятно скучны. Одним из самых трудных жанров в литературе, в том числе и в журналистике, является юмор. Как добродушный, так и злой юмор требуют очень талантливого пера, а среди теперешних российских журналистов талантов что-то не наблюдается. Кроме того, юмор, в том числе и злой, можно воспринимать с удовольствием в определенном количестве, потом он пресыщает, как приторно сладкая или чересчур острая пища. Постоянные же потуги большинства российских журналистов на злой юмор, именно потуги, так как он у них в большинстве случаев не получается, пресыщают моментально. Остается только прямая ругня и оскорбление тех людей, которые работают и что-то делают, хотя и совершают ошибки, но ошибок, как известно, не совершает только тот, кто ничего не делает. А эта ругня противна с первого же слова. В своей погоне за неудачным злым юмором журналисты раздувают мелочи до размера даже не слона, а допотопного мамонта, а настоящих слонов, соответственно басне Крылова, они не замечают. Как небольшой пример возьмем хотя бы сообщения о прощании в Германии выходивших оттуда российских войск 31 августа с.г. Все медики нажились на шутовское дирижирование президентом Ельциным столь любимой немцами "Калинки", когда он проходил мимо полицейского оркестра, игравшего эту песню. Немцам этот жест очень понравился, и его повторили 8 сентября западные президенты, канцлер и премьеры, начавшие дирижировать популярной берлинской песенкой "Берлинер Люфт" ("Берлинский воздух"). В России же средства массо-

вой информации сделали из этой шутки Ельцина настоящую аферу и писали о ней так, как будто бы из-за нее уже погибли и Россия и ее достоинство, возможно, и весь мир. "Известия" в номере от 3 сентября на первой странице напечатали статью некоего А.Плутника, который лил слезы по поводу этой шутки президента и поучал его, что он, мол, забыл, что находится не на берегах Волги, а на берегах Рейна. Как известно, Берлин, где произошло это "ужасное" происшествие, лежит на берегах Шпрее, а не на берегах Рейна, но Плутник, ничуть не смущаясь, перенес германскую столицу одним взмахом руки на сотни километров к западу, а солидная газета напечатала эту географическую неграмотность на первой странице. Поправки потом дано не было, хотя я послала в редакцию такую поправку, но исправлять себя даже серьезные газеты не считают возможным, что является признаком инфантильности, так же, как и раздувание до невероятных размеров всяких пустяков. А между тем как раз этот день мог дать повод и для серьезной критики президента. В своих речах он односторонне подчеркивал жестокости нацизма, говорил о них широко и много, советскую же армию представил исключительно в виде благородного освободителя от нацизма и лишь одной мимолетной фразой коснулся ее роли в разделе Германии после войны, не упомянув ни о берлинской блокаде 1948 г., ни о 1953-м годе, ни о 1958-м, ни о том, что эта армия была десятилетиями оккупационной, а вовсе не освободительной армией. Почувствовав, что написанные для него, видимо, военными речи вряд ли могут понравиться немецким слушателям, Ельцин, нарушая протокол, взял в руку микрофон и уже от себя, не по написанному тексту, сказал несколько теплых слов о немецком народе. Эти слова немцев весьма растрогали, и они простили ему его официальные речи, заметив, что он должен теперь ухаживать за армией. Такое отношение делает честь реакции немецкого народа, но остается вопрос: правильно ли и через полстолетия искажать историю и замалчивать правду? Это явление наблюдается теперь крещендо в телевидении в связи с приближающимся 50-летним юбилеем победы. Но к этой теме мы еще вернемся.

Кроме того, все еще никак не проходит нелепый предрассудок, что человек, журналист, только тогда свободен, когда он находится все время в оппозиции к власти имущим, в принци-

пиальной оппозиции. На самом деле такой журналист находится в рабской зависимости от власти имущих, только не со знаком плюс, как тот, который хвалит все, что делают эти самые власть имущие, а со знаком минус. Недавно мне сказал один молодой человек, что установка принципиальной оппозиции – это установка интеллигента. Но ведь предполагается, что тот, кого называют "интеллигентом", имеет интеллект и может думать, а человек, всегда говорящий любой власти "нет", думать, видно, не умеет. Он находится на уровне попугая, которого научили на каждое высказывание его хозяина кричать "нет". У меня невольно вырвалось резкое замечание, что такая установка – не установка интеллигента, а установка идиота. Может быть, это было слишком резко, но эта явная неспособность мыслить, которая проявляется у многих, считающих себя интеллигентными людьми, заставляет серьезно задуматься над ее причинами. Многие писали о том, какой должна быть установка настоящего интеллигента, особенно часто и ясно писала об этом наша сотрудница Д.М.Штурман, но, видимо, эти прописные истины приходится все время повторять. Гражданину следует иметь не оппозицию, а позицию и с этой своей позиции решать, идут власти сейчас более или менее правильным путем, и в этом случае их поддерживать и им помогать, или же они совершают в том или другом вопросе серьезные ошибки, тогда их критиковать, серьезно и аргументированно. А издевательства, паясничанье и ерничанье выдает психологию раба, а не психологию гражданина. Недавно мне пришлось услышать странные слова: "Надеюсь, что у нас будет гражданское общество, которому будет совершенно безразлично, кто стоит во главе государства. Но такое общество было бы не гражданским, а антигражданским, обществом равнодушных, которые очень скоро стали бы рабами какого-нибудь диктатора. Самое название "гражданское общество" означает, что оно состоит из сознательных граждан, чувствующих ответственность за это самое свое общество и, тем самым, за государство, а потому им никак не должно быть безразлично, кто стоит во главе государства.

Из трех программ новостей более объективными и серьезными представляются "Сегодня" (НТВ) и "Новости" (Останкино) (пока я была в Петербурге, они получили старое имя "Время"), тогда как "Вести" (российское телевиде-

ние) стараются подать все в насмешливом и негативном тоне. Зато этот канал чрезвычайно всполошился, когда президент Ельцин намекнул на возможность слияния двух каналов. Возможно, это и неправильная идея, как думает Гайдар, но заверения редакции этого канала, что они всегда защищали демократию, звучат на фоне их "Вестей" не совсем правдоподобно. Бывают интересные, серьезные передачи и интервью, опять-таки большей частью по первой программе, так, например, интервью с председателями верхней и нижней палат парламента В.Шумейко и И.Рыбкиным. Если Шумейко мы давно знали как умного и серьезного политика, то приятно поражает, насколько спокойным и объективным стал спикер Госдумы И.Рыбкин, он – полная противоположность сумасшедше честолюбивому Хасбулатову, который теперь пытается утолить свое честолюбие уже не во всероссийских масштабах, а на малом поле своей родной Чечни. Что ж, здесь он даже может сыграть положительную роль, но только если не попробует снова выйти за рамки Чечни.

Бросается в глаза, что очень мало передач по новейшей истории. Время коммунистической диктатуры остается без анализа, что может обернуться серьезной опасностью. Почти что только по 27-му каналу ("5-е колесо") бывают исторические передачи, например, о доме Романовых, хотя столетняя дата вступления Николая II на престол отмечалась по всем каналам, – а также о Белом движении. В "5-м колесе" был ряд таких передач: о Корнилове, о Врангеле, о Колчаке, объективных, сочувственных, сопровождаемых печальными песнями белых воинов, покидавших Россию. Под гитару читался речитативом "Белый стан" Марины Цветаевой. Сильное впечатление произвела передача о более отдаленном прошлом, о японской войне, тем, что под конец передачи были показаны лица адмиралов и других высших морских чинов, героев этой войны, тех, кто ее пережил и занимал потом командные посты в российском флоте, а после каждого портрета следовали слова: "расстрелян большевиками", лишь иногда эти роковые слова варьировались отметкой: "зверски убит матросами" или "умер в советской тюрьме или концлагере", лишь о двух было сказано: "умер в эмиграции", но ни один не присоединился к большевикам. Этот страшный синодик производил большое впечатление.

Но если о начале большевистского влады-

чества в ряде передач говорится объективно, то о дальнейшем уже нет почти ничего. Из этих почти двух месяцев наблюдения за телевидением создается впечатление, что в противоположность первым шагам, например, Мемориала, говорившего лишь о жертвах Сталина, теперь акцент перешел на жертвы первого периода. Много говорится и пишется о последнем императоре. В Эрмитаже была о нем выставка, и мне пришлось слышать, как молодая учительница, объяснявшая ее детям, особенно положительно отзывалась об Александре III. Повсюду продается много различных книг о последней императорской семье. В одной из передач по телевидению даже показывали икону с царской семьей. Но как-то ничего не слышно о жертвах Сталина, скажем, о многих миллионах уничтоженных крестьян, о массовых арестах в городах, о многомиллионных концлагерях... Впрочем, лично о Ленине, как о главном палаче тех первых лет, тоже как-то не слышно. А одну зловещую фигуру первого периода большевистского террора начинают снова поднимать на щит. С легкой руки Говорухина сейчас во всех средствах массовой информации муссируется и преувеличивается криминальная ситуация. Все представляется так, как будто в советское время и преступности-то вообще не было. И в связи с этим в Думе и со стороны некоторых представителей "правоохранительных органов" прозвучали с экрана телевидения зловещие призывы восстанавливать традицию Феликса Эдмундовича. "Когда мы свергли его статую, все и началось", надо принять его лозунг: "Чистые руки, горячее сердце, холодная голова". И никто не возразил, не сказал, что Дзержинский убивал не уголовников, а "контрреволюционеров", т.е. в большинстве случаев людей глубоко порядочных, только родившихся "не от тех родителей" или имеющих иные убеждения, чем Феликс с "чистыми руками". Если перейти к его методам, то скоро никто не осмелится и заикнуться об уголовных преступниках, которые для большевиков были "социально близким элементом", а тогда можно будет смело сказать, что преступности больше не существует: ведь о ней не пишут и не вещают. Эти прозвучавшие с экрана призывы – очень зловещий знак. Будем надеяться, что они не получают дальнейшего развития.

И в этой же связи следует сказать несколько слов о приближении 50-летия победы во второй мировой войне или, как говорят здесь,

Великой Отечественной. Объективная история второй мировой войны еще нигде не написана. И через полвека страсти все еще определяют отношение к этой войне. И не удивительно, только в текущем году когда-то побежденную Германию покидают войска победителей. Передачи по российским телеканалам соответственно патриотические и совсем в духе старой советской пропаганды. Советская армия представляется как армия рыцарей без страха и упрека, относившаяся даже к врагу с любовью, конечно, к побежденному врагу. Показываются старые советские пропагандные фильмы. Хотя иногда после таких передач бывают обсуждения, что в фильме соответствовало истине, а что нет. Конечно, я не смотрю всех передач, на это времени нет. Но в виденных мною только раз промелькнуло имя Власова в связи с тем, что создалась группа молодых историков, задавшихся целью изучить объективно Власова и его движение. При этом дикторша сказала в хорошо известном тоне советского "священного гнева", что, мол, зачем же еще изучать личность, которой история уже вынесла приговор. Но затем дала все же одну фразу одного из этих молодых историков, что власовское движение было продолжением гражданской войны. И опять дикторша: "Русские против русских!". Но ведь в гражданскую войну всегда сражаются граждане той же страны и люди одной национальности друг против друга, на то и есть гражданская война. Ценимые теперь вожди Белого движения и их воины тоже сражались против русских. Но это было давно. Время расставляет другие акценты. Может быть, должно пройти еще лет 20–30, чтобы иметь возможность написать объективную историю второй мировой войны. Но нужно сказать, что по российскому каналу была транслирована на удивление объективная передача о выдаче англичанами казаков в Лиенце, хотя эти казаки тоже сражались против советской армии. Передача была грустной и сочувственной к казакам, были интервью с ее участниками, пережившими советские концлагеря. Но и то, хотя большинство казаков жили под советской властью перед их бегством, их командиром был генерал П.Н.Краснов, участник Белого движения и эмигрант, а не бывший советский генерал.

Мне пришлось разговаривать с русскими, которые говорили мне, что разоблачение Сталина, да и Хрущева и Брежнева, уже были, они

вот все ждали, когда доберутся до Ленина. И вот теперь, слава Богу, добрались. И впрямь, наряду с реабилитацией вождей Белого движения, вновь возникли разговоры о выносе мумии Ленина из мавзолея и захоронении ее. Мэр Петербурга Собчак сказал, что пока мумия лежит в центре Москвы, зло будет ходить по России. А в том же "5-м колесе" было даже сказано, что надо снимать памятники Ленину, так как они, как антенны, притягивают к себе зло. Это было сказано в рамках передачи о жизни и творчестве философа Ф.Лосева. Хорошо, что звучат такие слова, но если в Думе и правоохранительных органах есть жалеющие о сносе памятника палачу Дзержинскому, то что они скажут о предполагаемом сносе многочисленных памятников их кумиру? Что же касается изъятия мумии из мавзолея и ее захоронения, то это будет стоить денег, а в будущем жестком бюджете правительство экономит на всем. Кроме того, сказано, что сначала должно произойти погребение останков царской семьи. Император и его семья имеют приоритет перед их убийцей.

Итак, хорошо, что дело дошло до Ленина, но забывать при этом о Сталине и других коммунистических диктаторах не стоит. У слишком многих память коротка, и мы опасаемся, что безудержное превозношение армии побудит иных воспользоваться этим обстоятельством и бросить благосклонный взгляд на ее усатого верховного главнокомандующего. Мы уже указывали на то, что когда Мемориал разоблачал преимущественно Сталина, возникли тенденции не просто распространить это на Ленина, что было бы объективно правильно, а заменить Сталина Лениным, и мы спрашивали, не подымет ли В.Солоухин сталинское знамя, так как легкие намеки на такую возможность были. Но недавно писатель В.Солоухин был в числе других заслуженных деятелей искусства за его писательскую деятельность (а писатель он хороший) награжден президентом Ельциным. Думается, что это будет гарантией его лояльности. Вспомним А.К.Толстого... Но совсем независимо от В.А.Солоухина при наращивании пропагандного прославления армии в связи с годовщиной войны может возникнуть тот страшный диктатор, который тогда командовал несчастной страной. Мы хорошо понимаем трудность проблемы: с одной стороны, никак нельзя умалять подвига тех, кто тогда вынес страшные битвы или отдал жизнь, искренне сра-

жаясь за свою родину. С другой стороны, нельзя забывать того, что сейчас во всех передачах старательно обходится: когда эта армия переступила границы собственного государства, она несла, хотела она того или нет, народам длительное порабощение коммунистической диктатурой, порабощение, павшее только в последние годы. Но она несла не только порабощение другим народам – а как было с населением, попавшим при быстром первоначальном отступлении советской армии под немецкую оккупацию? И не только с теми, которые старались хотя бы в слове поднять борьбу против сталинской диктатуры, но и с теми, которые только пытались выжить? Ю.Марголин в своей замечательной книге “Путешествие в страну зе-ка” описывает, как в советские лагеря, где он сидел, из оккупированных областей привозили новых заключенных пачками, среди них были разные мирные люди, лесник, смотревший и при оккупации за лесом, 20-летний Вася, которому было 14 лет, когда он попал под оккупацию, и который зарабатывал на хлеб, подметая полы в здании, где расположилась немецкая полиция. Ему дали 20 лет лагерей. Одновременно с ним по капризу судьбы привезли уголовника, старика, зарубившего топором свою жену. Ему дали два года. Это мы отмечаем, так как теперь распространяется легенда, что при Сталине не было уголовщины, на самом деле она не только была, но была большой, только уголовников строго не наказывали, они считались “социально близким элементом”. А доктор философии, проживавший в Западной Белоруссии, был “социально опасным элементом” и попал в концлагерь без малейшей вины, под немецкой оккупацией он не был, он сразу попал под советскую. Через год умерли оба эти описанные Марголиным человека, старик-убийца по старости лет и Вася от скоротечной чахотки. И вот потому свое население уходило от своей армии. А.Солженицын, по адресу которого нам еще придется сказать несколько очень критических слов, написал, однако, правильно в своей статье “Русский вопрос в конце XX века” (“Новый мир”, № 7, 1994), что русское население уходило с немецкой армией “как со своей”. Ушло тогда приблизительно (точно их никто не считал) два миллиона русских в разбомбленную, голодавшую Германию. Ведь и об этом следовало бы говорить в годовщину великой победы. Но об этом не будет сказано ни слова. И опять будет зву-

чать лишь крикливая односторонняя пропаганда, и как бы не воспользовались ею национал-коммунисты, национал-большевики и сталинцы. Даже если не случится худшее, отказ от правды всегда несет в себе яд, отравляющий дальнейший ход истории.

В этом своеобразном дневнике следует отметить, что в том же “5-м колесе” в начале декабря была повторена передача Беллы Курковой, – недавно кем-то избитой, возможно, за такие ее передачи, – от 91-го года, где в первой половине передачи говорилось о сталинских арестах, а во второй – об августе 1991 года. Страшные сталинские лагеря показывали под пение “Реквиема” Анны Ахматовой и потрясающего стихотворения О.Мандельштама “Петербург, я еще не хочу умирать...”.

Но мало повторять такие передачи, их надо делать все время заново. Промелькнуло и в одном из главных каналов интервью с бывшим зеком, который сказал, что им в лагере газет не надо было: если в лагере появлялись молдаване, значит захватили Молдавию, если появлялись литовцы, значит Литва “добровольно присоединилась” к Советскому Союзу. Но такие передачи мелькают и исчезают, а экран снова заполняется односторонней военной пропагандой. Промелькнуло и сообщение, что какой-то театр в Москве собирается поставить пьесу по произведению Солженицына “Пир победителей”. Это было бы сейчас весьма смело, если предположить, что от “Пира победителей” в его первоначальном виде останется что-нибудь большее, чем рожки да ножки.

Чтоб закончить с обзором телевидения, отметим, что российское телевидение чаще, чем, например, немецкое, передает классическую музыку, передачи об искусстве, об известных художниках и пр.

Что ж касается до общего уровня жизни, то он представляется нормальным и ничуть не соответствует распространенным страшным рассказам о России. Покажу это на одном примере: в конце декабря ко мне приехала на две недели знакомая немка из Рейнской области. Ее запугивали даже еще в самолете: одна дама, якобы славистка, которая полтора года тому назад была в России, сказала ей даже, что она в Петербурге и полдня не проходит в своем меховом пальто (весьма среднего качества), что его сорвут с ее плеч. Сначала она, видимо, боялась, хотя и не показывала вида, но, убедившись, что никто не покушается ни на

ее пальто, ни на ее сумочку ни днем, ни вечером (а в Петербурге в декабре темнеет рано), она успокоилась. Я про себя только посмеивалась, я жила уже почти три месяца в Петербурге, ходила одна и днем и вечером и никаких неприятностей не испытала, моя же знакомая могла убедиться, что по улицам ходят дамы в гораздо более шикарных меховых пальто, чем ее. Под конец она так расхрабрилась, что даже вечером одна ходила делать закупки, я написала ей по-русски на записке некоторые названия товаров. Она же отметила, что на улицах люди одеты по европейскому стандарту. От себя добавлю, что нищих стало меньше, видишь больше профессиональных на папертях, да и то два-три. В магазинах все есть, но, конечно, дорого, тем не менее основные продукты питания доступны. Во время моего пребывания вдруг исчезло сливочное масло, а потом появилось подорожавшим, подорожала и колбаса, за которой многие так гоняются. Другие молочные продукты не так дороги, а из мясных товаров не слишком дорога курица. Доступны яблоки и вездесущие бананы, когда я приехала, они продавались на каждом углу, потом стало холоднее стоять на улице, и их можно было купить в ларьках или в магазинах. Апельсины и мандарины дороже. Вполне доступны обычные русские овощи: свекла, капуста, брюква, также крупы, макароны, сахар.* Нам жить, конечно, дешевле, так как обмен денег не соответствует покупательной стоимости: так, за марку дают в банках больше 2 тыс. рублей, а на марку в Германии нельзя купить и половины того, что в России можно купить за две тысячи рублей. Особенно ярко это видно на хлебе: за марку я могу купить в Германии одну маленькую ржаную булочку, а в России за две тысячи рублей можно купить четыре больших круглых очень вкусных ржаных хлеба. Моя немецкая знакомая все восхищалась русским хлебом и говорила, что после него немецкий она не захочет есть.

В Мариинском театре я была два раза, в опере и на балете, на последнем – с моей немецкой знакомой, на дневном спектакле. Театр был переполнен, хотя билеты не очень дешевые, было много детей. Какие дети пойдут в Германии на классический балет? А давали “Щелкунчик” Чайковского.

*Правда, недавно цены на товары широкого потребления, в частности, на продукты питания, были существенно повышены. (Прим. В.Пирожковой.)

Вообще жизнь бьет ключом. Была я и в провинции, во Пскове и в Выборге. В Пскове читала лекции, хотя только несколько, тогда как в Петербурге читала целый курс и еще отдельные лекции. Была я и в военно-морской академии им. Нахимова (прежде Фрунзе), куда в этом году поступит маленький великий князь Георгий Михайлович. Что ж, военное образование он получит хорошее, а вот как насчет социально-политического? Я выступала перед профессорско-преподавательским составом, там есть еще старые люди со старыми марксистскими взглядами. Откуда им взять другие? Была я и в историческом музее Академии, где причудливо перемешаны герои прежних времен, в том числе и Колчак, с героями революции и второй мировой войны. Последнее понятно, а вот герои революции? С профессорско-преподавательским составом, кстати, везде так: много еще старого духовного хлама. Только на исторической кафедре Псковского педагогического института, того, где когда-то мой отец читал высшую алгебру, меня поразила хорошая атмосфера, созданная, видимо, молодым деканом. Кстати, незадолго до моего приезда в главной газете Пскова была опубликована статья о некоторых прежних преподавателях и профессорах, там упомянут и мой отец, причем есть выписки из тайного досье о нем: к советской власти относится недоброжелательно. Да, только необходимость иметь специалиста по высшей алгебре, которых тогда было не так много, спасла моего отца в свое время от ареста, что он и сам всегда знал.

В Москве мне удалось поговорить с молодым кандидатом, который пишет диссертацию о Власове и его движении, и рассказать ему то, что я знаю.

Я была еще в Москве, когда началась эта несчастная военная операция в Чечне. И сейчас же Гайдар устроил крикливые, истерические митинги с лозунгами “Руки прочь от Чечни”. Понять это было невозможно. Дудаев безусловно бандит, он за время своего владычества расстрелял тысячи своих противников, в том числе, конечно, и чеченцев, сотни тысяч он принудил к бегству, он командовал как диктатор и никогда не был избран легитимно президентом Чечении. В Чечне при содействии ее “президента” возник центр мафии, угрожающей уже даже Германии. У меня лично создавалось впечатление, что с Дудаевым переговоры оказались невозможными. Не следует забы-

вать, что Москва долго и терпеливо вела переговоры с Татарстаном и, в конце концов, дала ему очень широкую автономию в рамках Российской Федерации. С Дудаевым, видимо, невозможно было договориться даже о самой широкой автономии, но при условии соблюдения Российской конституции. Он хотел быть неконтролируемым диктатором Чечни. Конечно, я не могу с уверенностью сказать, были ли все возможности переговоров исчерпаны или нет, но вряд ли это мог сказать и Гайдар, не принимавший на этот раз прямого участия в переговорах. Тем не менее его правом было высказать свое несогласие с действиями президента и правительства в Думе, в интервью по телевидению, по радио, в прессе – все было для него открыто. Но созывать митинги и пытаться натравить народ на избранного президента и правительство, это уже не демократия, вернее, не организованная и дисциплинированная представительная демократия, это попытка создать ситуацию анархии, это, если и демократия, то плебисцитарная, т.е. не организованная, не структурированная в государство и неспособная им управлять. К этому следует добавить лозунги, которые уже прямо отделяли Чечню от Российской Федерации. Козырев сказал: “Эти господа уже отдали Чечню, неизвестно кому”, – ведь чеченский народ не был спрошен, хочет ли он отделяться от Российской Федерации, Дудаев же не допустил референдума. Между прочим, об этом сказал министр иностранных дел Германии Клаус Кинкель в правительственном заявлении во время дебатов о Чечне в Бундестаге 19 января с.г., он также сказал, что Дудаев не является законным президентом Чечни. Но в сводках дебатов ни один канал немецкого телевидения этих слов министра не передал, а кто мог слушать дебаты непосредственно? Ведь они транслировались до обеда в будний день, когда большинство взрослого населения работало, а старшие ученики и студенты были в школах и ВУЗах.

Но вернемся к Гайдару и его партии. Они одним махом отрезали сами себя от российской государственности, отдав ее неизвестно в чьи руки. В России не оказалось государственной демократической партии, вернее, их есть даже две, партия Б.Федорова, партия 12 декабря, т.е. иными словами, конституционная партия, затем партия С.Шахрая, но обе они маленькие. Единственной относительно большой демократической партией считалась партия

“Выбор России”, но в решающий момент она показала себя не государственной демократической партией, понимающей свою ответственность перед государством, а кучкой истериков. Еще раз: дело идет не о методах, которые можно одобрять или нет, а о принципиальном отказе от российской государственности, которую эта партия **фактически** проявила в решающий момент. Тот же А.Козырев поучал партию, к которой он принадлежал, но из которой он сразу же вышел, как только она себя так повела: “Демократия – это тоже “кратия”, т.е. власть”. Но истерики не слышали никаких разумных слов. В решающий момент они оказались типичными “февралистами”, духовными наследниками тех демократов 1917 года, которые, свалив мягкий царский режим, не знали, что им делать с неожиданно попавшими им в руки властью и государством, и отдали то и другое большевикам, власти, действительно, страшной и крайне жестокой. Теперь власть, к счастью, не в руках этих “демократов”, иначе они очень скоро потеряли бы ее, и она снова попала бы в руки коммунистов. Но они могут постараться свергнуть теперешнюю действительно демократическую власть, как свергли когда-то царскую, и снова потерять ее, как ее потеряли февралисты в 1917 г. Член гайдаровской партии Юшенков уже начал кричать об импичменте для президента. Гайдар это, правда, отверг, но, может быть, лишь потому, что теперь он импичмента все равно не добьется и понимает это лучше, чем некоторые другие члены его партии.

Меня пригласили на собрание выбороссов, где должен был выступать Гайдар. Я, конечно, пошла. Гайдар говорил о том времени, когда он был министр-президентом и ездил в Чечню для переговоров с Дудаевым, но сказал об этом быстро и мало вразумительно, не объяснив, отчего же ему тогда с Дудаевым договориться не удалось, теперь же, по его мнению, это вполне можно было бы сделать. Не объяснив, как он это хотел бы сделать, Гайдар, отвергнув импичмент, защищал Юшенкова и потом больше говорил о бюджете, который предлагал принять. Я слышала его перед тем в Петербурге, где шли выборы в городское собрание, тогда он говорил только об экономических проблемах, т.е. о том, что он знает. В этом смысле он подчеркивал, что те экономические меры, которые правительство намерено предпринять сейчас, было бы легче предпринять

весной, на чем он тогда настаивал. Черномырдин не прислушался к нему, и из-за этого он тогда ушел из правительства. Но если правильные меры предпринимаются позже, чем он бы этого хотел, то их все же следует поддерживать. После его выступлений можно было задавать вопросы записочками. В Москве я спросила, зачем они устраивали истерические митинги с плакатами, в которых отрекались от Чечни. На последнее он не ответил, а на другое вяло пробормотал, что их митинги большого влияния не имели. В своем выступлении он сказал, что Чечня – субъект федерации, но, повторяю, не объяснил, отчего они на своих плакатах от нее отрекались. Многие в записках требовали исключить Юшенкова из партии, но у них, кажется, еще нет механизма исключения.

Для меня был большим ударом тот факт, что партия, которой я больше всего симпатизировала и на которую возлагала надежды в будущем, сама отрезала себя от российской государственности и оставила президента и правительство одних. Мне неясно было, на кого теперь могут опираться те, кто хотят сохранить российскую государственность. Повторю еще раз: дело не в том, что эти люди относились отрицательно к военному решению и считали, что переговорные возможности еще не исчерпаны, – дело в том, что они в тяжелую минуту отказались от своего государства и стали искать помощи и поддержки за границей. В устоявшихся демократиях в тяжелые моменты и именно тогда, когда правительство считает нужным прибегнуть к военным действиям, даже в чужой стране, а тем более в части своей (вспомним войну за Фолклендские острова или войну в Ираке, где тоже бомбы попадали в жилые дома и мирное население) демократы спланиваются вокруг своего правительства и даже если иные и критикуют его действия, то, во всяком случае, они не бросаются натравливать другие страны на свое правительство. Английский девиз “right or wrong – my country” российские интеллигенты понимают с обратным знаком: какой бы конфликт ни возник, если замешана моя страна, все равно права она или нет, надо колошматить именно ее и звать еще на помощь чужих. Поняв, что интеллигенция выпала из государственности, я стала перебирать в уме те силы, на которые государственники могли бы опереться. Единственным, кто мог бы сыграть положительную роль,

это, я думаю, возникающий средний класс. Перед тем был как раз первый конгресс молодых предпринимателей, и на нем прозвучали очень трезвые и умные выступления. Передача российского телевидения, ежедневная трехчасовая под названием “Деловая Россия”, показывает, что деловые люди есть и что число их растет. Но достаточно ли их уже? Диссиденты сыграли свою роль, уже и до чеченской драмы было ясно, что они уходят в прошлое, так как в них нет больше надобности. Но как раз этого они не могли понять и не могли с этим примириться. Они чувствовали себя не у дел, чувствовали себя выброшенными за борт. Но если они и были выброшены, то вовсе не злонамеренностью президента, а ходом истории. Однако если они готовы были понять в свое время, что Горбачев сыграл свою роль невольного (сам он этого вовсе не хотел) разрушителя комдиктатуры и самого Советского Союза и потому должен уйти с исторической сцены, то относительно себя самих они этого, конечно, понять не могли. Еще до чеченских событий Е.Боннер высказала это довольно отчетливо в телевизионном интервью: им хочется протестовать, но как будто бы нет, против чего протестовать, да и президента они же сами выбирали и поддерживали. Они не поняли, что время разрушения, где они сыграли свою важную роль, прошло и началось время созидания и укрепления. Они не сумели выслушать хорошо речь президента Ельцина перед обеими палатами парламента 24 февраля прошлого года, мы писали об этой речи в статье “Новая конституция” в нашем журнале №72-73 и отмечали, что она была речью государственника. Им должно было быть ясным, что Ельцин не даст развалить Российскую Федерацию. Теперь же они снова сели на своего старого конька, они увидели возможность играть прежнюю роль разрушителей и бросились к Западу с тем, чтобы он защитил их от крепнущей российской государственности, **демократической** государственности, подчеркнем это. Тот же Гайдар признал, что Ельцин два раза мог стать диктатором, в августе 1991 и в октябре 1993, и никто не мог бы ему помешать, но он этого не сделал, добавим от себя: и делать этого не собирается.

Все эти “протестанты” не понимают, что они делают, натравливая Запад на Россию. В уже упомянутой статье “Новая конституция” я писала: “Дело в том, что по окончании холодной

войны частичная конверсия военной промышленности в мирную идет не только в странах бывшего СССР, но и на Западе. И здесь эта конверсия проходит тоже нелегко. Вследствие сворачивания части военной индустрии возникает безработица. В Германии, например, сейчас 4 миллиона безработных. Их особенно много, конечно, в бывшей ГДР. Среди военных и промышленных кругов, а также среди профсоюзов есть значительные силы, которые заинтересованы в восстановлении статуса холодной войны. Им нужен новый образ врага. Конечно, они считают, что под этот образ врага легче всего стилизовать Россию. Настоящим друзьям России эти вопли сейчас совсем некстати, враги же ее ими сразу же пользуются. Это можно показать даже на разных лицах внутри германского правительства. Канцлер Коль, хорошо относящийся к России, молчит по поводу призывов бывших диссидентов, а министр обороны Рюе, который и прежде высказывал недоброжелательство к России, сразу же начал использовать Ковалева.

Кстати, пример Ковалева очень типичен. Дудаев расстрелял приблизительно 20 тысяч своих противников, в том числе и чеченцев, за три года своего владычества, а примерно 200 тыс. заставил покинуть Чечню. Ковалев тогда молчал. Спрошенный теперь, отчего он тогда молчал, он ответил, что это было не его дело, это проблема правоохранительных органов. Каких? Дудаев их и не устанавливал, а российские допущены не были. С.Шахрай хотел построить Ковалеву "золотой мост" и сказал, что он верит в честность Ковалева и надеется, что последний поговорит также с родственниками расстрелянных Дудаевым и с беженцами от Дудаева. Но где там! Ведь это все было бы не attractивно, не вызвало бы восторга в средствах массовой информации Запада, больше того, было бы ими просто замолчено и уменьшило бы его шансы на Нобелевскую премию. Закусив удила, Ковалев бросился в бой, конечно же, только и исключительно против российского правительства, называя его мерзавцами. Ему разрешено ругаться дурными словами, он – герой, хотя, сидя в дудаевском дворце, он не подвергал себя излишней опасности, зато мог описывать обстановку из этого самого, дудаевского, угла. Его спросили, не дурно ли то, что он натравливает Запад на Россию? Надо было видеть самодовольное выражение его лица, когда он ответил, что его это не беспокоит, "я

пережил более трудные ситуации, переживу и эту", – ответил он. Так характерно было, что думал он только о себе. Он-то переживает и даже очень хорошо, с большой славой и, возможно, с большими деньгами, но переживет ли Россия? Если удастся мобилизовать против нее Запад, если Запад опять начнет лихорадочно вооружаться и принудит к этому же Россию, то рухнут все экономические реформы. Но какое дело Ковалеву до России?

10 января 1995 г. я вернулась из Петербурга в Мюнхен. Перед отлетом из России я послала Гайдару письмо, где высказывала те мысли, которые более подробно изложены в статье. Я все еще думала, что Гайдар ошибается, считала, что он не рвется к власти ради власти, как это пытается сделать Явлинский. О последнем я слышала в России почти только отрицательные отзывы, на его лице так ясно написано непомерное личное честолюбие и желание добиться власти любым путем, – причем он держит в тайне, что бы он намеревался потом с этой властью делать, если б она ему досталась, – что мало кто заблуждается по отношению к нему. Но Гайдара многие считают порядочным человеком, таким считала его и я.

В Германии я была потрясена односторонностью и тем самым лживостью немецкого телевидения, радио, газет. Сообщается только то, что для России звучит отрицательно, бойцы Дудаева именуются борцами за свободу, даются постоянные интервью с Дудаевым, но ни одного интервью ни с Шахраем, ни с Егоровым или кем-либо еще из официальных лиц, правительственные сообщения вообще не передаются. Но что можно требовать от иностранных средств информации, если российское государственное телевидение вначале отказывалось транслировать правительственные сообщения и одну и ту же плачущую женщину показывало три раза как трех разных женщин! Но хотя бы Останкино было более объективным, да и российскому телевидению пришлось немало поубавить антигосударственного пыла, когда встал вопрос о замене его руководителя. Зачем, в конце концов, государство должно оплачивать пропаганду против себя самого, да еще и лживую? Конечно, правительство не сумело организовать кампанию разъяснения населению, в чем дело и о чем идет речь. Но ведь левые интеллектуалы всегда были ловчее и искуснее в пропаганде, чем нормальные правительства. Но если бы правительство и суме-

ло лучше объяснить своему населению, в иностранные медиа эти объяснения вряд ли бы проникли. После свержения коммунистической диктатуры в западных медиа принято транслировать только отрицательные передачи о жизни в России. Левые медиа не могут простить русским, что они расстались с коммунизмом. Сейчас же война в Чечении, которая с военной точки зрения была проведена, безусловно, неудачно, дала вспышку ненависти по отношению к России, вызвала желание сделать из нее новый образ врага. В это время всем, кому дорога Россия, независимо от правильных или неправильных действий ее демократически избранного президента, следовало бы быть особенно осторожным, если они говорят или публикуют что-нибудь на Западе. Тем более была я поражена, когда увидела в газете "Ди Вельт" от 19 января с.г. статью Гайдара под названием "Над Россией сгущаются темные облака". Протицируем некоторые выдержки из этой статьи. Она начинается словами: "Развивающаяся в Чечении кровавая драма не явилась неожиданностью. Она является результатом общего возвращения России к имперской ментальности и так называемого "укрепления государства", начиная с 1994 г.". Здесь совершенно безответственно смешаны два разных аспекта: укрепление государства и "имперская ментальность". Мы сами указывали на то, что президент Ельцин вышел на линию укрепления государства, но это не имеет ничего общего с какой-то "имперской ментальностью". Или Гайдар думает, что лишь анархия может способствовать демократии? Но как раз слабое, развинченное, полуанархическое государство неизбежно привело бы к новой тирании.

Дальше Гайдар заявляет, что он именно поэтому ушел в начале 1994 г. с поста вице-премьера. Вот как? Не из-за разногласий по экономическим вопросам, а из-за "имперской ментальности", неизвестно в чем проявившейся? Но дальше идет опять путаница понятий, Гайдар пишет, что ему не удалось убедить Ельцина в необходимости именно им, Гайдаром, предполагаемых последовательных экономических реформ. Это, возможно, и было неправильно, было ошибкой со стороны президента, но при чем тут "имперская ментальность"? И разве укрепление государства стоит на пути экономических реформ? Наоборот, слабое, разваливающееся государство вряд ли было

бы в силах провести радикальные экономические реформы. Гайдар, возможно, хороший экономист, но явно не политик. Но подбрасывать Западу идею "имперской России", тем самым натравливать на Россию настроенные к ней враждебно западные круги, это недостойно. Дальше Гайдар спрашивает, отчего именно теперь были начаты военные действия против Дудаева. Официальное объяснение говорит о том, что теперь начали стекаться в Чечню из мусульманских стран тысячи добровольцев или наемников и что ждать дальше было нельзя. Мы не можем проверить, так это или нет, но то, что Гайдар пишет дальше, такая явная и некрасивая передержка, что ее, действительно, можно подsunуть только не знающему положения вещей немецкому читателю. Он пишет: "Предлогом для теперешних военных действий служит заявление, что проблема криминальности, исходящая от банд в Чечне, вырвалась из-под контроля. Конечно, такая проблема есть. Но она должна быть решена обычными и в других местах применяемыми средствами борьбы с уголовщиной. Если мы в этом вопросе последуем логике советников Ельцина, мы должны бомбардировать ряд пригородов Москвы, где мафиозные структуры угрожают жизни нормальных русских в гораздо большей степени". Читаешь это и спрашиваешь себя, зачем Гайдар пишет явную ложь? Ведь должен же он понимать, что это – величины несравнимые. Одно дело мафиозные организации, имеющиеся внутри всех стран, другое дело автономная республика, во главе которой стоит мафиозный диктатор, одно дело организации, вооруженные разве что калашниковыми, другое дело мафиозный диктатор, имеющий в своем распоряжении тяжелое оружие, танки, ракеты и боевые самолеты. Разве он пустил бы обычные правоохранительные органы на "свою" территорию, чтобы они расправились с бандитами, в том числе и с ним самим? Гайдар не может всего этого не знать, зачем же он пишет заведомую неправду? Будет печально, если по окончании военных действий не произойдет настоящего расследования, кто же оставил Дудаеву такое страшное вооружение. Называются имена Шапошникова, самого министра обороны Грачева, других генералов, называлось и имя самого Гайдара. Он возражал так раздраженно, что невольно вспоминалась старая поговорка: "Юпитер, ты сердишься, значит ты неправ". По делу Гайдар сказал, что оружие было

отдано Дудаеву раньше, чем он стал министр-президентом. Но затем говорилось, что отдача шла и в то время, когда он был министр-президентом. Я была склонна считать обвинения по адресу Гайдара нелепостью, но когда я прочла в немецкой газете, как он смазывает проблему Дудаева и его вооружения, я невольно спросила себя, не делает ли он это потому, что тоже причастен к передаче оружия Дудаеву?

Бывший министр финансов Б.Федоров, безусловно демократ, отнесся к событиям совсем иначе. Процитируем и его: "Трагедия в Чечне расставила много точек над "i", политических и военных. Она ускорила взросление государства и народа. Сначала задавали странный вопрос: "А зачем нам эта Чечня?" И ведь не дети спрашивали. **Ответ: родиной и гражданами не торгуют...** Мы уже были свидетелями расчленения нации по искусственным сталинским границам. Сколько крови пролито! Остановить этот процесс сложно. Я не согласен с раздачей России по частям, под какими бы лозунгами это ни происходило. **Для меня такая политика – предательство.** И если на части России не соблюдаются законы, бандиты открыто вооружаются, убивают, то государство должно это пресечь. При сопротивлении – силой... Или вот упиваются опросами общественного мнения: все – против. Против чего? Конечно, **все** против крови и насилия. Все без исключения. Но давайте поставим вопрос так: вы за то, чтоб в России, включая Чечню, были законность и порядок, чтобы покончить с рассадником бандитизма? Какой будет ответ? Хватит паразитировать на трагедии, найдите мужество. Не бойтесь заняться вопросом о целостности России".

Гайдар признался, что высказывания Федорова были для него ударом, но он к ним не прислушался и мужества в себе не нашел. Вместо этого он бросился в Германию натравливать немецкую общественность на российские власти. Излишний труд! Этим уже занимаются почти все немецкие массовые медиа. Дальше Гайдар пишет в своей немецкой статье, что переговоры были бы лучше военного вмешательства. Что ж, с этим согласятся тоже все, конечно, и президент Ельцин, возможно, даже Грачев. Гайдар только "скромно" умалчивает о том, с кем надо было вести переговоры. Он обвиняет Николая Егорова, что тот безответственно сорвал переговоры, – но опять-таки: с кем? Даже в немецком Бундестаге во время дебатов о Чечне был констатирован тот факт,

что с Дудаевым вести переговоры нельзя, так как он согласен говорить только о полном отделении от Российской Федерации, а Россия на это пойти не может. В противоположность российской интеллигенции, немецкие депутаты все же политики и знают, что и они не стали бы вести переговоры о полном отделении от Федерации, скажем, Баварии, если б баварские сепаратисты (а такие имеются) незаконным образом захватили власть в Баварии. Но если Гайдар думает, что с Дудаевым можно договориться о модусе автономии Чечни, отчего он не договорился с ним об этом, когда он ездил к нему в 1992 г.? Он был тогда министр-президентом и имел полномочия, отчего он не договорился тогда? Он сделал бы большую услугу России, Чечне, президенту, демократам и себе самому. Но теперь мы видим запоздалые попытки прорваться к власти с помощью Запада. Однако Запад теперь не будет играть большой роли во внутренней политике России.

Другой вопрос – методы военного вмешательства. Об этом пишет и Федоров: **"Совсем другой вопрос, как восстановить законность и порядок"**.

Но к этой проблеме мы еще вернемся, останемся пока при рассмотрении принципиальной стороны дела. Процитируем все ту же статью Федорова еще раз: "Демократы оставили себе гуманизм, а патриотизм, государство, национальные интересы отдают жириновским-баркашовым, а затем чернят тех, кто с этим не согласен" ("Известия", 10 января 1995 г.).

В письме Гайдару, которое я отправила ему перед своим отлетом из России ("Известия" со статьей Федорова я получила в самолете по пути в Мюнхен) я писала: "Государственность вы отдали силам, которым лучше было бы ее не отдавать".

Совершенно неожиданно для себя я нашла ряд очень похожих мыслей в выступлении Г.Бурбулиса. Выступая на пресс-конференции в Париже после заседания комиссии "Большая Европа", Бурбулис сказал между прочим: "Самым обидным образом в этой ситуации проявили себя те силы, которые традиционно аттестуются как демократические и реформаторские. Наивное и обидно дилетантское желание снова и снова предлагать себя обществу в качестве незаменимой политически прогрессивной силы, бесконечные детские разговоры об единстве, для которого не осталось никаких уже ресурсов среди демократических кругов,

привели к тому, что было утрачено какое-либо серьезное влияние на Думу, еще меньшее влияние на президента и двусмысленное положение в правительстве ничего хорошего авторитету демократического движения не дало"... (демократическое движение должно было) "сделать своей стратегией не бесконечное выдвижение самих себя на авторитетные политические роли, а сделать своей стратегией выдвижение нового поколения управленческих, деловых и политических кругов России и тем самым передать свой опыт и свою программу реформ. Этого не произошло... в условиях чеченского кризиса демократический лагерь **выбрал абсолютно неконструктивную тактику безудержного осуждения в тот момент, когда нужно было разделить ответственность за такого рода решения государственных органов власти, сосредоточиться на том, чтобы максимально уменьшить последствия этих решений**. Я имею в виду опасность оставлять Ельцина в этой ситуации в изоляции и полностью как бы выталкивать его в объятия тех сил, которые не заинтересованы ни в демократизации, ни в стабилизации положения в России".

Бурбулис предлагает следующие меры: "Абстрактная моральная поддержка демократического движения в России сегодня должна приобрести необходимую конкретность. Сегодня Россию надо спасать от митинговых демократов, от слишком одержимых реформаторов.

Моя идея очень проста. Речь идет о поддержке деловых прагматических кругов, которые не связаны непосредственно с текущей и предыдущей политической борьбой в стране, которые избегают идеологической самоаттестации, но по своим коренным интересам и по своему профессиональному статусу в состоянии уже выступать в качестве нового поколения, способного взять управление страной с полной ответственностью за перспективы". (Р.М. 19-25 янв. 1995 г.)

И снова вспоминается февраль 1917 г. "Митинговые демократы" проиграли тогда Россию, власть, государство и ту самую демократию, за которую они так рьяно митинговали. К счастью, сейчас в России наряду с митинговыми демократами есть и настоящие демократы, деловые. Но достаточно ли их уже? Хватит ли у них сил удерживать настоящую серьезную, а не болтологическую демократию? Снова стоит Россия на перепутье и снова ее судьба в

значительной степени зависит все от того же человека: от президента Ельцина. Хватит ли у него сил после всего, что ему пришлось пережить?

Как пройдет переход от абстрактных интеллектуалов, узурпировавших до сих пор право называться демократами, к деловым демократам? Вот Чубайс написал статью, где указывает на то, что никакой экономической катастрофы не предвидится. Но "митинговые демократы", стремясь сохранить свои "белые ризы" за счет России, говорят о том, что его партия, "Выбор России", должна отозвать его и других своих членов из правительства. Мы надеемся, что у Чубайса хватит чувства ответственности перед страной, чтобы в крайнем случае выйти из рядов партии, потерявшей чувство реальности, но не уйти из правительства. Между тем экономическая консолидация идет во всем СНГ. Я видела съезд представителей азиатских республик в Москве, которые говорили о необходимости восстановления тесных экономических связей с Россией; с Казахстаном заключен выгодный договор; к нему присоединится Белоруссия; с Украиной ведутся переговоры в дружеском тоне, украинцы благодарят Россию за то, что она не отказывает им в поставке энергии, несмотря на огромную задолженность Украины России. Доверимся же деловым людям и будем надеяться, что они сумеют поддержать своих президентов и направить свои страны по правильному пути.

Г.Бурбулис указал еще на то, о чем и мы писали, а именно, что есть международные силы, которые заинтересованы в локальных войнах, так как хотят на них зарабатывать. Он только не сказал, что на Западе есть силы, которые заинтересованы в том, чтобы стилизовать Россию под новый образ врага.

Тем не менее, в немецкой прессе появляются трезвые голоса, которые говорят и о непримиримости Дудаева, а также о том, что западная политика не может заключаться в пактировании с демократами в России (на Западе их все еще всерьез принимают за демократов) против законно избранного президента. А так же о том, что Западу был бы невыгоден распад Российской Федерации на ряд мелких, воюющих друг с другом государств. Будем надеяться, что канцлер Коль внутри Германии не останется в одиночестве, он-то стоит по-прежнему за дружбу с Ельциным и за сотрудничество с Россией.

Мы обещали вернуться к проблеме методов. Не будучи военными и не имея достоверной информации, мы не можем ничего утверждать с уверенностью. Но тем не менее, представляется, что эта война велась с военной точки зрения по-дилетантски, неумело и потребовала больше жертв как со стороны армии, так и со стороны гражданского населения, чем это нужно было бы при профессиональном ведении войны. Грачев не совсем неправ, когда говорит, что шум митинговых демократов продолжил войну и вызвал больше жертв: Дудаев определенно надеялся на помощь этих демократов. Но Грачев должен был одновременно навести самую жесткую самокритику в отношении своих методов ведения войны. Он этого не сделал. Больше того, Совет безопасности похвалил его, правда, отодвинув одновременно в сторону и передав чеченскую проблему войскам министерства внутренних дел. Одновременно комиссия при том же Совете безопасности критиковала состояние ар-

мии, требовала ее реорганизации, значительного численного уменьшения и оснащения более современным оружием. Все это очень трудно, но, видимо, необходимо. Для оснащения более современным оружием, однако, понадобятся снова деньги, а статья на военные расходы в бюджете очень сокращена. В то же самое время Клинтон под влиянием республиканцев увеличивает расходы на американскую армию. Призрак новой гонки вооружения уже встает перед нашими глазами. И он обозначится еще яснее, если восточноевропейские страны будут поспешно приняты в НАТО и вооружены этой организацией до зубов самым современным оружием. Будем все же надеяться, что и здесь разум восторжествует.

Что касается самой Чечни, то мы надеемся, что после окончания военных действий в ней снова возьмет силу Российская конституция и начнет налаживаться правовой порядок и нормальная жизнь.

Мюнхен, 27 января 1995 г.

В виде иллюстрации мы хотим присовокупить два письма, опубликованных в "Известиях". Сколько аналогичных писем должна была получить эта газета, побоявшаяся сохранить свое лицо и поплывшая в общем фарватере антигосударственности, если она решилась опубликовать хоть два из них!

РЕДАКЦИЯ

"Известия", 21 января 1995 г.

Из редакционной почты

НЕ ЭКСПЛУАТИРУЙТЕ ЖАЛОСТЬ

У меня вызывает чувство недоумения позиция газеты в связи с чеченским кризисом.

Даже неудобно говорить о прописных истинах, как-то: о высших государственных интересах, целостности России, наконец, о патриотизме – настоящем, а не квасном, имперской окраски.

В тяжелый для страны период вы требуете мирного решения конфликта путем переговоров, прекрасно зная, что переговоры на условиях Дудаева могут быть лишь о выводе российских войск из Чечни и о предоставлении ей полной независимости. Вы этого хотите? Нет, об этой "детали" вы умалчиваете, требуя от президента приготовить яичницу, не разбив яйца. Может быть, я буду излишне резок, но мне кажется, что демократическая печать, демократы ведут себя, как чеченские бандиты, прикрываясь женщинами и детьми. Ведь очень

легко эксплуатировать жалость, выступать против кровопролития и вообще быть пацифистами. Но на ваших страницах, как, впрочем, и в других изданиях, я ни разу не прочел осуждения Дудаева, который открыто заявляет, что во имя своих целей он готов пожертвовать жизнями всех чеченцев.

Поверьте, я не кровожаден, но мне кажется, что чеченцев должен больше любить не я и даже не вы в "Известиях", а Дудаев.

В. Фоменко
Москва

ТЕРРОРИСТАМ – НИКАКИХ УСТУПОК

Что так пугает журналистов? То, что войска воюют? Да, плохо, что люди гибнут. Но как иначе? Весь мир признает принцип: никаких уступок требованиям террористов, иначе завтра террор захлестнет всех. Как же сегодня можно призывать уступить террористу Дудаеву с напарниками, взявшему в заложники все население республики? Уступи сегодня Дудаеву, завтра в неминуемой гражданской войне в Чечне

погибнет значительно больше народу. После-завтра в другой республике обязательно найдется новый "освободитель", вдохновленный опытом Чечни.

Благородные и brave политруки-депутаты с телеэкрана клеймят вероломство российской армии, которая, наплевав на военные обычаи, ведет военные действия во время переговоров с противником. О какой войне здесь идет речь? Что за государство объявило России войну? В Чечне штурмуют террористов, бандитов, преступивших закон, из милосердия только склоняя их к добровольной сдаче. И правило здесь только одно – сократить число невинных жертв.

Просто поразительно, с каким азартом из

человека, бомбившего Афганистан (братьев-мусульман), доведшего свою республику до полного разорения, народ – до натурального хозяйства, но тем не менее летающего по миру на собственном самолете, едущего на лимузине и останавливающегося за границей в самых дорогих отелях, из преступника с замашками султана, русские журналисты делают благородного героя.

Заранее заявляю, что письмо написал не по заказу: к обществу "Память" отношения не имею, а даже наоборот, являюсь членом партии "Демократический выбор России".

**Андрей Филиппов, студент
Москва**

Открытое письмо в газету

ПО КАКОЙ РЕКЕ – С НАЗИДАНИЯМИ?

В своей статье "По какой улице – с оркестром?" ("Известия", 3 сент. 1994 г.) А.Плутник нелепо нападает на президента Ельцина за его веселый человеческий жест, когда он, перехватив палочку дирижера, начал шуточно дирижировать столь любимой немцами "Калинкой". Всем в Германии этот жест очень понравился, и никакого унижения ни для президента, ни для России никто в этом не усмотрел. Стыдиться за этот жест мог поистине только человек с непреодоленным советским сознанием. На Западе уже давно демократия, и потому люди привыкли, что их президенты, канцлеры и премьеры – люди, а не деревянные куклы, в какую автор статьи хотел бы превратить российского президента. 8 сентября, когда в Берлине прощались с западными союзниками, детский хор запел популярную берлинскую песенку "Берлинер Люфт" (берлинский воздух), и все государственные деятели, президенты Герцог и Миттеран, канцлер Коль, премьер Мэйджер и министр Кристофер, начали отбивать такт, содействуя регентше хора, а потом она обернулась и стала дирижировать этими самыми политиками. И никто не усмотрел в этом унижения для Германии, Франции, Англии или США.

Тоном провинциальной гувернантки А.Плутник назидает президента Ельцина: "Показалось, что он как бы перепутал место действия. Как бы отстал от времени, забыв, что поездка по Волге уже совершилась и теперь он находится на других берегах, на берегах Рейна". Вот тебе и на! Каким лихим жестом А. Плутник переносит Берлин с берегов Шпрее на берега Рейна! На географическую карту ему, видимо,

смотреть не приходилось. Ну, что ж, мы уже у Фонвизина читали мудрое изречение, что дворянам изучать географию не нужно, для чего же существуют извозчики? Может быть, и советским "дворянам" география не нужна, но неплохо было бы спросить сначала немцев, нравится ли им такое, с позволения сказать, вольное обращение с их городами и реками. Автору хочется пожелать в будущем все же иногда бросать взгляд на географическую карту, а редакции "Известий" таких безграмотных статей больше не печатать.

Дальше идет в том же духе. Делается нелепое сравнение с угрожающим ботинком Хрущева, ни к селу, ни к городу упоминается об этических нормах: ни в музыке "Калинки", ни в дирижировании не было ровно ничего антиэтического. Право же, наш автор запутался в трех соснах.

Но всех этих нелепостей автору показалось еще мало. Он приплел чисто советское лицемерие, жалуюсь на растрату средств для поездки в Берлин российских представителей. Вот, мол, умные англичане будут держать российского президента в Лондоне в черном теле. Но краткое посещение Лондона – это обычный рабочий визит, а 31 августа был особенный, неповторимый день. И немцы не скаредничали, приехала масса немецких представителей. А великая Россия должна скаредничать в этот день? Нет, от этого народ не обеднеет. А вот мелочно злобное наваливание всяких нелепостей, только бы очернить президента, вряд ли пойдет на пользу автору статьи.

**Проф. В.А.Пирожкова,
Мюнхен**

Люция Люиг

О “ВРЕМЕНАХ И ЛЮДЯХ”

Рецензия на школьный учебник

Многие в наше время, как, например, академик Игорь Максимович, того мнения, что, в первую очередь, Россия и Германия ответственны за судьбы Европы. Кроме того, дружеские отношения между Россией и Германией всегда были на пользу обеим странам, а враждебные приводили к катастрофическим результатам. Эти утверждения подтверждаются историческими фактами. Бисмарк это прекрасно понимал, и, благодаря благожелательному нейтралитету и поддержке России, Бисмарку удалось в 1871 г. создать единое немецкое государство. А что первая и вторая мировые войны принесли всей Европе и, в первую очередь, Германии и России, всем хорошо известно. Дружба Германии и России необходима для обеих стран. Без России Германии трудно будет решить как ее внешние, так и ее внутренние (например, безработицу) проблемы. Но и Россия нуждается в партнере в Европе, и лучшим партнером является именно Германия, благодаря своему географическому положению, количеству населения и экономико-техническому развитию. Ни Франция, ни Англия не в состоянии заменить России Германию. О более мелких странах говорить и не стоит.

Еще раз повторяю, дружба с Россией очень важна и для Германии. Может быть, это звучит в наше время немножко странно, т.к. в России, как некоторые думают, происходит хаос и страна нестабильна. После 74-х лет коммунистического режима, который вел войну против собственного народа и при котором было убито больше людей, чем во время первой и второй мировых войн вместе взятых, страна даже на удивление стабильна. Могло бы быть и хуже. Взглянем только на бывшую Югославию, где люди убивают друг друга и уничтожают свою страну. Что делала бы бывшая ГДР, где социалистический режим господствовал только 44 года, но уже и за этот срок сумел довести страну до абсолютного банкротства, без ежегодных десятков миллиардов немецких марок? А Россия таких миллиардов ни от кого не получает. Несмотря на все трудности и неурядицы, жизнь в России развивается и стабилизируется.

К сожалению, не все немцы, как, например, наш министр обороны Фолькер Рюе, строят

свою политику на дружбе и сотрудничестве с Россией, а наоборот, думают обойтись без России или даже действовать против нее. Одной из причин их политических взглядов является их искаженное представление о России. Ложное представление о России многих людей объясняется тем, что в большинстве немецких исторических учебников история России представлена в искаженном виде, словно авторы этих книг переписывали русскую историю из советских коммунистических и весьма тенденциозных книг. Так, например, в учебнике “Времена и люди”, издательство Шёнинга, в изложении русской истории имеются веские ошибки и искажающие факты. По этому учебнику преподают историю в гимназиях всех земель Германии. Могу сказать, что и другие исторические учебники, как, например, “История и события” издательства Клетта, мало чем или вообще не отличаются от данного учебника. Они в таком же духе излагают русскую историю. Приведу некоторые примеры:

Под словом “цезарепапизм” (на странице 242 первого тома) сказано, что это понятие обозначает, что властитель является одновременно и светским и духовным главой, как, например, византийские императоры и русские цари (см. также второй том, с. 111, третий том, с. 22, с. 193). Это объяснение ошибочно, даже по отношению к Византии. До 1589 г. Константинопольский патриарх являлся духовным главой русской православной церкви. В этом году Московский митрополит был назначен патриархом и стал, таким образом, духовным главой России. В 18 веке при Петре Великом русская православная церковь созданием Святейшего Синода и одновременным упразднением патриаршества была передана в ведомственное подчинение государства, но царь никогда не стал духовным главой, как, например, английский король при создании англиканской церкви в 16 веке. В Западной Европе цезарепапизмские явления были широко распространены. Однако в данном учебнике они таковыми не считаются. Для сравнения указываю на некоторые из них: вспомним специальное германское церковное право¹ (Eigen-Kirchenrecht), Вавилонский плен церкви в 14 веке, когда папы римские стали

слугами французских королей, кайзера Генриха Третьего, который назначал пап римских и смещал их. Вообще назначение духовных лиц в их должность немецкими кайзерами вело в 11 веке к так называемому "Инвеститурному спору", который был закончен Вормским конкордатом в 1122 г. Согласно решению последнего, в Германии духовные лица в своих должностях должны были быть утверждены кайзером или же королем: только после вручения им скипетра королем или его заместителем избранный в сан епископа был посвящен. Евангелические церкви немецких земель (ev. Landeskirchen) были подчинены государству: суверены стали в 16 веке так называемыми "временными" епископами (Notbischöfe). И церковные имения получали суверены. Во Франции с 1514 г. король назначал высшее духовенство.

Таким образом, утверждение на 23 странице третьего тома о том, что русский цезарепапизм основательно отличается от западно-европейских форм абсолютизма, ошибочно. Оно искажает истинную историческую картину.

Понятие **автократия** объяснено на странице 242, том третий. И это определение ошибочно, ибо неограниченная власть царя является центральной в его изложении. Это не отражает сущности царской системы. Царь не был самовольным государем, который мог делать, что хотел. Он сам себя называл самодержцем.² Это название он перенял с греческого, и очень трудно правильно перевести это понятие, не искажая его сути. В своих действиях и решениях царь был связан, во-первых, этически-религиозными нормами и, во-вторых, действующими законами, которые он перенял от своего предшественника (я говорю, главным образом, о 19 веке. В средних веках обычное право и боярская дума играли большую роль). Закон мог быть отменен только новым законом, который входил в силу по предписанному законами порядку, при содействии Государственного Совета и Сената. Последним принадлежало право обнародования закона, и, как известно, закон вступал в силу только после его обнародования (статья 72 Основных законов Русского Государства). Таким образом, в обход Государственного Совета и Сената царь не мог объявить законопроект действующим законом. Название "монархия Божьей милостью" скорее всего определило бы сущность царской власти.

Во втором томе лишь одна страница (с. 132–133) посвящена русской истории. **Киевская**

Русь, первое Русское государство, которое имело большое значение в экономическом, политическом и культурном отношении, ни единым словом не упомянута. Ученики получают представление, что русско-европейские земли состояли только из многочисленных, незначительных удельных княжеств. И татарское иго, собственно говоря, ничего отрицательного из себя не представляло: благодаря ему поднялась Москва. Получается, что Иван Третий явился основателем Русского государства. Совершенно неправильное представление!

В третьем томе (19 век) сказано, что царь был против реформ (с. 192), что тоже – неправда! Николай Первый издал ряд законов и реформу, главным образом, с целью улучшить положение крестьян:

в 1830 г. была проведена кодификация русского права;

в 1833 г. вышел в свет Свод Законов, где, между прочим, законным образом были определены правовые положения и правомочия отдельных органов государственной власти;

в 1832 г. были запрещены продажа крестьян без земли и разлучение членов семьи;

в 1837–1838 гг. была проведена реформа относительно государственных крестьян, которые составляли приблизительно 45% всех зависимых крестьян. Эти крестьяне получили широкое самоуправление, которое было основано на принципе выбора: администрация и судопроизводство первой и второй инстанции в селах были выборными; их выбирали сельские жители. Одновременно их экономическое положение улучшилось благодаря введению новых экономических методов.

В 1842 г. помещики получили право заключать с крестьянами соглашения о прекращении личной крепостной зависимости.

Прежде чем приступить к вопросу об освобождении крестьян, я хочу исправить еще и следующее утверждение: на 192 странице третьего тома мы читаем: "Крепостное право существовало в России столетиями".

Название "крепостной крестьянин" указывает на происхождение его из той же зависимости, которая развивалась в 15–16 и 17 вв. В Западной Европе же первая фаза крепостной зависимости возникла уже в 9–12 вв. (Meyers Taschen-Lexicon, Geschichte, S. 9, Band IV, Mannheim 1982). Таким образом крепостное право существовало в России, по сравнению с Западом, гораздо более короткое время. Уче-

ник, однако, получает, читая тексты в учебнике "Времена и люди", как раз противоположное представление.

Кроме того, помещики поначалу не были неограниченными хозяевами своих крепостных крестьян. Судебник 1550 г. подтверждает право свободного передвижения крепостных крестьян, однако ограничивает его на две недели в году, а именно во время уборки урожая. Лишь в 17 веке крепостные крестьяне теряют свое самоуправление, а в 18 веке административная и судебная власть помещиков по отношению к крепостным крестьянам нарастает. В 1767 г., например, у крепостных крестьян отняли право подавать в суд на своих помещиков³, а указом 1783 г. был запрещен свободный переход крепостных крестьян от одного владельца к другому в Малороссии (Украина) (С.Г.Пушкарёв, Обзор русской истории, с. 347).

Когда Александр Второй начал свою великую реформу освобождения крестьян, возникла оппозиция среди дворян-помещиков. Часть дворянства боялась потерять свои привилегии. Но Александр Второй настаивал на своем. В противоположность Пруссии и Австрии, где крестьяне были освобождены без земли, крестьянам в России при их освобождении в 1861 г. были выделены земли, однако не в личную собственность: землю получал крестьянский мир, членами которого являлись крестьяне. Это повело, особенно в 20 веке, к трудностям и отрицательным последствиям, с которыми опять-таки государство старалось справиться. Я имею в виду великолепную реформу (аграрную) Петра Аркадьевича Столыпина, пожалуй, самого великого государственного деятеля русской истории, который в учебнике "Времена и люди" не упоминается. Так как в Думе (русский парламент, существовал с 1906 г.) большинство членов высказалось против этой реформы, Дума была дважды распущена, а не из-за того, как утверждают на странице 4 четвертого тома учебника "Времена и люди", что правительство хотело вернуться к старой автократической системе. Только с третьей Думой П.Столыпин смог полностью осуществить свою реформу, благодаря чему крестьянам в 1914 г., накануне первой мировой войны, принадлежало 80% пахотной земли европейской части России, 25% – в качестве личной собственности. Кроме того, надо указать, что с освобождения крестьян в 1861 г. помещики были вынуждены продать 53 миллиона десятин земли, 26 милли-

онов которых приобрели крестьянские общины. Следовательно, крестьянам уж не так плохо жилось, как это утверждают в учебнике "Времена и люди". Утверждение, что русский крестьянин – это человек, ведущий "тупой образ жизни" (с. 193, третий том), тенденциозно и, очевидно, списано из идеологических советских исторических книг. Например, у Ивана Тургенева ("Записки охотника"), у Сергея Аксакова ("Семейная хроника", "Детские годы Багрова-внука") и у Александра Сергеевича Пушкина мы получаем иное представление о русском крестьянине.

Кроме того, надо уточнить и исправить, что в 1861 г. были освобождены не 45 миллионов крестьян, а 25 миллионов, так как 20 миллионов были же "государственными крестьянами", которые крепостными не были. Кроме того, как уже выше сказано, реформа в положении государственных крестьян состоялась уже в 1837–1838 гг.

Таким образом, структура русского общества в учебнике "Времена и люди" дана неправильно: 45 миллионов крепостных крестьян, 4,5 миллиона мещан и 0,5 миллиона дворян (том третий, с. 193).

Еще несколько слов относительно Столыпинской реформы. С 1909 г. до 1913 г. ежегодное производство зерна возросло с 2,5 до 4 миллионов пудов, это обозначает приблизительно 75% доли прироста. Относительно других сельскохозяйственных продуктов можно установить соответственный рост. Не зря Солженицын указывает в своем романе "Август 14" на этот экономический подъем в начале 20 века.

Вернемся к Александру Второму. О его дальнейших реформах ученик ничего не узнает, т.к. о них не сказано ни единого слова. Я хочу коротко их назвать.

В 1864 г. вводится земское самоуправление, где дворянство, купечество, ремесленники и крестьянские общины были представлены в одинаковом количестве; реформы в области просвещения, начиная с реформы университета в 1863 г., в 1870 г. – высшее женское образование, в 1871 г. – реформа гимназии; в 1864 году была проведена знаменательная судебная реформа, по которой был введен присяжный суд и, таким образом, Россия сравнялась с передовой Европой и вошла в число современных правовых государств (Gunther Stokl, Russische Geschichte, с. 549).

1870 г. – городское самоуправление;

1874 г. – военная реформа.

Высказывание, что с 1866 года политика **Александра Второго** стала **реакционной** (с. 193, том третий), просто **недопустимо**. Хочу еще упомянуть о том, что Александр Первый предоставил Польше, которая с 1815 г. находилась с Россией в персональной унии, конституцию, которая была тогда самой либеральной в Европе. При Александре Втором была разработана конституция для России, но незадолго до ее объявления Александр Второй был убит террористами (1881 г.). Его сын и преемник Александр Третий ввиду насильственной смерти своего отца не решился объявить эту конституцию.

Нельзя также описывать **восстание декабристов** лишь как попытку ввести в России **конституционную монархию**. Это искажает историческую действительность.

Декабристы являлись маленькой группой, членами которой, главным образом, были офицеры, но которые расходились в своих целях. Пестель, один из ведущих декабристов, например, составил проект яковинской диктатуры. Имелись планы уничтожить всю царскую семью, включая всех маленьких детей. Эти офицеры воспользовались междуцарствием, которое возникло в связи с отказом Константина от престола в пользу своего брата Николая. Декабристы, однако, не сообщили приведенным к присяге солдатам свои истинные цели, т.к. они опасались, что солдаты в таком случае отказались бы от них. Из-за этого они объявили им, что настоящим царем является Константин, а Николай – узурпатор. Что царь приказал кровавым образом подавить это восстание, тоже неверно. Царь старался мирным путем убедить солдат в правильности присяги. Для этой цели были посланы митрополит Серафим и великий князь Михаил Павлович к отказавшимся от присяги солдатам, которые собрались на Сенатской площади, в Петербурге. Они старались успокоить солдат и им все объяснить. Во время увещания генерал-губернатор Петербурга Милорадович, герой отечественной войны, который тоже при этом присутствовал, был убит выстрелом одного декабриста. Первая кровавая жертва. Только к вечеру Николай Первый решился открыть огонь против мятежников, чем и прикончил этот “призрак”, выражаясь словами Штекля (Stöckl, с. 474). Никак нельзя сказать, что подавление восстания декабри-

стов было особенно кровавым, если сравнить с подобными восстаниями в Западной Европе. Например, с Февральским восстанием 1848 г. во Франции, с мартовскими волнениями в Вене и в Берлине, где тоже мятежники были подавлены вооруженными силами.

121 декабрист должен был отвечать перед специальным судом; 36 из них были приговорены к смертной казни; в 31 случае царь Николай Первый отменил смертную казнь, пять приговоров были приведены в исполнение (стоит сравнить с Советским Союзом: А.Солженицын, “Архипелаг ГУЛаг”).

Само собой разумеется, что ни одна реформа не является совершенной. Каждая подвергается критике и каждая с течением времени требует улучшения. Освобождение крестьян в Пруссии и в Австрии вело к возникновению сельскохозяйственного пролетариата, но это не значит, что от реформ барона Штейна и Гарденберга можно несколькими словами в отрицательном духе отделаться, как это происходит относительно России. В учебнике “Времена и люди” почти все, что царь и его правительство делали, дано в черных красках. Это относится и к концу 19 и к началу 20 вв.

“В начале 20 века большая часть народа в России жила без политических прав, в отчаянной нищете и в социальном рабстве” (с. 4, четвертый том).

Как раз в это время Россия находилась в эпохе изменений и подъема, как в экономическом и политическом, так и в культурном и духовном отношениях. Французский экономист Эдмонд Тери (Edmond Thery), редактор “Economiste Européen”, писал в 1913 г., что если Россия будет так развиваться дальше, как она развивалась с 1900 до 1912 г., она в середине 20 века будет политически, экономически и в финансовом отношении господствовать в Европе (Edmond Thery, La Transformation économique de la Russie). Например, возросла фабричная индустрия. С 1900 г. до 1913 г. этот рост составил в миллионах рублей с 861,7 до 1665,0, то есть 74% прироста. На душу населения это значит 46,2% прироста. Выражаясь рублями, на душу рост составил с 8,8 р. до 14,3 р., и это несмотря на быстрый прирост населения. Надо прибавить, что эти данные уже являются откорректированными (Russland Aufbruch ins 20 Jahrhundert. S. 907).

В следующих отраслях промышленности Россия находилась в начале 20 века на четвер-

том месте мирового производства, значит, перед Францией и Австро-Венгрией: в горно-добывающей промышленности, в потреблении каучука и гуттаперчи, в производстве сырой стали, в машиностроительной промышленности, в добыче золота (после Южной Африки, США и Австралии). В добыче нефти Россия стояла на втором месте после США.

Доля России относительно цены производства в европейской текстильной промышленности составляла в 1913 г. 14,9%. Это значит, Россия заняла третье место в Европе после Великобритании (28,6%) и Германии (19,1%), перед Францией (10,0%) и Австро-Венгрией (7,2%). Надо подчеркнуть, что эти вычисления не учитывают кустарную промышленность, которая была очень распространена в России и где, прежде всего, работало сельское население. В резиновом производстве Россия заняла важное место в мировом хозяйстве. Большой спрос на галоши на внутреннем рынке повел к такому развитию резиновой промышленности, что эта отрасль стала в значительном масштабе экспортировать свои изделия на западноевропейские рынки (*Russlands Aufbruch...*, с. 92–96).

Эту статистику я могла бы дальше продолжить, но я не хочу писать подробное исследование, а лишь указать на искажения в учебнике "Времена и люди". Важно, что это развитие в России нельзя игнорировать, тем более, искажать, как это делается в данном учебнике. Учебник получает совершенно неправильное представление о дореволюционной России, и, таким образом, он не в состоянии правильно оценивать революцию 1917 г., захват власти коммунистами и Советский Союз с его проблемами и фазами, а значит, и теперешнюю Россию. В учебнике "Времена и люди" ни единым словом не упомянуто и социальное законодательство России. Наоборот, подчеркнуто "социальное рабство" рабочих, их тяжелое положение в социальном отношении.

Несмотря на то, что только с последней четверти 19 века можно говорить об индустриальном развитии России (*Russlands Aufbruch*, с. 90), уже в 1882–85 гг. были изданы социальные законы для фабричных рабочих. Они запрещали ночную работу для женщин и подростков до 17 лет, для детей с 12–15 лет был введен восьмичасовой рабочий день и были установлены инспекции фабрик. В 1897 г. был ограничен законом рабочий день для фабричных рабочих

до 11,5 часов, а перед воскресными и праздничными днями – до 10 часов. В Германии, например, в то время еще не существовало общего ограничения рабочего дня для мужчин, несмотря на то, что индустриализация началась в Германии уже в 30-х и 40-х годах. В 1903 году законом было установлено, что за несчастный случай на работе отвечают работодатели. В том же году рабочие получали право выбирать своих представителей и в 1906 г. право на забастовку. С 1909 г. предприниматели были обязаны застраховать своих рабочих против инвалидности и на старость.

Аналогичное положительное развитие происходит и в области культуры. Везде наблюдается подъем. Хочу указать только на закон 1908 г., которым был предпринят первый шаг для общего обязательного обучения (ежегодно открывались около десяти тысяч новых школ), и на то, что время до революции называется серебряной эпохой русской литературы. Этот подъем коммунистической диктатурой сразу же прекращается. Учебник "Времена и люди" же дает как раз противоположное представление об этом времени.

Дальше мы читаем в учебнике "Времена и люди": "В январе 1905 г. гвардейские части стреляли в невооруженных демонстрантов, которые подходили к дворцу, чтоб передать царю прошение; результат этих жестоких мер – больше чем 1000 убитых".

Исправление: руководил этой демонстрацией весьма сомнительный человек, а именно священник Гапон, который, как потом выяснилось, был двойным агентом: он работал вместе с большевиками и одновременно с полицией. Ленин охарактеризовал его как "революции безусловно преданного человека" (*Rimscha, Geschichte Russlands*, с. 496). Дискредитация царского режима была целью большевиков, это ясно и понятно. В данном случае их целью была конфронтация царского режима с народом, которая должна была окончиться кровавым образом. Официальные данные о погибших при этом – 96 человек; неофициальные – несколько сот (не больше 500). Коммунистическая же историография дает число больше 1000 человек (*Rimscha*, с. 490). В последнее время и советская историография дистанцируется от этого числа. Историк Пушкирев говорит о 130 погибших (Пушкирев, с. 445). Штекль (*Stöckl*) указывает в своей книге "История России" на то, что число убитых никогда не было

установлено (Stökl, с. 596). Учебник "Времена и люди" перенял советские данные – "больше 1000". (Для сравнения: при Июньском восстании 1848 г. в Париже было убито больше 10 000 людей.)

Совершенно ясно, почему советская историография хотела дать отрицательное представление о царском режиме. Этим она обосновывала и оправдывала захват власти коммунистами.

Герман Андреев, который в 1975 г. эмигрировал из Советского Союза на Запад и теперь преподаёт русскую литературу и страноведение в институте переводчиков в Гермерсгейме, уточняет в своем сочинении "Какую Россию уничтожили большевики?", что советам вопрос о легализации своей власти никогда не был безразличен. С 1917 года русским внушали мысль, что положение народа до 1917 г. было во всех отношениях ужасно: "...крестьяне страдали малоземельем и, следовательно, голодали; рабочие нищенствовали в невыносимых условиях жизни и в бесправии, никаких свобод не существовало... в хозяйственном отношении Россия катастрофически отставала от Запада" (Андреев, с. 7).

Конечно, задача всякой исторической книги

состоит и в том, чтобы указывать на проблемы данных стран, но не таким образом и не в таком искаженном виде, как это происходит по отношению к России в рецензируемом нами учебнике. Хочу еще раз сказать, что большинство немецких исторических учебных пособий не отличается от учебника "Времена и люди".

Немецкое подрастающее поколение, таким образом, получает неправильные представления об исторической России и невольно думает, что в России людям всегда хуже жилось, чем в Западной Европе. А на самом деле это вообще не было так.

Чем же объяснить тот факт, что поток людей шел тогда с запада на восток, что, например, так много немцев переселялось в Россию? Если бы людям там так плохо жилось, ни один немец не оставался бы там. По всей Европе (за исключением некоторых мест) существовало крепостное право, везде крестьян притесняли, но в России не более, чем в других европейских странах, в некоторых отношениях им жилось даже лучше.

В интересах России указать на эти исторические искажения в немецких учебниках и добиться их исправления. Я сделала все, что могла, но один в поле не воин.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 В средних веках феодал не только распоряжался церковными имениями, но и назначал священников и других духовных лиц и смещал их.

2 Многие историки трактуют понятие "самодержец" как определение полной независимости царя от внешних, иноземных источников власти.

3 Такого права у крепостных крестьян на Западе не было.

Заповеди Блаженства чрезвычайно глубоки. Невозможно исчерпать толкование всего смысла, вложенного в каждую заповедь, в одной короткой беседе. Мы печатаем беседу протоиерея Димитрия Константинова, дающего указания на то, как можно понимать Заповеди Блаженства. Особенно для первой заповеди существует несколько толкований, и они могут быть все правильными, так как заповеди многоплановы и охватывают разные аспекты христианского учения. Мы благодарим о. Константинова за эту беседу, хотим только указать на то, что одной беседой заповеди блаженства исчерпать невозможно.

РЕДАКЦИЯ

Протоиерей Д. Константинов

ЗАПОВЕДИ БЛАЖЕНСТВА (Беседа для приходящих в Церковь)

Десять заповедей блаженства (по другому счету девять) являются началом Нагорной проповеди Спасителя, наиболее полно изложенной в Евангелии от Матфея. В Заповедях блаженства как бы сконцентрировано в предельно краткой форме изложение тех путей, по кото-

рым должен идти христианин, взявший на свои плечи Крест Христов. Это краткое, но исчерпывающее введение в христианство, данное его Основоположником. И не случайно Нагорная проповедь была произнесена в самом начале земной жизни и деятельности Спасителя.

Именно ею начинается Господь Свое общественное служение людям.

“Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное” (Матф., V, 3). Не о нищих или бедных людях идет в данном случае речь. Речь идет о том, о чем люди не любят говорить, – о смирении пред Богом. Речь идет о людях, осознавших свое духовное несовершенство пред лицом Божиим, или, во всяком случае, призываемых к этому, готовых идти по пути, указанному Господом. Нищета духовная пред Богом, осознанная до конца человеком, является фундаментом, на котором возрастает его духовное богатство. Нищета духовная – осознание своего недостойнства и убожества пред лицом Божиим, и отсюда чувство величайшего смирения, делающее ненужным и нелепым наше земное “достоинство”, связанное с успехами на нашем земном поприще. Смирение – это не самоуничтожение и самопринижение, а лишь объективное осознание своего несовершенства, недовольство собою, чуждое фарисейской самоуспокоенности и гордыни. А последняя особенно свирепствует в человеческих душах, не понимающих, что их так называемые “успехи” в жизни промыслительно посланы им для свершения дел, написанных в плане Божественного промысла. И не больше этого. А святое недовольство собою и называется в Евангелии нищетою духа или смирением и является первой весьма важной предпосылкой для дальнейшего пути человека.

“Блаженны плачущие, ибо они утешатся” (Матф., V, 4). Смиренное недовольство собою, своей жизнью вызывает тот плач о своих грехах, который по обетованию Спасителя должен принести утешение. Речь идет в данном случае не о каких-то случайных горестях, вызванных жизненными неудачами или огорчениями, а о несмолкающем голосе нашей совести, все время напоминающей нам о нашем несовершенстве, о наших неизживаемых недостатках, о наших грехах, ложно называемых некоторыми людьми “ошибками”, извиняющими их нарушения воли Божией. А эти “ошибки” ведут к искажению богоподобного облика человека, низводят человека на какую-то низшую ступень бытия, прекращают активную борьбу людей с грехом, изменяют нравственный климат в жизни всего общества. Индивидуальный грех не остается никогда только “личным” грехом. Греховное состояние человека неизбежно, с совершенно точной закономерностью оказывает

влияние и на других соприкасающихся с ним людей и, таким образом, делается достоянием общества.

“Откуда нану плакати окаяннаго мего жития деяний; кое ли положу начало, Христе, нынешнему рыданию; но яко благоутробен, даждь ми прегрешений оставление”, – начинает преподобный Андрей Критский свой Великий Канон. Плач о своих грехах, вызываемый раскаянием о жизни, пошедшей по далеко не безгрешному пути, неизбежно приводит к полному или хотя бы частичному исправлению человека, и блаженны поэтому те, кто недоволен собою, плачет о своих недостатках, кто понимает поврежденность человеческой природы, стремится ее исправить. Этот плач, эта борьба приводит в конце концов к тому утешению или исправлению, о котором говорится во второй заповеди.

“Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю” (Матф., V, 5). Эта заповедь почти всегда вызывает вопрос и возражение: как кротость может победить зло, и, кроме того, практика жизни показывает, что кротость очень часто бывает совершенно бессильна перед злом. Возражение, на первый взгляд, совершенно верное. Но в данном случае дело обстоит несколько сложнее. Верно, кротость как будто далеко не всегда может победить зло, но почти всегда может уменьшить, как бы сократить его. Кротость – это духовная сила, и достаточно хорошо известно, что весьма часто духовная сила кротости разоружает зло и, следовательно, уменьшает его активность и действенность в мире, тем самым увеличивая духовно-положительный потенциал добра. И в нашей жизни, и в литературе (особенно русской) мы нередко встречаемся с образцами естественной ненадуманной кротости, перед которой пасует зло. Зло, сталкиваясь с кротким беззлобием, теряется и часто не знает, как в этом случае вести себя, а иногда и полностью капитулирует. Это факты, подтверждаемые жизнью. Сталкиваются два противоположных полюса жизни, в результате чего большей частью обезвреживается или уменьшается сила зла и увеличивается количество добра в мире. В этом заключается также глубокий смысл этой заповеди, не только говорящей об индивидуальной человеческой жизни, но ставящей в подлинном смысле мировую проблему об увеличении влияния добра во всем мире. В этом смысле можно говорить о наследовании земли, о котором говорится в данной заповеди.

“Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся” (Матф., V, 6). Стремление к правде и справедливости свойственно всякому человеку, находящемуся в сфере духовно-положительных стремлений. Изначала своего сознательного существования люди интуитивно и сознательно тянутся к правде и справедливости. На этом пути они часто спотыкаются и в поисках правды и справедливости одновременно совершают дела, прямо противоположные тому, что они ищут. Достаточно вспомнить всякого рода демонстрации, забастовки, протесты и проч. в том же роде, совершаемые во имя, например, справедливости и приводящие к смерти, страданиям и лишению элементарных жизненных условий других. Достаточно вспомнить знаменитые забастовки в западном мире из-за в общем незначительных требований материального характера, приводившие к параличу ряда общественных служб, вплоть до расстройства работы больниц, что, в свою очередь, вело к смерти людей. Цена за такого рода “справедливость” – непомерная и недопустимая. И не к этой, весьма мелкой и ограниченной правде призывает нас Господь, не к такому и ограниченному эгоизму во имя какой-то своей несовершенной и условной “правды”, а к вечной правде, идеалы которой нам даны в Слове Божиим.

Стремлением к правде и справедливости в их высшем понимании насыщена вся история человечества, а особенно ее христианский период. Само стремление к этим вечным идеалам духовно изменяет человека, и если он не угасит своих стремлений, то, в конце концов, оно откроет то, что он искал. И напрасно некоторые иронически относятся к таким искателям правды. Их искания имеют огромное значение для человечества в целом. Они блаженны потому, что их усилия, их “блаженная настроенность” вносит в жизнь нашей планеты неиссякаемый источник духовного оптимизма, помогает жить и творить во имя этой правды. И если присмотреться к жизни искателей правды и справедливости, то можно заметить, что они всегда блаженны именно этой своей настроенностью, своей жизненной целеустремленностью, они никогда не чувствуют той бессмысленности жизни, на которую жалуются многие, они всегда “при деле”, они знают, для чего они живут, для чего действуют, они всегда бывают оптимистично настроены, и даже неудачи на их пути не снижают их духовный по-

тенциал. Но все это говорится о людях, живущих во имя Божией Правды, Правды с большой буквы, а не о тех, кто безумствует на земле во имя своей относительной маленькой “правды”, правды спорной, условной, ничего не дающей, кроме очередных нестроений и несчастий. Стремление к правде – оправданный, но весьма сложный процесс, и не сбиться в нем с пути бывает не так легко.

“Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут” (Матф., V, 7). Милосердие почти забыто современным человечеством. А между тем, милость, милосердие всегда являлось и является изначальным положительным состоянием человеческой души, направленным на других людей, так или иначе общающихся с нами. И далеко еще не доказано и не проверено, что является в ряде случаев более действенным – смертная ли казнь или милосердие? Милосердное, участливое отношение к людям, активная помощь им в их несчастиях, затруднениях, сожаление в отношении тех, кто попал в беду, неизменно вызывают у всех положительное отношение. И какие бы расхождения во взглядах не имели бы люди, они почти всегда положительно относятся к тем, кто милостив, кто проявляет благожелательное отношение ко всем окружающим, активно помогает людям, попавшим в беду, особенно к тем, кто посвящает свою жизнь служению своим ближним.

При этом надо иметь в виду и следующее. Милосердное отношение к людям, проявление по отношению к ним самого положительного отношения может вызвать неожиданный пароксизм зла. Людям, духовно не подготовленным к приятию добра, оно непонятно. Эта непонятность вызывает подозрения в каком-то “подвохе”, обмане, в лучшем случае в каких-то “странностях” и т.п. Все это может вызвать озлобление, которое выливается в соответствующие слова, а иногда и действия. И к этому всегда надо быть готовым. Подобные, довольно часто встречающиеся в жизни случаи являются испытанием “на прочность” нашего милосердного отношения к людям и одновременно свидетельством также крайнего ожесточения сердец человеческих, искажения положительных духовных идеалов. Милость мира, являющаяся, по церковному выражению, “жертвой хваления”, в своем практическом осуществлении наталкивается на неожиданные препятствия, перед которыми духовно неопытный человек иногда пасует, не понимая проис-

ходящего. Но милостивые будут помилованы, так как состояние активного добра, в котором они находятся, приобщает их к вечным ценностям, являющимся целью жизни человека. Милость – это активное добро, к которому призывает людей Спаситель.

“Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят” (Матф., V, 8). Что означает евангельское выражение “чистые сердцем”? Речь, конечно, идет не о нашем сердце как органе нашего тела, а о нечто большем. Речь идет о состоянии нашего духа, образом которого является сердце как орган, от которого, в первую очередь, зависит наша земная жизнь. “Сердце чисто созижди во мне Боже и дух прав обнови во утробе моей”, – взывал псалмопевец ко Господу. Чистота сердечная, или, иначе, духовная чистота, означает полную отрешенность человека от сознательного зла, абсолютную неприемлемость для него всякого рода враждебных действий по отношению к другим людям. Более того, подобного рода люди, иногда иронически называемые “идеалистами”, не видят и не могут часто увидеть зла в другом человеке, ибо судят они о других людях по своей “мерке”, а эта мерка лишена недоброжелательства по отношению к другим. Человек, “чистый сердцем”, психологически не приемлет зла и видит в других людях только одно хорошее. Таким людям часто бывает непонятна вся изощренность зла, все его хитросплетения, тайные намерения, ловкие ходы, его психология, основанная на пренебрежении к человеческой личности, отрицании ее права на самостоятельность, ее самодовлеющей ценности. Зло часто сознательно ставит людей в такое положение, которое толкает их на поступки, принижающие человеческое достоинство и обесценивающие ценность личности. Все это неизвестно людям, которых Евангелие называет “чистыми сердцем”. Чистое сердце особенно приближает человека к Богу. Если же человек не ощущает Бога, то главной причиной этого состояния является засоренность души элементами зла. Зло как бы набрасывает на людей покрывало, отделяющее их от духовно-положительного мира. Люди с чистым, неиспорченным сердцем не отделены от Бога духовным средоточием зла, и поэтому они пребывают в Боге, видят Его в своей духовной чистоте.

“Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими” (Матф., V, 9). Мир и христианство неотделимы друг от друга, и од-

новременно христианство и последовательная борьба со злом далеко не мирного характера тесно сплетаются друг с другом. И в этом нет никакого противоречия. Мир является необходимой предпосылкой взаимоотношений людей, построенных на предначертаниях, данных Божественным Основателем христианства. Всякое враждебное отношение к людям в корне противоречит основам христианства. Это истина, которую невозможно полностью или частично отрицать. “Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение” (Лука, II, 14). Одно тесно связано с другим.

Но, говоря так, мы должны будем подчеркнуть, что в данном случае речь идет о вражде между людьми, возникшей на почве их чисто земных интересов, не затрагивающей их коренных духовных интересов. Такой вражды христианство не признает и считает ее греховной. Война между государствами за чисто эгоистические цели, семейная вражда на почве недовольства друг другом, взаимные антипатии, вызванные далеко не принципиальными соображениями, подозрения в каких-то преступных замыслах без достаточных оснований и т.п. – все это начисто отвергается христианством. Но одновременно мы должны подчеркнуть, что, будучи по своей сущности миротворческим, христианство не знает мира с теми, кто пытается вступить на путь активного и агрессивного богоборчества. Это, пожалуй, почти единственный случай, когда христианин отрицает мир и вступает на путь активной борьбы. Но эта борьба носит принципиальный характер и направлена не на защиту каких-то личных эгоистических интересов чисто земного характера, а на защиту высших духовных ценностей, на разрушение которых направлена деятельность противной стороны. И упрекать христианство или Церковь в том, что она якобы “вмешивается в политику”, когда выступает против ущемления религиозных свобод или гонений на религию и в связи именно с этим на действия властей в тех или иных странах, нет никаких оснований. В эту большую и принципиальную политику Церковь обязана вмешиваться и поднимать свой голос в защиту религиозных ценностей.

“Блаженны изгнанные за правду, ибо их Царство Небесное” (Матф., V, 10). Правда – одна из основных духовных ценностей, отстаиваемых христианством. Речь при этом идет не об оценке относительных, “частных” человеческих “прав”, а о правде абсолютной, носящей

религиозный характер, данной нам в Евангелии. Поэтому, когда мы говорим об изгнанных за правду, то речь идет не о маленьких частых несогласиях по отдельным вопросам, не о политических, например, расхождениях, приводящих к нестроениям и конфликтам, а о той большой правде, которая дана нам Спасителем. Речь идет о духовных вопросах, в которые не следует приносить элементы, не имеющие к ним отношения.

Неугасимое стремление к большой правде и справедливости всегда было свойством человеческого духа, не искаженного активным вмешательством в него зла. Стремление это характерно для людей всех эпох, но особенно христианской, свидетельствуя об их активной духовной жизни. Правда и справедливость являются категориями нравственного характера, за которые всегда и всюду обязан бороться христианин. Только надо всегда отдавать себе полный отчет о подлинном характере той правды, за которую приходится бороться.

Но борьба за правду и справедливость весьма часто вызывает весьма решительный отпор у тех, кто совершенно не заинтересован в их господстве. Поэтому весьма часто люди, выступающие в той или иной форме за правду, страдают, а нередко бывают временно побежденными. Временно, так как в большинстве случаев правда так или иначе восторжествует. Но сама по себе борьба за правду и даже временное поражение ее борцов, не сломившее их дух, ведет в конечном итоге к духовному росту человека, закаленности его духа, и это несомненно приближает его к Богу.

В этом также заключается внутренний дополнительный смысл этой заповеди Спасителя. Более того, сама борьба за правду, независимо от того, кто в данный момент побеждает, создает на нашей планете определенный нравственный климат, говорящий нам, что человечество не отошло от своего природного стремления к правде и справедливости и в мире продолжается активная борьба за положительные ценности.

“Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня; радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах; так гнали и пророков, быв-

ших прежде вас” (Матф., V, 11-12). Эта заповедь как бы завершает последовательный перечень евангельских блаженств, подводит итоги всему ранее сказанному. Она по своему содержанию перекрывает все остальные заповеди, свидетельствуя, что мученичество за Христа, гонения за Него создают христианину венец вечной славы, независимо ни от каких других превосходящих обстоятельств. Верность Христу до смерти возводится на пьедестал духовной верности Богу, подчинение Его воле, благой и непостижимой.

Эта заповедь также говорит нам, что путь христианина будет, очевидно, всегда проходить через терния нападок на него со стороны врагов христианства и вообще веры в Бога. Но чем больше нападок и гонений, тем сильнее в духовном отношении становятся те, кто подвергается гонениям. Это забывают и не понимают современные гонители веры в Бога. А между тем, вражду по отношению к носителям веры в Спасителя мира Господь предвидел. Она неизбежна потому, что, как мы уже говорили выше, добро находится в постоянном единоборстве со злом. Последнее же всегда и всюду будет стараться разрушить духовные начала христианства. Это как раз пример борьбы, когда христианин должен стремиться не к беспринципному примирению с противниками Христа, а, наоборот, бороться с ними до своего последнего издыхания. Иначе несколько обстоит дело, если противники христианства откажутся от своей борьбы и останутся хотя бы нейтральными в отношении веры в Бога и Церкви. Но до тех пор, пока этого не случилось, обязанность христианина – везде и всюду проповедовать Христа, не взирая на все возможные последствия его проповеди. Верующий человек не может и не смеет примиренчески относиться к гонителям и хулителям христианства. Путь духовной борьбы остается единственным путем христианина.

Таковы единственно возможные выводы, которые можно сделать, изучая заповеди блаженства, данные Господом в самом начале Его общественного служения и явившиеся отправными точками для развития христианского учения, заключающегося в четырех канонических Евангелиях.

Немецкая газета "Зюддейче Цайтунг" поместила в номере от 24 августа 1994 г. интервью с о. Глебом Якуниным. Мы находим его интересным и помещаем в нашем журнале в обратном переводе с немецкого. Печатается в порядке дискуссии.

РЕДАКЦИЯ

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ОБЛАДАЕТ ТОТАЛИТАРНЫМИ СТРУКТУРАМИ

**Активный священник требует покаяния Московского Патриархата
и обновления Церкви**

Депутат Глеб Якунин встречает посетителя в рясе с крестом священника на груди. Решение Священного Синода лишить его священнического сана Якунин до сих пор не признал. Предлогом для этого решения Синода было то, что о. Глеб кандидировал на выборах в декабре 1993 г. в депутаты Думы от "Выбора России". Но на самом деле иерархи вытолкнули священника, с которым они воевали с 60-х гг. Еще в 1965 г. Якунин был запряжен в служение за критику церковных иерархов. Только в начале 80-х гг., после тюрьмы и ссылки, он был амнистирован и восстановлен как священник. Со времени августовского путча его отношения с церковной иерархией все обострялись. Разоблачение, сделанное Якуниным относительно именного списка агентов КГБ из числа церковных иерархов, произвело в 1992 г. сенсацию. С тех пор активный священник требует неумолимо покаяния Священного Синода и персонального обновления церковного руководства. В факте снятия с него священства Якунин усматривает действие национал-консервативных сил, влияние которых внутри русской православной Церкви растет. Как член движения "Выбор России" и сопредседатель христианско-демократической партии он все более воинственно борется против "тоталитарных структур" Церкви.

Вопрос: Из своего окна вы видите здание Лубянки, где вы после путча 1991 г. изучали в архивах КГБ церковные акты. Имели ваши разоблачения какие-нибудь последствия?

Якунин: После опубликования доклада о причинах путча архивы были в 1992 г. снова закрыты. Комиссия доказала однозначно, что церковная иерархия была стопроцентным отделом КГБ. Но церковное руководство игнорирует и замалчивает этот факт до сих пор. Церковь создала свою собственную комиссию, которая занимается этим вопросом два года, но она ни-

чего не делает. Она была создана только для того, чтобы пускать народу пыль в глаза. Кроме архиепископа Хризостома в Литве, никто из иерархов не признался в своей агентурной деятельности. Но без покаяния и епитимьи не может быть, думаю я, нового начала и внутренней реформы.

Вопрос: По большим праздникам Патриарх Алексей выступает рядом с президентом Ельциным. Но стоит ли церковное руководство на стороне реформаторов?

Якунин: Московский Патриархат получил после переворота бесчисленные поблажки. Ему возвращены сотни церквей и десятки монастырей, он освобожден от налогов. Уже в 1990 г. он получил прекрасный закон о положении религии, о таком законе прежде нельзя было даже мечтать. Но, несмотря на это, Церковь поддерживает реакционные силы. Старые структуры слишком тесно связаны друг с другом. Сегодняшние церковные статуты - это копия статуты внутренней службы КГБ, у Церкви тоталитарная структура.

Вопрос: Где она могла бы найти силы для внутреннего обновления?

Якунин: Наследие тоталитаризма еще очень сильно. Вспомним хотя бы прежние привилегии. Епископат получал прежде деньги из кассы Совета по делам религии, снабжался в специальных магазинах Кремля, имел доступ в государственные дома отдыха. Он был крепкой частью номенклатуры. Конечно, они ненавидят сегодняшнюю демократическую систему. Они хотели бы сохранить свои привилегии. Поэтому они поддерживают всех, кто им что-то обещает, коммунистов, аграриев, фашистов, кого угодно. Это было особенно ясно во время путча Верховного Совета в октябре, когда священники в Белом доме благословляли мятежников.

Вопрос: Где заметны пункты соприкосновения Церкви с правыми радикалами?

Якунин: Внутри красно-коричневого спектра Церкви ближе всего, конечно, националистиче-

ские партии. Эти группы не интересуют возрождение Церкви как духовной основы, их интересует только декоративный элемент в обрядности, который они хотят использовать в своих целях. С церковной стороны митрополит Иоанн Ст.-Петербургский пропагандирует открыто в газетах "Завтра" и "Советская Россия" антисемитскую программу. Также и Союз православных братств, находящийся под протекторатом Патриархата, поддерживает активно антидемократическую оппозицию в стране. Ни патриарх, ни Священный Синод их за это не осудили. Я усматриваю в этом разделение ролей, причем Иоанн взял на себя роль церковного идеолога.

Вопрос: Не играл ли антисемитизм в православной Церкви еще до революции в годы погромов неблагоприятную роль?

Якунин: Да, антисемитские силы существовали всегда. Но всегда были и ведущие церковные деятели, осуждавшие антисемитизм. Даже ультраконсервативный Иоанн Кронштадтский, который был почетным членом "Черной сотни", резко осудил погромы. Только в посткоммунистической Церкви, которую мы сейчас имеем, не слышно открытого осуждения антисемитской травли.

Вопрос: Не лежат ли корни теперешнего развития глубоко в истории?

Якунин: Кто сейчас еще знает русскую церковную историю? В 30-х годах в Церкви произошел раскол. Все духовные лица, которые не были согласны заключить пакт с большевиками, были уничтожены. Только в 1943 г., когда Сталину понадобилась Церковь, он указом создал Церковь из ничего. Но эта Церковь была только искусственным корсетом, покровом для активности КГБ, она не была живой Церковью, которая жила бы из себя самой. Сейчас, когда существует свобода религии и рыночное хозяйство, видно, что эта Церковь не жизнеспособна. Она не может конкурировать с другими религиозными группами. Поэтому она, по-прежнему, цепляется за государство и требует восстановления своей монополии. Когда вырабатывалась конституция, представитель Патриархата Юрий Калинин старался активно воспрепятствовать параграфу, уравнивающему перед законом все религии. Так вот, Церковь все еще мечтает о "симфонии" с государством вместо того, чтобы стать на собственные ноги и обновиться изнутри.

Вопрос: Тесная связь Церкви с государ-

ством восходит к византийским временам. Как ей теперь научиться стоять на собственных ногах?

Якунин: Да, болезнь Церкви уходит корнями не только в советское время. Во многом даже была виновата Церковь, что в России победил коммунизм. Она была единственной инстанцией, которая могла бы оказать духовное сопротивление марксизму-ленинизму. Но Московский Патриархат оказался слишком слабым. И не только Московский Патриархат. Коммунизм вообще победил в православных странах, православными были Румыния, Болгария. Только католическая Польша умела сопротивляться.

Вопрос: Вы критикуете послушание государству старых церковных структур, но не находите ли вы сами как депутат Думы слишком близко от русской политики?

Якунин: Если посмотреть на историю Государственной Думы, то можно сказать, что Церковь всегда активно принимала участие в политике. Во всех четырех Государственных Думах, которые до сих пор были, духовные лица были депутатами. Церковь должна вмешиваться в жизнь общества. Лучшими энцикликами Папы Римского являются те, где он говорит об актуальных жизненных проблемах. Церковь, которая не участвует в решении социально-политических проблем, это не живая Церковь. Минский епископ Филарет, запрещающий мне политическую активность, сидит депутатом в Верховном Совете Белоруссии. Кроме того, сам Патриарх политически очень активен. Так, он был в бывшей Югославии и высказался против эмбарго на оружие для сербов. Сейчас опять, кажется, дело в том, **какой** политикой занимается духовное лицо: если этот человек реакционер и антидемократ, то он имеет право заниматься политикой. Если же он старается остаться на платформе демократии, то его наказывают.

Вопрос: Есть ли в Думе тенденции возродить проект закона, который направлен против западных миссий?

Якунин: Да, и даже с двух сторон. Комитет по вопросам экономики и депутат Лисичкин (от партии Жириновского) разрабатывают проект закона. Правда, он меньше направлен против западных миссий, скорее дело идет о том, чтобы передать Московскому Патриархату все бывшее церковное имущество, земли и недвижимое имущество, даже если оно принадлежит

ло прежде другим ветвям Церкви, Катакомбной или Зарубежной Церкви.

Вопрос: Я повторяю вопрос: на какие силы вы рассчитываете в вашей надежде на внутреннее обновление Церкви?

Якунин: И в других странах как раз в период реформ Церкви должны были показать свою жизнеспособность. В России в конце 19-го века было большое реформаторское движение в православной Церкви, которое достигло своего апогея в 1920 г. В центре этого движения был Собор реформ 1917/18 гг. Этот процесс начался в царское время, при более строгом режиме, чем тот, который существует теперь. Вместо того, чтобы теперь, при демократических условиях, этот процесс продолжать, иерархия его торпедирует. Но постановления Собора 1917/18 гг. – базис для обновления православной Церкви. К сожалению, диктаторские структуры теперешней Церкви не допускают никаких инициатив снизу. Есть много священников и монахов, которые смотрят критически на теперешнее состояние Церкви, но они боятся предпринимать что-либо против Патриархата, чтобы не быть выкинутыми, как случи-

лось со мной.

Вопрос: Но Патриарх, кажется, старается найти равновесие между разными силами внутри Церкви.

Якунин: Этот Патриарх показал себя как личность, недостойная этого сана. Он безволен, слаб и неспособен начать даже самые элементарные реформы в Церкви. Вместо этого он активно поддерживает антидемократические силы, как например Союз братств. (Речь идет о тех полных ненависти к людям братствах, в которых участвует В.Н.Осипов. *Прим. ред.*)

Вопрос: Хочет ли народ в это время нестабильности вообще реформы в Церкви, в которой он ищет себе опору?

Якунин: Народ был всегда пассивен. Но причина этого в том, что большинство мало что знает о Церкви. И те, кто теперь формально стали новыми верующими, относятся к Церкви безразлично. Все используют сейчас Церковь для своих целей. Если б верующие смотрели на Церковь как на свою мать, они всеми силами боролись бы за то, чтобы были погашены прежние грехи.

Д.Штурман

ИЗ СТАРОЙ ТЕТРАДИ

Года два назад Лия Владимировна и Яков Хромченко привезли мне из Москвы тяжеленный груз – более тридцати амбарных книг, мелко исписанных моей рукой. Это были рукописи, которые мы вынуждены были оставить у друзей, уезжая в Израиль. Тогда, в 1976–77 гг., законченные работы мы перепечатали, замикрофильмовали и переправили через границу. Коллекцию политических анекдотов и самые дорогие письма – тоже. До этих тетрадей руки не дошли: нас выпустили неожиданно быстро.

Вот один из кусков старых записей, почти не подвергнутых обработке. Он начинается так:

“Как это было” – так называется дневник А.И.Шингарёва, написанный в Петропавловской крепости между 27 ноября 1917 и 5-м января 1918 гг. (Изд. Комитета по увековечению памяти Ф.Ф.Кокошкина и А.И.Шингарёва, Москва, 1918 г.).

Это поистине редкий в своем благородстве и красоте человеческий документ. Но для нас сейчас (это писалось в 1970-х гг.) особенно

интересна попытка Шингарёва проанализировать социальные корни большевизма (проанализировать не в печати, а без надежды на публикацию, для себя, в тюрьме, наедине со своими мыслями). Попытка, сделанная человеком, порядочность, образованность, человечность которого не вызывают сомнения не только у знавших его людей, но и у каждого, кто читал его записи. А.И.Шингарёв – член ЦК партии “народной свободы” – (конституционалистов-демократов) – один из типичных представителей левого, интеллигентского крыла этой партии. В то же время его личность и убеждения – одно из ярчайших опровержений сложившегося в сознании советского человека представления о “кадетах”, как о партии “реакционной”, “буржуазной”.

Гибель А.И.Шингарёва и Ф.Ф.Кокошкина можно считать в какой-то мере случайной. Многие их коллеги по “Партии народной свободы”, а также – слева и справа от нее спаслись, кто – бегством, кто – высылкой в знаменитом ленинском “интеллектуальном этапе” 1922 го-

да. Вместе с тем, эта гибель закономерна и типична: еще большее число людей их типа и круга погибли под большевистским катком.

Находясь в камере Петропавловки, в конце 1917 – начале 1918 гг. Шингарёв упорно анализирует в своих записках сложившуюся к 1918 году в России социальную ситуацию. Так, он различает пять составляющих большевистского движения:

«1. а) Это темная, политически несознательная, но озлобленная социальным неравенством и хозяйственным распадом страны, под влиянием войны, рабочая масса;

б) не желающие воевать, распущенные и развращенные массы необученных и бездельных солдат, оторванных от здорового сельскохозяйственного труда в таком возрасте, когда энергия все ж ищет выхода и теории* самые крайние всего легче увлекают. Это массы, столь же или менее сознательные, чем рабочее, и еще более склонные к насилию и грабежу.

2. Уголовные элементы тюрем.

3. Охранники и приспешники старого режима, примазавшиеся к большевизму.

4. Германские шпионы и германофилы.

5. Идеологи диктатуры пролетариата, фанатики социальной революции, безумцы и адепты внутренней классовой войны».

Прежде всего мы бы поставили п. 5 на место п. 1, ибо именно представители п. 5 возбуждали и направляли массовые движения. **Точнее** – задали стихийному настроению смысл, тон и программу действий своими лозунгами.

Затем мы исключили бы п. 4 как либо мифический, либо количественно ничтожный.

Здесь я вынуждена прервать свой "прототекст" 1970-х гг.

Представление о субсидировании большевиков немецким правительством как о клевете, совсем уж нелепой, было в нас вбито с завидной прочностью. Даже зная уже Ленина весьма основательно, вне легенды, я такую возможность отбрасывала, что называется, сходу.

Мне казалось, что подобное взаимодействие слишком дальновидно со стороны немцев, слишком нечистоплотно даже для Ленина. И – ошиблась: документы о блистательной сделке Ленина с германским ген-

штабом были рассекречены в ФРГ (истекли принятые там для секретной информации пятьдесят лет) и опубликованы. Шингарёв знал и Ленина, и Вильгельма II лучше, чем я. Сумма субсидии была по тем временам огромной. Намного большей, чем мог предположить Шингарёв.

Ненадолго вернусь к своему старому тексту:

Относительно п. 2 есть соображения и у Вас. Гроссмана ("Все течет"), и у акад. Варги в его записках о русском пути построения социализма, да и в более поздних высказываниях самого Ленина. Но, по всей вероятности, этот пункт следует поставить на последнее место, объединив его с п. 3.

И опять сегодняшняя поправка: в своем остаточном уважении к вождям Октября я жестоко заблуждалась. Только прочитав, уже в эмиграции, мемуары начальника контрразведки Временного правительства полковника Никитина, я смогла представить себе удельный вес всяческой уголовщины в красных частях и штурмовых отрядах. В той же книге шла речь и о немецких деньгах. Никитин вел следствие, нашел неоспоримые улики и намеревался арестовать подозреваемых. Однако полусоциалистическое Временное правительство закрыло глаза на убежище Ленина в Разливе. А после предательства Керенским и Савинковым Корнилова и вовсе отпустило большевикам все их грехи.

Далее снова следует "прототекст":

В декабре 1917 года Шингарёв выражает в своем дневнике надежду, что постепенно все станет на место. Здоровые силы народа консолидируются и положат конец губительной тактике фанатиков и возбужденных, увлеченных, деморализованных ими масс. Все вернутся к своим делам, к своему труду. Восторжествует поправная демократия, и "только идеологи и адепты не поймут, что они сделали и чьим оружием они были. Они самые интересные и самые ужасные из всей этой пятерной смеси большевистской бурды. Они дрожжи, и как дрожжи, должны первые гибнуть от эффекта брожения, ими вызванного".

Шингарёв предвидит, как ему кажется, грядущее столкновение между большевизмом и враждебными ему силами и замечает: "Террористы и фанатики уступали всегда только силе, а сила всегда жестока и часто несправедлива".

* Мы бы сказали "лозунги", а не теории (Прим. Д.Ш., 1970-е гг.)

Действительно, фанатики и адепты революции, ее “дрожи”, ее вожди и, пусть чудовищные, но все-таки идеалисты, погибли первыми, но не от рук прозревшего народа. Предстоит развернуться реальности, которая не имела в то время исторических прецедентов подобной силы, такого масштаба: зачинатели революции погибли, вымолоченные рычагами созданного ими же самими беспощадного военно-бюрократического механизма. Нечто подобное произошло в ходе французской революции 1789–1793 гг., но с иным результатом и в ином масштабе. В России зачинатели катаклизма погибли, но дело их победит на много десятилетий, возможно, что на столетия. Созданной ими машине уже не понадобятся фанатики и идеалисты – ей нужны будут “служащие”: рычаги, приводные ремни, колеса передачи, винтики, гайки и прочие механические детали. Она уничтожит фанатиков-зачинателей, и в дальнейшем всегда будет повторяться в сходных условиях этот же парадокс.

Хорошо, что Шингарёв не узнал в час своей страшной гибели о том, сколь прочной и долгоживущей будет машина принуждения и террора, запущенная его **истинными** убийцами (а не ошавевшей матросней). Вряд ли Шингарёва утешила бы (доведись ему увидеть в своем смертном сне будущее России) предстоящая гибель “фанатиков и идеалистов”, устроителей рокового переворота: честные и добрые не утешаются мщением.

Вот еще несколько выдержек из того же тюремного дневника Шингарёва, чудом спасенного и изданного его близкими в 1918 году:

«Ноябрь 1917 г. Ничего бесстыднее и безграмотнее я не читал, как указание “Известий” и “Правды” на монархический заговор к.-д. Где-то взяли при обыске проект какого-то закона об организации власти. Почему он приписан к.-д., неизвестно. Проект закона говорит о выборе президента Учредительным Собранием сроком на 1 год. Почему это называется “монархическим заговором”, понять невозможно. Кто пишет подобные глупости? Безграмотные дураки? Или прожженные негодяи для дураков? Или продажные провокаторы? Но ведь читать будут эту чепуху, и будут верить, и ничего не поймут – тысячи и тысячи людей. В этом весь ужас современного положения».

«В этой России, России крови и кошмаров,

Плеханов сделался старым буржуем и отсталым глупцом, Короленко зачислен в лагерь контрреволюционеров, вся печать радикальная, печать борцов, художников, публицистов, ученых, – стала травимой, презираемой и оплевывается...» – пишет С.Шиманский в книге “Кошмары царизма и народовластия” (Москва, 1918. Изд. “Революция и культура”).

Но возвратимся к А.И.Шингарёву:

«Троцкий и Ленин, отвечая на вопросы о нашем аресте, угрожали в будущем... **Гильотиной...** Так передано в газетах. Что же? Еще раз в истории человечества лицемерная поддержка свободы и благосостояния отечества будет основана на казнях. Логически до этого должны доходить все насильники, презирающие все, кроме своей воли, или преследующие свои безумные планы, вопреки желанию большинства населения. Сейчас насилия вооруженных людей заменяют им национальное мнение, и это уже начало их гибели, как всякой тирании... Насилие **никогда** правом признано не будет».

Но победившее насилие существует независимо от того, признано оно **кем-то** правом или не признано: с него довольно и собственного признания. С ним трудно бороться, если оно успело созреть и укорениться: чем дольше существует насилие, тем трудней с ним бороться, особенно при той его исключительной полноте, которой добились палачи Шингарёва. Разве что оно успеет сгнить на корню, но сколько для этого потребуется столетий и каких столетий!

Вставка 1994 года: я тогда ошиблась: система, построенная тотальным насилием, оказалась настолько нерациональной, несозидательной, бесплодной, что она – под бременем невиданного гнета – разложилась не за столетия, а за десятилетия. Но возвратимся к Шингарёву и его записям.

Похоронивший за три месяца до катастрофы любимую жену, оставивший за стенами крепости четверых детей без средств и опоры (пятый – на фронте), он не тяготится физическими и бытовыми условиями тюремного заключения. Он пишет:

«Только газеты будоражат и вызывают чувство мучительного бессилия. Нет имени негодяям и лжецам, пишущим в “Правде”. Даже свою неспособность справиться с пьяными погромами и неистребимую слабость (тягу к алкоголю? – Д.Ш.) толпы, разнузданной и развращенной безнаказанностью и безсудностью, они

сваливают на "контрреволюцию, корниловцев и калединцев". Подлые и жалкие лгунишки без чести и смелости говорить правду. Самая отвратительная смесь партийного ханжества и безнравственности. Но самое ужасное – это не ложь отбросов социалистической партии, а тот национальный позор, унижение и рабство, которые эти люди готовят для страны в переговорах с немцами. Неужели и это еще придется вынести? Вчера говорили даже, что дивизия немецких войск войдет в Петроград. Не хочется верить в этот кошмар измены и безумия. Надо кричать на всю страну... но кругом только четыре толстых стены, шаги часового в коридоре и тишина тюрьмы».

А.Шингарёв говорит о руководителях большевизма:

«Как могут они верить в свое дело? Могут, вероятно, по той же схеме, по которой скептик никогда не поверит: "Credo, quia absurdum". Но одного я не понимаю, того, чего не мог понять никогда. Как это вера в величайшие принципы морали или общественного устройства может совмещаться с низостью насилия над инакомыслием, с клеветой и грязью. Тут или величайшая ложь своему собственному богу, или безграничная глупость, или то состояние, наконец, которое английские психиатры определяют понятием *moral insanity* – нравственное помешательство, неспособность различить добро и зло, слепота и глухота к низкому, преступному».

Ну что ж, мы и сегодня* ставим перед собой те же вопросы, констатируем те же невероятные парадоксы в личности и поведении: фанатическую преданность, **казалось бы**, человеческой идее – и практическую бесчеловечность, безнравственность; безоглядную уверенность в своей правоте – и отсутствие какой бы то ни было определенности в дальнейших намерениях, в технологии осуществления чего бы то ни было, кроме захвата и удержания власти и т.д. Очевидно, на умеющих наблюдать и размышлять нравственно чистых современников действия Ленина производят такое же впечатление уже в самом начале советской эпохи.

А.И.Шингарёв сокрушается:

«События, повторяющиеся в столетия раз, необъятные по своим последствиям и невиданные в истории по своим размерам, в России пришлось на долю поколения без больших ге-

ниальных людей. ...Нам не видно просвета, и никто не ведет по дороге, да и некому вести. Больше, чем когда-либо, мы имеем дело с историей масс и нет истории лиц. Меньше, чем когда-либо, можно предвидеть ближайшее будущее».

Далее следует мой "прототекст":

Трагедия заключалась в том, что самый волевой и практичный человек эпохи, блестящий организатор, олицетворение воли к победе и сама целеустремленность, т.е. Ленин, был одновременно и самым **безответственным утопистом**. Он был абсолютно беспочвенен во всем том, что не касалось начального этапа осуществления его программы – создания диктатуры его непреклонных единомышленников. Трагедия заключалась и в том, что ему не противопоставляло себя **в области практики, а не размышлений**, ни одно равносильное дарование. Кроме того, этот невероятно энергичный и **политически** ловкий человек освободил себя и своих сторонников от обязанности учитывать категории нравственные. И все-таки Шингарёв, понимающий весь объективный ужас для России ленинской тактики, не приемлет идеи террора, отвергает убийство, даже индивидуальное, выборочное, даже своих заклятых врагов, как негодное, нравственно и политически недостойное средство:

«4 января 1918 г. В газете "Правда" по поводу покушения на Ленина написана кровавая статья. Требуют "сто голов" за каждую голову "народных вождей". Как мне кажется теперь и как казалось всегда, террор личный никогда ничего не достигает. Если это действительно покушение, то можно ли убийством Ленина или Троцкого убить большевизм? Конечно, нет. Кроме того, что само по себе это возмутительное и безнравственное средство не может быть морально оправдано, оно практически нецелесообразно. Оно лишь подхлестнет угасающее настроение масс. Потому приходится подозревать, не подстроено ли это "покушение" нарочно, с целью подогреть симпатии».

Итак, Шингарёв вполне прозорливо расценивает пресловутое покушение: как теперь полагают, оно было подстроено Сталиным и Дзержинским с целью эскалации противозерского террора.

Несомненно, что **своевременная** изоляция от масс, политическая нейтрализация вождей

*1970-е годы – прим. Д.Ш.

левой контрреволюции, с хорошо организованным, открытым, **честным**, широким судом над ними, могла бы спасти русскую демократическую революцию. Но момент был упущен, предупреждающий шаг – не сделан, и теперь уже ничего, кроме долгой, кровавой и безрезультатной междоусобицы с победой в ней самой тупиковой тенденции России не предстоит.

Если бы я писала предшествующие строки сейчас, я бы не утверждала с такой уверенностью (вслед за Шингарёвым), что террор бессилен против террора. Повторяю в бесчисленный раз, что строгий историзм не признает никаких "если бы", но все-таки... Ведь из любой точки исторической реальности исходит пучок вероятных траекторий. И мы далеко не всегда выбираем лучшую. Поэтому: если бы генерал Корнилов, полковник Никитин, Керенский и Ко в июне-июле 1917 года действовали противоположно тому, как они действовали в истории, то не исключено, что... Позволим себе формулировку: актив большевиков во главе с Лениным был бы уничтожен (пусть – политически: надолго и надежно заключен в тюрьму, но вряд ли Ленин не вывернулся бы из любой крепости, кроме могилы). А Россия, пережив тяготы, сравнимые с французскими XVIII-XIX вв., осталась бы нормальной страной. Но в России подавляющее большинство порядочных людей, хоть как-то причастных политике, в силу собственного прекрасноразумия, либерализма и/или социалистических иллюзий, не могло тягаться с такой дьявольски целеустремленной (через всевластие – в никуда) силой, как ленинцы.

Вернусь в последний раз к старому своему тексту:

Нам осталось рассказать о том, как погиб человек, и морально, и политически осуждавший со всей искренностью терроризм и жестокость по отношению даже к явным преступникам. Гибель А.И.Шингарёва и Ф.Ф.Кокошкина описана сестрой Шингарёва Александрой, персоналом больницы, где они были убиты, и С.Шиманским в его упомянутой выше книге. Вот отрывок из последней:

«В Мариинской больнице, в Петербурге, в ночь на седьмое января 1918 года были зверски убиты бывшие министры, члены Учредительного Собрания, А.И.Шингарёв и Ф.Ф.Кокошкин». Далее подробно излагается история перевода обоих из Петропавловской крепости в Мариинскую больницу, по-видимому, по ходатайству М.Ф.Андреевой. «У А.И.Шингарёва было тяже-

лое сердечное заболевание, у профессора Ф.Ф.Кокошкина – активная форма туберкулеза. В больнице они пробыли один день. Их "охраняли" там два молодых матроса. В ночь на седьмое января в больницу забрел подвыпивший красногвардейский патруль – то ли случайно, то ли подосланный охранниками. Оба больных были зверски убиты в своей палате. ...Сбежавшиеся на выстрелы сиделки и сестра нашли Кокошкина уже мертвым. Шингарёв же, истекавший кровью, еще тяжело стонал. Поднятый руками сиделок и сестры, он со стоном сказал: "Мне холодно... мне страшно...". Около 2 часов 30 минут ночи Шингарёв скончался.

Этот возглас: "Мне страшно... Мне холодно..." – как он хорошо передает настроение и чувство всех чутких и духовно живых людей, в той "социалистической" России, где так привольно почувствовали себя убийцы, бандиты и еженощно обогащавшиеся разбойники.

...У Кокошкина обнаружены две огнестрельные раны: одна – в рот, другая – в грудь. Ученого и борца за народ разбудили больного и выстрелили ему в рот и в грудь.

...Шингарёва убийцы застали спящим на левом боку. Они выпустили в него три пули. Одна рана, навывлет в обе щеки, дала обильное кровотечение, другая рана в грудь, третья в живот. Убийцы не были найдены, несмотря на приказ об их розыске и аресте».

Может быть, я не стала бы приводить этих кровавых подробностей, если бы не следующее обстоятельство: очень скоро Ленин призывает массы судить "врагов народа" "судами совести" на основе "революционного правосознания", а не закона. Пройдет полвека, и поборники социализма в лице писателя и лауреата Сталинской и **Нобелевской** премий М.Шолохова выразят сожаление о том, что "суды" на основании "революционного правосознания" отошли в прошлое, что возникло какое-то законоподобие по отношению к людям, которых, вообще, ни одно цивилизованное и уважающее себя общество не позволило бы себе судить, – к писателям, критикующим его недостатки.

На этом кончается старая запись. Остается добавить, что на территории бывшего СССР она еще не утратила своей злободневности.

ПРИМЕЧАНИЕ: шрифтом этого примечания выделены строки, написанные мною теперь, при перечитывании старой тетради.

С.Тиктин

А.Д.САХАРОВ И ТЕРМОЯДЕРНАЯ БОМБА¹

А.Д.Сахаров считал себя пожизненно связанным подпиской о неразглашении государственной тайны, данной им в 1948 году, как бы ни изменилась его судьба (А.Д.Сахаров, "Воспоминания"; с. 139). Добавим: и судьба страны и ее властей. Его решения не отменило и то, что термоядерным оружием обзавелись еще при его жизни уже несколько стран; и то, что к моменту написания "Воспоминаний" многие известные ему секреты были уже опубликованы в статьях, книгах и энциклопедиях, включая БСЭ. И даже то, что он во второй половине своей жизни пришел к мысли, что построенное в СССР общество есть "государственный капитализм с предельной партийно-государственной монополией в области экономики, идеологии и культуры" (с. 522), а советское "государство подобно раковой клетке..." (с. 218). Впрочем, к тому времени эти вопросы, в том числе и указанная аналогия, уже достаточно широко обсуждались в неподцензурной русской литературе. В "Воспоминаниях" Сахарова сведения о его участии в создании советского ядерного оружия весьма скудны, неконкретны и отрывочны. Тем не менее, имеет определенный смысл, читая между строк, попытаться проследить основные вехи разработки термоядерной бомбы в СССР и участия Сахарова в них.

В разработке атомной бомбы Сахаров не участвовал. Он попал в 1948 году в Физический институт АН СССР (ФИАН) к академику И.Е. Тамму, группа которого тогда "лизала зад" Я.Б. Зельдовича (С.З.Беленький в передаче А.Д.Сахарова, с. 130). Конкретнее – проверяла и уточняла теоретические и расчетные работы последнего и его группы в Институте химической физики АН СССР. Целью было выяснение возможности создания термоядерной бомбы, основанной на ядерной реакции синтеза гелия из легких атомов, сопровождающемся выделением колоссальной энергии. Во время написания своей автобиографической книги Сахаров считает, что основная идея тематики Зельдовича была "цельнотянутой", т.е. исходила из разведывательной информации (с. 129-130).

В свете недавней публикации весьма целенаправленных мемуаров бывшего генерала МГБ П.Судоплатова эта догадка Сахарова выглядит вполне правдоподобной. Но еще рань-

ше она подтвердилась статьей американского автора Д.Холлоуэя в "Интернейшнел Секьюрити" 1979/80, т. 4, 3: "Клаус Фукс информировал СССР о работах по термоядерной бомбе в Лос-Анджелесе (по-видимому, Лос-Аламосе – С.Т.) до 1946 года. Эти сообщения были скорее дезориентирующими, чем полезными, так как ранние идеи потом оказались неработоспособными" (там же). Какие именно и почему – Сахаров прямо не сообщает. О том, что полученные советской разведкой материалы по **водородной** бомбе оказались для советских специалистов (в отличие от данных по бомбе **атомной**) **абсолютно бесполезными**, сообщили в своем недавнем интервью бывший многолетний руководитель "советского Лос-Аламоса" – объекта Арзамас-16 акад. Ю.Б.Харитон и бывший сотрудник Сахарова в том же Арзамасе-16 к.ф.м. наук Ю.Смирнов.²

По всей видимости, в этих ранних идеях предполагался непосредственный синтез ядер гелия из ядер обычного водорода (протонов) или "тяжелого" водорода – дейтерия³. Этот синтез предполагалось инициировать взрывной реакцией деления урана или плутония быстрыми нейтронами, наподобие происходящей в атомной бомбе. Как теперь известно, все разведанные по ядерной проблеме проходили в СССР тщательную теоретическую и экспериментальную проверку. Наиболее важные – параллельную, различными научными группами. Так или иначе, в СССР еще до создания своей **атомной** бомбы интенсивно велась в нескольких организациях проработка идеи бомбы **водородной**.

А США сразу после окончания II мировой войны свернули работы по совершенствованию своего ядерного оружия. Не изменили их позиции в этом вопросе ни направленная еще в 1944 году Рузвельту секретная записка Нильса Бора о том, что "...на основании предвоенных работ русских физиков⁴ естественно предположить, что ядерные проблемы окажутся в центре их интересов"; ни раскрытие (благодаря перебежчику – шифровальщику советского посольства в Канаде Гудзенко) разветвленной сети советского ядерного шпионажа в Канаде в 1946 году; ни заявление В.М.Молотова в ноябре 1947 года о том, что ядерная бомба не является более для Советского Союза секретом.

Даже после произведенного в августе 1949 года первого советского испытания атомной бомбы, являвшейся "цельнотянутой" копией американской, большинство членов Консультативного комитета, включая Р.Оппенгеймера и Э.Ферми, продолжало занимать крайне отрицательную позицию по отношению к разработке термоядерного оружия:

"Мы полагаем, что тем или иным путем следует избежать создания термоядерного оружия. Мы против того, чтобы Соединенные Штаты выступили инициатором в этом вопросе. Мы единодушны в том, что сейчас крайне несвоевременно поддерживать желание любой ценой создать это оружие..."

Советские же ученые, которым было "доверено" продолжать "работу за дьявола" (Р.Оппенгеймер), подобными сомнениями тогда не терзались. В том числе и Сахаров. Ю.Харитон и Ю.Смирнов приводят в указанной выше статье следующее его высказывание во время визита в США в 1988 году:

"Я и все, кто вместе со мной работал, были абсолютно убеждены в жизненной необходимости нашей работы, в ее исключительной важности... То, что мы делали, было на самом деле большой трагедией, отражающей трагичность всей ситуации в мире, где для того, чтобы сохранить мир, необходимо делать такие страшные, ужасные вещи".

Вскоре после испытания первой атомной бомбы будущий создатель американской термоядерной бомбы Э.Теллер оказался почти в одиночестве – вместе со своими ранними ошибками и новыми продуктивными идеями, которых советские агенты не успели украсть, а власти США не стремились использовать. Только в январе 1950 года президент Трумен приказал Комиссии по атомной энергии начать работы по созданию водородной бомбы. Так США потеряли как минимум четыре с половиной года. И то, если начать отсчет с первого экспериментального взрыва атомной бомбы.

В своих "Воспоминаниях" Сахаров сообщает об экспериментальных измерениях вероятностей ("сечений") реакций синтеза ядер гелия из ядер различных изотопов водорода, проводимых в нескольких НИИ (с. 208).

Об этих экспериментах ярко пишет в своей автобиографической книге "Разрыв" (Изд. "Посев", 1983) недавно скончавшийся в эмиграции физик С.М.Поликанов, проводивший в ЛИПАНе (теперь Институт атомной энергии им. Курчато-

ва Российской АН, в просторечии "Курчатник") опыты на установке "Трубка" в самом начале 1950-х гг. Эта "Трубка" кое в чем напоминала установку, описанную в книге Митчела Уилсона "Живи с молнией". Но эксперименты на ней Н.Н.Флеров и С.М.Поликанов вели при гораздо меньших ускоряющих напряжениях – порядка киловольт и десятков киловольт, соответствующих температурам в десятки и сотни миллионов градусов. При соударениях разогнанных ионов с мишенями "Трубка" излучала нейтроны, которые тогда из соображений секретности предписывалось называть "нулевыми точками". Поликанов (тоже, видимо, стесняющийся даже в эмиграции называть вещи своими именами) пишет: "Речь шла об измерении некоторой величины, которая могла заинтересовать людей, работавших над водородной бомбой" ("Разрыв", с. 35).

Говоря о своей встрече с Сахаровым, Поликанов сообщает, что лишь после термоядерного взрыва стал ему понятен интерес Сахарова к величине, которую измеряли на "Трубке" (там же, с. 36).

По этим сечениям, рассказывает Сахаров, вычислялись скорости термоядерных реакций при различных температурах. Как выяснилось, температура взрыва атомной бомбы, доходящая до многих десятков миллионов градусов (в несколько раз больше расчетной температуры в центре Солнца), все же недостаточна для инициирования реакций синтеза гелия из дейтерия, не говоря уже о прочих. Кроме того, термоядерные реакции идут в находящихся в равновесном состоянии Солнце и других звездах миллиарды лет, а в бомбе они должны произойти менее чем за миллионную долю секунды. Попутно отметим, что при взрывном делении урана или плутония реагирует только несколько процентов от массы заряда. Это объясняется скорее всего не быстротой разлета его весьма тяжелых атомов, а образованием продуктов деления, интенсивно поглощающих нейтроны, – изотопа ксенона Xe_{135} и др. Лавинная взрывная цепная реакция в конечном счете сама себя гасит". Не потому ли и оказались неработоспособными вышеуказанные "ранние идеи"?

Работа по проверке расчетов Зельдовича длилась недолго. Сахаров пишет:

"По истечении двух месяцев я сделал крутой поворот в работе. А именно, я предложил альтернативный проект термоядерного заряда,

совершенно отличный от рассматривавшегося группой Зельдовича по происходящим при взрыве физическим процессам и даже по основному источнику энерговыделения. Я ниже называю это предложение "1-й идеей". Вскоре мое предложение существенно дополнил В.Л. Гинзбург, выдвинув "2-ю идею". Наш вариант отличался от рассматриваемого Зельдовичем тем, что **отсутствовал вопрос о принципиальной осуществимости** (выд. С.Т.); кроме того, были существенные инженерные и технические отличия. Более высокие характеристики наш проект приобрел в результате добавления "3-й идеи", в которой я являюсь одним из основных авторов. Окончательно "3-я идея" оформилась после первого термоядерного испытания в 1953 году» ("Воспоминания", с. 140).

И Тамм, и Зельдович мгновенно поняли перспективность предложений Сахарова (с. 141). А за ними – и самое высокое начальство. Ему фактически была открыта "зеленая улица". Ему не пришлось идти против течения, и ostrакизм коллег (в отличие от Теллера) тогда ему не угрожал.

Суть этих идей Сахаров здесь прямо не раскрывает. Лишь походя упоминает о реакции со "сверхтяжелым" водородом – тритием⁵ (с. 208). Зато в главе, касающейся управляемого термоядерного синтеза (до сих пор еще достаточно проблематичного), он как бы невзначай сообщает (с. 200), что скорость этой реакции почти в **сто раз выше**, чем дейтерия с дейтерием). Забегая вперед, отметим, что именно поэтому инициировать обычным ядерным взрывом и оказалось возможным **только** реакцию дейтерия с тритием, сопровождающуюся образованием ядра гелия (α -частицы), нейтрона и выделением огромной энергии – более 17 миллионов электрон-вольт на каждый элементарный акт синтеза. Далее Сахаров пишет:

"Размножение трития возможно потому, что дейтерий вовлекается в дейтериевые реакции с образованием трития, а также благодаря размножению быстрых нейтронов... Затем эти нейтроны захватываются дейтерием или литием-6 с образованием трития". Изложив таким образом квинтэссенцию этих основных идей, **заложенных в принципе термоядерной бомбы**, Сахаров тут же как бы спохватывается:

"Конечно, все эти соображения являются моим частным и сейчас уже несколько дилетантским мнением"⁶ (там же).

А насколько частным, насколько дилетант-

ским, можно судить по следующим фактам и событиям. Всего через два месяца после того, как предложение Сахарова (всего только кандидата наук и старшего научного сотрудника по должности) стало признанной темой группы, он был приглашен к генералу госбезопасности – уполномоченному СМ СССР и ЦК КПСС (тогда еще ВКП(б) – С.Т.) в ФИАНе. Генерал предложил ему свою рекомендацию для вступления в партию. Сахаров отказался, мотивируя свой отказ действиями партии в прошлом – арестами невинных и раскулачиванием. В конце 1948 года такая аргументация для любого другого означала бы потерю всякой возможности научной работы, а то и свободы – всерьез и надолго. Но генерал попросил Сахарова самым серьезным образом подумать об этом разговоре и выразил надежду, что он еще захочет к нему вернуться. Сахаров не без оснований предполагал, что ему предназначалась помимо научной еще высокая административная роль. Через пару лет, задолго еще до генеральной проверки его идей полномасштабным термоядерным взрывом, Сахаров на стандартный тогда вопрос комиссии по идеологической проверке руководящих научных кадров "Как вы относитесь к хромосомной теории наследственности?" ответил, что считает хромосомную теорию научно правильной. Никаких оргвыводов в отношении Сахарова не последовало (с. 181). Более того, заступничество Сахарова за другого сотрудника, меньшего ранга, посмевшего дать такой же ответ, спасло последнего от увольнения (с. 182). Сахаров пишет: "Очевидно, мое положение и роль на объекте (Арзамас-16 – С.Т.) уже были достаточно сильны и можно было игнорировать такие мои грехи" (с. 181). Другой руководящий работник Первого главного управления, ведавшего атомным комплексом, генерал МГБ Н.И.Павлов – в прошлом начальник управления НКВД Саратовской области, а потом – контрразведки Сталинградского фронта – высказался через некоторое время с большим пиететом: "Сахаров – наш золотой фонд" (с. 212). По всей видимости, это было далеко не только личное его мнение. В 1965 году секретарь местного обкома КПСС – по инициативе Брежнева – вновь предложит Сахарову вступить в партию. И Сахаров опять откажется это сделать (с. 310).

В 1951 году в СССР состоялся второй испытательный атомный взрыв. По словам Ю.Харитона и Ю.Смирнова, новое "изделие" было в

два раза мощнее первого при вдвое меньшем весе и существенно меньшем диаметре. Как утверждают эти авторы, проработки этого варианта "изделия" имели весьма ясные очертания уже в 1949 году. Но кто мог решиться взять на себя в те времена ответственность за успех при его испытании первым? Тем более, что разведка раздобыла пусть худший, зато уже опробованный вариант "имплозивного" заряда сферической формы. По всей видимости, заряд нового "изделия" имел линейную "андрогинную" конструкцию, позволявшую значительно увеличить скорость образования за критической массы плутония, а также поместить его в артиллерийский снаряд. После этого испытания Сталин сказал в интервью:

"Испытания атомных бомб различных калибров будут продолжаться и впредь".

Шла ли речь только о диаметрах ядерных "изделий" или это значило, что советское руководство на самом высшем уровне было тогда уже уверено в возможности радикального повышения мощности ядерного оружия? Однако других ядерных испытаний при жизни Сталина произведено не было. Видимо, для совершенствования атомного оружия не хватало какого-то важного компонента.

Как известно, в природе трития практически не существует. Его получают искусственно в ядерных реакторах.

Сахаров рассказывает, как летом 1952 года он присутствовал на совещании у Берии. Был поднят вопрос о задержке в производстве одного из основных входящих в изделие материалов. Какого – Сахаров не сообщает. Причиной ее была неправильная техническая политика генерала Павлова, химика, отозванного с последнего курса для службы в "органах" во время очередной "смены караула". Берия поднялся и сказал:

"Мы, большевики, когда хотим что-то сделать, закрываем глаза на все остальное (говоря это, Берия зажмурился, и его лицо стало еще более страшным). Вы, Павлов, потеряли большевистскую остроту! Сейчас мы вас не будем наказывать, мы надеемся, что Вы исправите ошибку. Но имейте в виду, у нас в **турме** места много!"

Берия говорил твердо **турма** вместо тюрьма. Это звучало жутковато. Грозным признаком было и обращение на "Вы"... (с. 210-211).

Таинственный материал этот, разумеется, – тритий. И понятно, почему, когда к началу 1953

года было налажено его производство, научному руководителю советского атомного комплекса академику И.В. Курчатову была преподнесена ко дню рождения малахитовая статуэтка **тритона** с надписью "Победителю от побежденного" ("Разрыв", с. 43).

В 1951 году США произвели экспериментальный взрыв атомного "изделия", заряд которого содержал дейтерий и тритий. Мощность его взрыва превышала 100 000 тонн тротила, т.е. была в шесть раз больше мощности взрыва над Хиросимой. В процессе этого взрыва впервые была осуществлена в малом масштабе предложенная пятью годами раньше Э.Теллером реакция синтеза гелия из дейтерия и трития. Но основная энергия выделилась в результате интенсификации деления плутония образовавшимися при этой реакции нейтронами.

В ноябре 1952 года США произвели на атолле Эниветок взрыв "Майк" эквивалентной мощностью несколько миллионов тонн тротила. Энергия в нем выделялась уже, в основном, в результате синтеза значительных количеств гелия. Взрывное устройство это весило 65 тонн и занимало небольшое здание, потому что оно включало в себя и громоздкую установку глубокого охлаждения для сжижения трития и дейтерия. Поэтому военное значение такой "супербомбы" оказалось близким к нулю. Сахаров сообщает о советской попытке определить характер этого взрыва по радиоактивным выпадениям в составе атмосферных осадков ("Воспоминания", с. 210). Но одна из научных сотрудников-радиохимиков случайно вылила концентрат в раковину. Начальству эта история, пишет Сахаров, по-видимому, осталась неизвестной. Если бы стала известной – не сносить бы ей головы. Тем более – в те времена.

Однако вышеуказанная термоядерная реакция дейтерия с тритием дает температуры порядка **сотен миллионов градусов**, при которых в процессе взрыва становятся возможными другие реакции синтеза гелия.

Тот факт, что в сахаровском варианте термоядерной бомбы отсутствовал вопрос о принципиальной осуществимости, заставляет предполагать, что Сахаров сделал ставку именно на реакцию дейтерия с **тритием**. Во всяком случае – на начальной стадии взрыва. В этом, по-видимому, и заключалась "1-я идея".

Отсюда шаг ко "2-й идее" – дальнейшее повышение температуры в результате этой реак-

ции инициирует первоначально оказавшиеся слишком высокотемпературными реакции дейтерия с дейтерием. При этом возникают ядра трития, протоны и нейтроны, тут же вступающие в другие реакции, идущие с выделением еще большей энергии. Так, из шести ядер дейтерия образуются два ядра гелия, два протона и два нейтрона с выделением энергии, составляющей более 40 миллионов электрон-вольт. Кроме того, при этом становится возможным синтез гелия в результате реакций ядер дейтерия с ядрами изотопов лития, сопровождающийся выделением энергии того же порядка. Таким образом, открывалась возможность производить взрывы эквивалентной мощностью в сотни тысяч тонн тротила (если не больше) при сравнительно малых начальных количествах дефицитного трития.

Сахаров весьма бегло сообщает, что в первых числах августа 1953 года – перед самым испытанием термоядерного взрывного устройства большой мощности было произведено испытание якобы “обычного” изделия, которого он тогда, по его словам, “почти не заметил” (с. 230). А 5 августа того же года тогдашний председатель Совмина СССР Г.М.Маленков объявил в докладе на открытии сессии Верховного Совета, что у СССР есть своя **водородная** бомба (там же). На каком основании? Ведь испытание настоящего прототипа водородной бомбы произошло ровно через неделю, 12 августа. Так не было ли то первое августовское испытание генеральной проверкой “1-й идеи” – возможности термоядерной реакции дейтерия с тритием (подобной упомянутому выше американскому ядерному испытанию 1951 года) – перед испытанием полномасштабным?

Очень важной “изюминкой” то ли 1-й, то ли 2-й идеи было использование трития и дейтерия в **твердых** химических соединениях – гидридах (вернее – дейтеридах и тритидах) лития DLi и TLi , позволяющее исключить потребность в глубоком охлаждении и, следовательно, всю криогенную технику. При этом плотность “упаковки” тяжелых изотопов водорода в этих соединениях втрое превышает таковую в жидкой фазе. А литий, как уже говорилось, тоже реагирует с дейтерием, превращаясь в гелий. Именно эти соединения и были использованы в термоядерном заряде, взорванном 12 августа 1953 года. Этот взрыв был красочно описан Сахаровым (с. 232) и другими, кому довелось его увидеть. Мощности его Сахаров не сообщает.

Но Харитон и Смирнов в указанной выше статье пишут, что это взрывное устройство имело габариты первой американской атомной бомбы, но в 20 раз превосходило ее по мощности. Значит, последняя была эквивалентна 350-400 тыс. тонн тротила. Тот факт, что Сахаров и его спутники поехали в одних только пылезащитных комбинезонах к эпицентру взрыва (фактически – к центру, ибо взрыв был на высоте 30-40 метров над землей) вскоре после него и не пострадали от радиации, не инкорпорировали в легкие радиоактивную пыль, говорит о том, что этот взрыв был относительно “чистым”, то есть не создал опасного наземного радиоактивного “следа”. Правда, летчик дозиметрической службы Семипалатинского полигона Б.Корняков рассказывает о зашкаливании “Вяза” – прибора для измерения высоких уровней радиации – через полчаса после взрыва (“Аргументы и факты” №21, М., 1991).

В отличие от “Майка”, это взрывное устройство могло стать прототипом боевой “сверхбомбы”. Подобной “сверхбомбы” в то время США не имели. Вот почему Сахаров и был особо отмечен на самых высших уровнях власти – и не только верховным поцелуем, переданным от Маленкова через его заместителя, начальника Первого главного управления В.А.Малышева⁸ (А.Д.Сахаров, “Воспоминания”, с. 232); но и избранием в действительные члены Академии наук, минуя промежуточную ступень ее члена-корреспондента, и Государственной (тогда – Сталинской) премией, и званием Героя Социалистического Труда (впоследствии отнятым), и многим другим...

Какие трудности встали на пути дальнейшего совершенствования этого “изделия”, в особенности увеличения мощности, – не ясно. Ведь термоядерный заряд, в отличие от уранового или плутониевого, не имеет критической массы.⁹ Но начиная с весны 1954 года не только Сахарова и Курчатова, но и многих других деятелей атомного комплекса захватила “3-я идея” мощной термоядерной бомбы, показавшаяся им куда более перспективной (с. 242). Говоря здесь о ней, Сахаров тоже не раскрывает ее сути. Но несколькими главами раньше, объясняя цепную реакцию деления урана, он, как бы невзначай, сообщает: “...возможна ‘вынужденная’ реакция деления (основного изотопа урана U_{238} – С.Т.), если быстрые нейтроны поставляются каким-то источником, например, термоядерной реакцией...” (с. 125).

И тут же, в качестве примера, приводит: дейтерий – дейтерий и дейтерий – тритий. Сахаров указывает на “автомодельность” процессов, основанных на “3-й идее” (с. 245). За этой его теоретической фразеологией скрывается принципиальная возможность осуществления взрыва сколь угодно большой мощности. В следующей своей книге “Москва, Горький, далее везде” Сахаров, говоря о разработке ядерного заряда эквивалентной мощностью в 100 млн. тонн тротила, прямо сообщает, что “это, конечно, не предел” (с. 26). Следует отметить, что “3-ю идею” протолкнули как раз сами специалисты, причем не с помощью, а вопреки партийно-государственному начальству в лице В.А.Малышева. Очень уж это была, видно, “хорошая физика” (Э.Ферми). Сахаров сообщает, что эта идея обсуждалась и раньше, т.е. до 1954 года. Но нельзя не обратить внимание на то, что в марте 1954 года США произвели на о. Бикини наземное испытание ядерного устройства эквивалентной мощностью в 14–15 млн. тонн тротила. От радиоактивных выпадений пострадали рыбаки находившегося в 160 км от взрыва (вне действия излучений и ударной волны) японского рыболовного судна “Фукурю-Мару”, что значит “Счастливый дракон”. Надо же было случиться такому “счастью”! Их заболевания сегодня во многом напоминают болезни пострадавших от Чернобыльской катастрофы. Немногие помнят, что примерно на таком же расстоянии от взрыва находился советский исследовательский геофизический корабль, на который тоже выпали радиоактивные осадки. Поэт написал об этом стихи: “Потом скребли, драили палубу, с нее смывая эту пагубу...”. Но вряд ли этот корабль там оказался случайно, подобно японскому сейнеру. И, конечно, эта “пагуба” была его счастливейшим уловом, который был потом тщательно исследован. После взрыва этой “сверхбомбы” произошло быстрое возвышение ее автора Э.Теллера и падение автора “Майка” Р.Оппенгеймера. Советская пресса, правда, поддержала последнего, но эта поддержка была для него сходна с поддержкой, которую оказывает веревка повешенному.

Сахаров пишет, что “весной или летом 1954 года мы пришли к выводу, что в изделии, основанном на ‘3-й идее’, целесообразно использовать новый вид материала” (“Воспоминания”, с. 246). И этот “материал” был получен достаточно быстро, хотя и не сразу. Так что необхо-

димый задел уже имелся. Это был явно уран. Но не природный – с его поставкой в то время не было бы задержки. По всей видимости, этот уран был значительно обогащен его легким изотопом U_{235} , возможно, почти до критической концентрации, чтобы многократно повысить выход реакции деления. Таким образом, “3-я идея” заключалась в использовании нейтронов, образующихся при взрыве некоторых из вариантов “изделий” “2-й идеи”, для инициирования деления сотен килограммов, а то и нескольких тонн урана, окружающего термоядерный заряд. Взрыв получался как бы трех- или даже четырехступенчатым: деление плутония, реакция синтеза дейтерия с тритием, реакции дейтерия с дейтерием и литием, продуцирующие нейтроны, и деление последними больших количеств урана. Естественно, что при таком взрыве образуются от десятков килограммов до нескольких тонн коротко- и долгоживущих радиоактивных фрагментов ядер урана, почему такая термоядерная многоступенчатая бомба и получила прозвище “грязной”. Сахаров и сам подтверждает это, когда объясняет, что в “чистой” водородной бомбе не используются делящиеся материалы (с. 266). Значит, в “грязной” они используются! Первое такое “изделие” было испытано в ноябре 1955 года сразу в “авиационном” варианте, т.е. сброшено на парашюте с выкрашенного в ослепительно белый цвет (во избежание опасного перегрева тепловым импульсом взрыва) самолета, весьма похожего на Ту-104. Недаром же на испытаниях присутствовал заместитель Туполева Архангельский (с. 483). Следовательно, вес “изделия” вряд ли превышал десять тонн. Но скорее всего вес его был порядка пяти тонн в соответствии с грузоподъемностью тогдашних советских ракет среднего радиуса действия и разрабатываемых межконтинентальных. Мощности его, как и мощности первого своего термоядерного “изделия”, Сахаров не сообщает, но, судя по его описанию взрыва (с. 255), она была эквивалентна нескольким миллионам тонн тротила. Непосредственно само ее испытание вызвало несчастные случаи, в том числе – со смертельным исходом. О его более отдаленных последствиях (как и о последствиях дальнейших испытаний) мы здесь не говорим. За эту разработку Сахаров был награжден второй золотой звездой Героя социалистического труда и еще одной высокой премией – на этот раз Ленинской.

С 1955 года начинается серия испытаний различных термоядерных "изделий". Среди них была и "поганка-вонючка" – "грязная" термоядерная бомба, содержащая кобальт. Ее взрыв выбросил в атмосферу многие килограммы радиоактивного кобальта, образовавшегося под действием нейтронного облучения. Как известно, радиокобальт дает сильнейшее проникающее излучение, подобное γ -излучению радия. А его период полураспада составляет пять лет. В 1961 году был взорван "мощный" (с. 291-293) – "грязный" термоядерный заряд, эквивалентный 58 млн. тонн тротила – вчетверо мощнее взорванного США на о. Бикини. За ним последовало опережающее заказ со стороны военных и созданное "в порядке личной инициативы" Сахарова "изделие", абсолютно рекордное по одному из параметров (с. 295). Какое и по какому – Сахаров не пишет. Испытание его прошло успешно. В следующем году он получил третью золотую звезду.

Сахарова беспокоит, что для "мощного" нет подходящего носителя (ракеты? – С.Т.), а тяжелый бомбардировщик слишком уязвим. Он предполагает, что таким носителем могла бы быть запускаемая с подводной лодки огромная, неуязвимая для сетей и мин (?) торпеда дальнего действия, предназначенная для уничтожения портов. Он пишет: "Одним из первых, с кем я обсуждал этот проект, был контр-адмирал Ф.Фомин... Он был шокирован 'людоедским' характером проекта, заметил в разговоре со мной, что военные моряки привыкли бороться с вооруженным противником в открытом бою и что для него отвратительна сама мысль о таком массовом убийстве. Я устыдился и больше никогда ни с кем не обсуждал своего проекта. Я пишу сейчас обо всем этом без опасений, что кто-нибудь ухватится за эти идеи, – они слишком фантастичны, явно требуют непомерных расходов и использования большого научно-технического потенциала для своей реализации и не соответствуют современным гибким военным доктринам и в общем мало интересны..." (с. 294).

Все-таки, очевидно, тогдашние власти имущие сочли их интересными и за них ухватились. Но знать об этом Сахарову не было положено – как и о многом другом. В 1968 году США подняли затонувшую вблизи Гавайских островов советскую подводную лодку и обнаружили на ней торпеды с ядерным зарядом...

Неужели Фомин не знал о торпедных "боях"

подводных лодок с транспортными, в том числе и пассажирскими, кораблями и в первую, и во вторую мировую войну? Не подозревал ни о во всю идущем – отнюдь не фантастическом – строительстве подводных ракетноносцев, ни о разработках базирующихся на них ракет-носителей ядерных зарядов как в СССР, так и в США? Напомним, что в том же 1961 году близ мыса Канаверал в присутствии президента США Кеннеди была из-под воды запущена ракета "Полярис", о чем сообщалось в прессе. Вскоре эта ракета была принята на вооружение американского подводного флота. Удивительно, до чего легко поверил Сахаров демагогии человеколюбивого контр-адмирала...

Сахаров задумывается над тем, какие работы вели западные ядерные "бомбовики" в 1960-е годы (с. 300). Очень даже понятно, что они уделяли немало внимания повышению коэффициента полезного действия термоядерных зарядов. Атомная бомба, сброшенная на Хиросиму, весила около пяти тонн. В ней делился примерно один килограмм урана, т.е. 0,02% ее веса; а мощность его взрыва была эквивалентна взрыву около 20000 тонн тротила. Иными словами, 4000 тонн тротил-эквивалента на тонну веса. В 1960 году США уже имели ядерные боеголовки с соотношением миллион тонн тротил-эквивалента на тонну веса, то есть взрывающие 50 кг урана или 5% от своего общего веса. Точно такие же работы велись и в Советском Союзе. Запад, по меньшей мере, не отставал от СССР, а, возможно, и опережал его в этом, компенсируя свое отставание по грузоподъемности ракет-носителей. Это, по всей видимости, одна из веских причин, почему в конце 1950-х – начале 1980-х гг. правители СССР – от Хрущева до Черненко – не рисковали пойти на 3-ю мировую войну.

Вот какая вырисовывается картина соревнования СССР и США в области разработки ядерного оружия – от попыток продвинуть "на верхи" идею атомной бомбы до создания мультимегатонных ядерных зарядов:

США

Первое письмо Эйнштейна (составленное Сцилардом и Винером) Рузвельту – август 1939 года.

Второе письмо Эйнштейна (об интересе нацистской Германии к урану) – март 1940 г.

Решение Белого дома об ассигновании средств на разработку ядерного оружия – декабрь 1941 г.

Пуск первого физического реактора – декабрь 1942 г.

Испытание первой атомной бомбы – июль 1945 г.

Доклад Э.Теллера в Лос-Аламосе о возможности создания водородной бомбы – 1946.

Распоряжение президента Трумена начать разработку термоядерной бомбы – 1950 г.

Взрыв атомного заряда, усиленный термоядерными нейтронами, – 1951 г.

Термоядерный взрыв “Майк” – ноябрь 1952 года.

Взрыв “грязного” термоядерного заряда на о. Бикини – март 1954 г.

СССР

Письмо акад. Н.Н.Семенова (в Наркомат о необходимости комплекса работ по созданию ядерного оружия) – 1940 г.

АН СССР создает специальную Комиссию по урану – 1941 г.

Записка Берия Сталину с агентурными данными о работах по урановой бомбе в США – 10 марта 1942 г.

Решение Госкомитета Обороны о советском атомном проекте – февраль 1943 г.

Пуск первого в СССР физического реактора – декабрь 1946 г.

Сахаров предложил “1-ю идею” термоядерного заряда – осенью 1948 г.

Испытание первой советской атомной бомбы – август 1949 г.

Испытание усовершенствованной атомной бомбы – 1951 г.

Взрыв твердого термоядерного заряда большой мощности – август 1953 г.

Осуществление “3-й идеи” – ноябрь 1955 г.

Взрыв “мощного”, эквивалентный 58 млн. тонн тротила – осень 1961 г.

Если бы США после окончания 2-й мировой войны не ослабили темпов работы по совершенствованию ядерного оружия, то они вполне могли бы разработать мультимегатонные термоядерные заряды не к середине 1950-х гг., а к их началу, если не к концу 1940-х. Похоже, что умело работающая скрытая и открытая советская агентура идеологического влияния и собственные левоориентированные миролюбцы в США сумели добиться куда больших успехов, чем советские шпионы.

Но вернемся к А.Д.Сахарову.

А.Д.Сахаров не только блестяще владел сложнейшим математическим аппаратом тео-

ретической физики. У него, видимо, было очень развито интуитивное понимание процессов, происходящих при ядерных взрывах с температурами порядка десятков и сотен миллионов градусов. Он прекрасно знал условия их возникновения. Поэтому несколько удивляет его оптимистическое отношение к проблеме управляемой термоядерной реакции и путям ее решения при помощи устройств типа токамака (тороидальной камеры с магнитными катушками), стелларатора, лазерного обжима и т.п. Ведь физические условия в них по своим числовым параметрам на много порядков отличаются от таковых в центре ядерного и тем более – термоядерного взрыва.

Странно, что Сахаров ни единым словом не обмолвился об экспериментах на установке ZE-TA (Zero Energy Termonuclear Apparat) с тороидальной камерой в Англии и на ее спешно построенной в Курчатовском ИАЭ под руководством Явлинского – знакомого и когда-то соседа Сахарова (с. 303) – “цельнотянутой копии” “Альфы”. В первых сообщениях из Англии в начале 1958 года говорилось о полученной в плазменном кольце температуре в пять миллионов градусов и термоядерных нейтронах. Тогда это рассматривалось как реванш Запада за первый советский спутник. Потом температура плазмы “упала” до одного миллиона градусов, затем – до трехсот тысяч. Вскоре плазма оказалась вообще неизотермичной (у ионов – одна, у электронов – другая температура), как, например, в газоразрядной осветительной лампе; а нейтроны, как выяснилось, оказались вообще не термоядерного происхождения. Они получались в результате ускорения ионов дейтерия и трития электрическим полем (как в “Трубке”) в “перетяжках” плазменного шнура, о которых упоминает в “Воспоминаниях” Сахаров (с. 192). Подобные же результаты получили к осени 1958 года и советские ученые.

В 1950 году, пишет Сахаров, он и академик И.Е.Тамм надеялись осуществить магнитный термоядерный реактор за десять, максимум за пятнадцать лет (с. 194). Другие специалисты того же ранга, академики Л.А.Арцимович и М.Ф.Леонтович, были настроены осторожней (там же). Леонтович мало верил в конечный успех, но делал максимум возможного для его приближения. Через тридцать два года Сахаров надеется, что результат будет получен в текущем (тогда) десятилетии, то есть в 1980-е годы. Сахаров весьма серьезно относится также

к идее управляемой термоядерной реакции с использованием мезонов и поясняет трудности ее осуществления (с. 121-122). Летом 1989 года – за несколько месяцев до его смерти – двое американских ученых сообщили, что им удалось осуществить термоядерную реакцию на π -мезонах буквально в стакане воды. Они обратились в различные инстанции с просьбой об огромных ассигнованиях на развитие их работы. Им были выделены куда более скромные суммы на продолжение исследований, но одновременно были профинансированы и другие специалисты, пожелавшие проверить этот сногшибательный результат. Вскоре всякие публикации на эту тему прекратились. Видимо, все это оказалось блефом. Успел ли Сахаров узнать об этом “достижении” и каковой была его реакция на него, – нам неизвестно.

С 1950 года прошло около половины столетия. Исполнилось пять лет после смерти Сахарова. Оптимисты надеются, что проблема управляемого термоядерного синтеза будет решена в первой трети будущего века. Кто доживет – увидит.

Сахаров утверждает, что Курчатов “придавал огромное принципиальное значение исследованиям магнитного термоядерного реактора. Почти с первых месяцев работы он считал необходимым вести их открыто, в тесном международном сотрудничестве” (с. 197). Почему Курчатов выступил за рассекречивание работ по управляемому термоядерному синтезу и расширение международных научных контактов именно в этой сфере? Ведь успех этих работ мог бы принести Западу немало пользы, в том числе и для разработок военного характера. Например, для СОИ. И это при том, что многие другие работы, куда более безопасные в этом смысле, оставались за семью печатями, как о том свидетельствует и сам Сахаров. Похоже, что Курчатов понимал, что до управляемой термоядерной реакции все равно было очень далеко, зато до западной передовой технологии, которая могла использоваться в совместных работах по этой проблеме, стало бы довольно близко. Такие попытки предпринимались руководством АН СССР и после смерти Курчатова. Но западные специалисты и научные администраторы, видимо, поняли это тоже.

Во время 2-й мировой войны руководители западных союзных держав разделяли мнение ученых – эмигрантов из континентальной Евро-

пы, что Германия, обладавшая мощным научно-техническим потенциалом, способна в короткие сроки обзавестись ядерным оружием. Они совершенно правильно предполагали, что нацистский режим в целях ускорения его разработки не остановится перед массовым использованием “расово неполноценных” на работах особой вредности с ядовитыми и радиоактивными веществами и т.п.

После окончания войны в высших политических сферах США возобладало мнение, что СССР в ближайшие годы разработать ядерное оружие не сможет. Руководитель американского ядерного проекта “Манхаттан” генерал Гроувс, выступая перед комиссией Конгресса, назвал цифру в 10–20 лет. Западные же специалисты, знакомые с предвоенными работами своих советских коллег, высказывались куда осторожнее. Они понимали, что советский научный и производственный потенциал хотя и серьезно пострадал в результате “большого террора” и войны, но отнюдь не был уничтожен.

Почему-то ни западные политики, ни специалисты не задумались серьезно над тем, что советское руководство имеет возможность использовать в этих целях принудительный труд (и квалифицированный, и неквалифицированный) своих (да и чужих) граждан в куда больших масштабах, чем гитлеровское, и не преминет им воспользоваться.

В статье “Атомный ГУЛаг”¹⁰ известный еще по своей борьбе с лысенковщиной ученый-биолог Жорес Медведев сообщает:

«В столь быстром создании в СССР ядерного оружия были... важные факторы, о которых сами физики (и тем более магистры шпионажа) предпочитают умалчивать. Среди них... готовность правительства Сталина направить на строительство атомных научных и промышленных объектов и на добычу урановой руды миллионы (выд. С.Т.) заключенных. ...Для этой цели была создана в ГУЛаге система сверхсекретных “лагерей особого назначения” (ЛОН). ЛОН был столь глубоко засекречен и оставил столь мало выживших свидетелей, что описания этих лагерей нет ни в книгах А.Солженицына, ни у других авторов, изучавших сталинские репрессии.

...Если судить по объему работ, выполненных в 1945-56 гг. при строительстве двенадцати наиболее известных атомградов, включая Дубну и Обнинск, и их промышленных мощностей

(образованных десятью большими реакторами и дюжиной экспериментальных реакторов меньшего размера, тремя радиохимическими комбинатами, заводами по разделению изотопов урана, заводов по производству трития, необходимого для водородных бомб, заводами для серийного производства атомных и термоядерных бомб, снарядов, торпед и боеголовок для армии), двух полигонов для испытаний атомного оружия, хранилищ радиоактивных отходов, инфраструктуры научно-исследовательских институтов, а также урановых городов и множества других объектов атомной промышленности, – можно уверенно сказать, что количество рабочих рук, которые были необходимы для столь колоссального строительства, исчислялось миллионами».

Самым страшным был урановый ГУЛаг, т.е. лагеря, где заключенные использовались на строительстве урановых рудников и добыче руды. Долгое время циркулировали слухи, что туда посылали и приговоренных к смертной казни в порядке исполнения приговоров, ибо больше года-двух там никто не выдерживал. Это называлось “медленный расстрел”.

“Сколько людей прошли через урановый ГУЛаг, – продолжает Ж.Медведев, – сказать пока невозможно. Но по объему проделанных работ можно заключить, что это были сотни тысяч человек.

Но для строек атомного и уранового проектов **нужны были рабочие очень высокой квалификации**. ...с 1946 года по всем советским лагерям начался – по приказу Берия и под руководством Завенягина – новый отбор. В сверхсекретные ЛОН собрали лучших, но без права переписки: атомные стройки требовали рабочих высших квалификаций, которых вообще не предполагалось отпускать на свободу.

Существуют сотни воспоминаний о ГУЛаге, – но пока что нет ни одного о лагерях особого назначения. ...Тайна судьбы миллионов людей, которые строили эти атомграды, которые внесли самый трудный вклад в создание атомной мощи сверхдержавы, остается, повторю, нераскрытой до настоящего времени. Ясно только одно – атомный ГУЛаг унес намного больше жизней, чем первые американские бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки».

Сахаров прибыл впервые на объект незадолго до испытаний собранной там первой советской атомной бомбы. Встретивший его Зельдович сказал ему, что, “глядя на эти за-

урядные на вид куски делящегося металла (как потом станет понятно, плутония – С.Т.), он не может отделаться от ощущения, что в каждом грамме их ‘запрессованы’ человеческие жизни”. Сахаров уточняет: он имел в виду заключенных урановых рудников и объектов и будущие жертвы атомной войны (с. 148).

Ж.Медведев сообщает также о вывозе из побежденной Германии многих ученых и специалистов и их большой роли в решении ряда проблем, связанных с разработкой советского ядерного оружия.

На этот счет существуют различные мнения. Конечно, немецкая техническая культура превосходила советскую в ряде областей. Но в чисто научном плане немцы отставали не только от западных союзников, но и от Советского Союза. В ядерных разработках нацистской Германии господствовали грызня, хаос и неразбериха, тормозившие их как бы не больше, чем действия союзной авиации и “коммандос”. Основное направление разработок было далеко не оптимальным. Начав работы примерно тогда же, когда и их коллеги в США, немецкие ученые к концу войны отстали от них минимум на два с половиной года. Они не успели осуществить даже цепную реакцию деления урана в опытном реакторе – получить тот ключевой результат, который только и мог убедить высшее руководство в реальной возможности создания ядерного оружия. В ряде печатных материалов высказывалось мнение, что некоторые ведущие немецкие специалисты сознательно саботировали работу в этом направлении.

Немецкие ученые и инженеры в СССР все-таки являлись иностранцами, и как будет решено с ними поступить в дальнейшем, было не ясно на всех уровнях. Поэтому на местах стремились выкачать из них побольше know how, освоить с их помощью более передовые технологии, но к новым разработкам не допускать. Отдельные исключения погоды не делали.

Острова “Архипелага” имелись при каждом атомном объекте. Арзамас-16 (он же Объект А-1, он же Приволжская контора №112, он же Кремлёв), расположенный близ надолго исчезнувшего с карты старого русского городка Сарова, в 75 км от настоящего Арзамаса, не был исключением. Сахаров вспоминает:

«В 1949 году я застал рассказы о том времени, когда это был **просто лагерь**, со смешанным составом заключенных, в том числе имеющих самые большие сроки – вероятно,

мало отличавшийся от "типичного" лагеря, описанного в "Одном дне Ивана Денисовича" Солженицына. Руками заключенных строились заводы, испытательные площадки, дороги, жилые дома для будущих сотрудников. Сами же они жили в бараках и ходили на работу под конвоем в сопровождении овчарок.

...Дело было двумя годами раньше. Небольшая группа заключенных рыла котлован, в их числе бывший полковник (быть может, из РОА). Один из заключенных нагнулся к колесу автомашины, на которой их привезли, как бы проверяя что-то. Единственный охранник нагнулся тоже. В этот момент один из заключенных ударил его лопатой по голове, и полковник подхватил выпавший из его рук автомат.

– Ребята, за мной!

Шофера выбросили из машины. Один из заключенных сел за руль, машина помчалась. Полковник, стоя в кузове, с хода расстрелял встречный грузовик с офицерами, теперь составленные были вооружены до зубов. Ворвавшись внезапно в лагерь, они частью расстреливают, частью обезоруживают охрану. Полковник вместе с желающими – их человек 50 или больше, в том числе все участники нападения на охрану, – уходят через зону за пределы объекта. Они надеются, вероятно, уйти достаточно далеко, рассеяться в лесах и окружающих деревнях. Но в это время по тревоге уже подняты три дивизии НКВД (так мне рассказывали; думаю, что никто не знает точной картины). С помощью автомашин и авиации они оцепляют большой район и начинают сжимать кольцо. Последний акт трагедии – круговая оборона беглецов, организованная по всем правилам военного искусства, и массированный артиллерийский и минометный огонь, кажется, даже применялась авиация; гибнут все до последнего человека...

Я услышал эту историю от одного бывшего заключенного еще в 1956 году. Но где именно она произошла, он мне не сообщил.

Продолжим рассказ Сахарова:

«После этого восстания состав заключенных на объекте сильно изменился – все, имеющие большие сроки, которым нечего терять, удалены, и их заменили... осужденные на меньшие сроки... 1–5 лет.

Восстаний больше не было. Но у начальства

осталась еще одна проблема – куда девать освободившихся, которые знают месторасположение объекта, что считалось великой тайной... Начальство разрешило свою проблему простым и безжалостным способом – освободившихся ссылали на вечное поселение в Магадан и в другие места, где они никому ничего не могли рассказать. Таких акций выселения было две или три, одна из них – летом 1950 года.¹²

В 1950-53 гг. мы жили рядом с этим лагерем. Ежедневно по утрам мимо наших окон с занавесочками проходили длинные серые колонны людей в ватниках, рядом шли овчарки. Можно было утешаться тем, что они не умирают с голода, что в других местах – на лесоповале, на урановых рудниках – много хуже. Можно было оказывать мелкую помощь (только единицам из числа расконвоированных) – старой одеждой, мелкими деньгами, едой. Однажды домработница наших соседей, Зысиных, ...сварила работавшим рядом заключенным сразу 12 кур – это уже было кое-что» (с. 154-155).

Но и над жизнью "вольных" на объектах господствовал "Режим", – вспоминает Сахаров. За потерю секретной бумажки или детальки можно было запросто загреметь в лагерь или в лучший случае – если потерянное удавалось найти – лишиться средств существования без права покинуть объект. Сахаров приводит такие примеры. Или сюжет пушкинского "Анчара" в тогдашнем варианте: в бассейне под реактором сломалась тележка, в которую изпод реактора сбрасывались отработанные блочки урана, дававшие сильнейшее γ -излучение. Остановить реактор – означало надолго остановить производство плутония. Для ликвидации аварии послали водолаза. Водолаз устранил неисправность, но получил смертельную дозу облучения (с. 142, 156-157).

Через тридцать с лишним лет участь этого водолаза разделят тысячи "ликвидаторов" Чернобыльской катастрофы.

В середине 1950-х годов Сахарова стали глубоко беспокоить проблемы биологических последствий ядерных испытаний (с. 212). Согласно его расчетам, каждый "чистый" термоядерный взрыв эквивалентной мощностью в миллион тонн тротила станет причиной гибели 10000 человек вследствие образования в атмосфере радиоактивного углерода C_{14} при ре-

акции нейтронов с ядрами атмосферного азота (с. 267). Убийственная же роль фрагментов деления ядер урана при "грязных" взрывах в расчетах Сахарова преуменьшена. Это в свое время покажет Чернобыль. Но и приведенная выше цифра достаточно страшна.

Генерал Павлов пытается рассеять сомнения своего "золотого фонда": "Сейчас в мире идет война не на жизнь, а на смерть между силами империализма и коммунизма... Если наша работа, наши испытания прибавляют силы в этой борьбе... то никакие жертвы испытаний, никакие жертвы вообще не могут иметь тут значения" (с. 213).

Сахарову кажется, что тут был элемент и демагогии, и искренности (там же).

О своей последней, состоявшейся в 1971 году, встрече с Павловым (пониженным к этому времени до должности директора небольшого завода) Сахаров рассказывает: "Павлов подошел ко мне и сказал: – Желаю вам успеха во всех ваших делах (он прекрасно знал, что за дела у меня были в это время – не бомбы). Что это его высказывание значило – не знаю" (там же).

"После того, как в 1963 году ядерные испытания были 'загнаны под землю',¹³ – пишет Сахаров, – биологические эффекты ядерной радиации перестали волновать людей, меня в том числе. Но Чернобыльская катастрофа вновь трагически вывела их на авансцену" (с. 271).

В конце 1980-х гг. в Казахстане возникло движение "Семипалатинск – Невада", целью которого было прекращение ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне. Жившие возле него люди все чаще жаловались на заболевания, сходные с "чернобыльскими". Руководство полигона сперва пыталось сваливать это на последствия прежних наземных испытаний и сумело доказать, что подземные не загрязняют атмосферу. В это время произошла утечка информации о том, что подземные грунты в районе полигона являются **водоносными** и радиоактивные продукты подземных взрывов отравляют питьевую воду. Сообщения об этом попали в русскоязычную эмигрантскую прессу и, видимо, через нее получили огласку в тогдашнем СССР. С ноября 1989 года подземные испытания на Семипалатинском полигоне были приостановлены (хотя Горбачев и настаивал на их продолжении). Успел ли узнать об этом Сахаров – нам неизвестно.

Как же оценивает Сахаров 1980-х годов этот "объектовый" период своей жизни?

«Я думаю, что обстановка объекта, его "монотипичность", даже соседство лагеря и режимные "излишества" – в немалой степени психологически способствовали той поглощенности работой, которая, как я пытался доказать, была определяющей в жизни многих из нас. Мы видели себя в центре огромного дела, на которое направлены колоссальные средства, и видели, что это достается людям, страшно очень дорогой ценой. Это вызывало, как мне кажется, у многих чувство, что жертвы, трудности не должны быть напрасными (во всяком случае – у меня было так...). При этом в важности, абсолютной жизненной необходимости нашего дела мы не могли сомневаться. И ничего отвлекающего – все где-то далеко, за двумя рядами колючей проволоки, вне нашего мира. Несомненно, что очень высокий (по общим нормам) уровень зарплаты, правительственные награды, другие знаки и привилегии почетного положения тоже были существенным поддерживающим элементом." Должны были пройти годы, произойти сильные потрясения, чтобы в это мироощущение проникли новые струйки» (с. 157-158).

То, что здесь так кратко и точно сформулировано Сахаровым, относится к большинству его коллег.

О Курчатове и говорить нечего. Огромный, в полтора роста портрет Сталина, писанный маслом оригинал, висел в его кабинете некоторое время и после XX съезда (с. 128). Но все-таки приведем мнение близко знавшего его В.А.Давиденко, бывшего начальника отдела ядерных испытаний объекта: "...большой ученый и прекрасный организатор, любящий науку и заботящийся о ее развитии... Но... прежде всего – 'деятель', причем деятель сталинской эпохи; именно тогда он чувствовал себя, как рыба в воде" (с. 278).

Вот доброжелательный и мягкий в обращении, всегда готовый помочь – порой и за свой счет – Президент АН СССР и директор ФИАН С.И.Вавилов – родной брат биолога акад. Н.И.Вавилова, сгноенного в тюрьме. Сахаров рассказывает, ссылаясь на коллег, что С.И.Вавилову был предложен пост Президента АН СССР как бы не самим Сталиным. Другой кандидатурой – в случае отказа Вавилова – был Т.Д.Лысенко (по другим сведениям – А.Я.Вышинский). Вавилов согласился, спасая Акаде-

мию и советскую науку от неминуемого при избрании Лысенко или Вышинского полного разгрома. Каково было ему регулярно встречаться с членом Президиума АН Лысенко – фактически убийцей его брата, Сахарову трудно себе представить (с. 108-109).

Вот глубочайше эрудированный и одаренный И.Е.Тамм, возглавляющий в ФИАНе теоретические работы по термоядерной бомбе. Когда-то меньшевик, чудом вышедший из расстрельных подвалов ЧК и уцелевший потом разве что потому, что остался беспартийным. Верующий до конца своих дней в “чистый неискоренный социализм”. Физик до мозга костей. На шестом десятке – убежден, что основное направление развития науки должно вскоре переместиться с физики в биологию. Напомним: это времена лысенковского засилья, а роль ДНК еще не раскрыта. Сахаров подчеркивает абсолютную интеллигентную честность и смелость Тамма, готовность пересмотреть свои взгляды ради истины, его активную, бескомпромиссную позицию... Но это касается только науки. В 1968 году Тамм, уже тяжело больной, присоединился к письму-протесту против вторжения в Чехословакию. Но потом он снимет свою подпись, чтобы не погубить теоретдел в ФИАНе...

Самые долгие отношения – 39 лет – были у Сахарова с Я.Б.Зельдовичем. Зельдович – крупнейший специалист по цепным реакциям и вместе с тем теоретик широчайшего профиля – вплоть до космологии. Автор (совместно с Ю.Б.Харитоновым, будущим научным руководителем объекта Арзамас-16) последней довоенной публикации, в которой обсуждается возможность управляемой и (отчасти) взрывной цепной реакции деления урана. Он хорошо видит зло в его многочисленных частных проявлениях, но в бой с ним не рвется. Предпочитает втянуть в него других, по его мнению, более защищенных, например – Сахарова. Как понять его взгляды, если ему нравится картина “Утро Родины” с изображением Сталина с перекинутым на руку плащом на фоне колхозных полей и строек коммунизма – и одновременно – “Реквием” Ахматовой, “Теркин на том свете” и другой самиздат, который он давал читать Сахарову (и, по-видимому, не ему одному)?

Сахаров рассказывает о романе Зельдовича на объекте с расконвоированной заключенной, художницей и архитектором Ширяевой, попавшей в лагерь за “длинный язык”. “Кто бы пове-

рил, сколько любви скрыто в этой груди”, – говорит он о себе Сахарову. По окончании срока Ширяеву этапировуют на Колыму. Зельдович успевает одолжить у Сахарова деньги и передать ей. Через несколько месяцев Ширяева родила дочь в каком-то заледенелом доме. Потом (после XX съезда? – С.Т.) Зельдович добьется улучшения положения Ширяевой, а еще через двадцать лет Сахаров увидит его с дочерью, родившейся в Магадане.

Вот вам сюжет для романа!

Когда Сахаров попадет в немилость, Зельдович станет упрекающими письмами и звонками к нему (наверняка просматриваемыми и прослушиваемыми КГБ) демонстрировать властям свою лояльность. В 1987 году, незадолго до смерти, Зельдович говорит Сахарову: “В прошлом было всякое, давайте забудем плохое. Жизнь продолжается” (с. 177-184). Сахаров готов забыть ему все – кроме научных достижений.

Вот рыцарь фундаментальной теоретической физики И.Я.Померанчук. Виртуоз теорфизической техники (термин Сахарова), он относится к этой своей деятельности с величайшим презрением. Его концепция: “...основные, самые фундаментальные законы природы должны проявиться в физике предельно высоких энергий”. Этот его взгляд разделяет и Сахаров.

Сахаров передает рассказ о том, как Померанчук “ловил за пуговицу” директора большого физического института и спрашивал: “Есть у вас ускоритель на 600 миллионов электрон-вольт?”¹⁵ Ах, нет. В таком случае вы управдом, а не директор” (с. 174).

Во время одной из аудиенций у Берии Сахаров спонтанно задал ему вопрос:

– Почему наши новые разработки идут так медленно? Почему мы все время отстаем от США и других стран, проигрывая техническое соревнование?

Берия ответил вполне прагматически:

– Потому что у нас нет производственно-опытной базы. Все висит на одной “Электросиле”. А у американцев сотни фирм с мощной базой.

Двадцать лет спустя Сахаров придет к выводу, что это отставание обусловлено неразвитостью демократических структур, управления, недостатком информационного обмена и интеллектуальной свободы (с. 196).

Так в директоре ли дело?

На объекте Померанчук томился всего два

или четыре месяца. Потом начальство поняло, что все же лучше его отпустить.

Померанчук прожил недолго. Потерявший жену, умирающий от рака, он (по совету умного врача, не жалевавший обезболивания) сумел прожить оставшийся кусок жизни достойно и работал до последнего дня.

Вот талантливый Н.Н.Боголюбов, много сделавший для усиления математического отдела на объекте. Чистый теоретик, далекий от инженерных проблем, зато эрудит в самых различных отраслях физики, знавший несколько иностранных языков, с острым оригинальным умом и юмором. Именно от него Сахаров узнал о работах основателей кибернетики Винера, Шеннона, Неймана¹⁶ (с. 176-177).

Такой директор Объединенного института ядерных исследований в Дубне не мог не импортировать взыскательным зарубежным гостям-ученым, раздававшим направо и налево приглашения своим советским коллегам.

Когда же разразился "мировой скандал" с интервью Поликанова западным корреспондентам о действительной ситуации с поездками за рубеж советских ученых, реакцией Боголюбова было: "Вот и у нас теперь свой диссидент есть" ("Разрыв", с. 228).

Вот И.М.Гельфанд, крупный математик, разрабатывавший для объекта новые методики сложных вычислений, пригодные для ЭВМ. Его академическое продвижение на десятилетия застопорилось на "член-коррстве" из-за специфических (читайте – антисемитских – С.Т.) порядков в математическом отделении АН СССР. К этому добавилась еще причастность к письму в защиту А.С.Вольпина-Есенина, брошенного в психзастенки (с. 245-246).

Кто бы мог подумать, что через сорок лет Гельфанд окажется в США и – на девятом десятке – получит должность в одном из американских университетов.

Но были и настроенные иначе.

Вот академик М.А.Леонтович, спустивший с лестницы и назвавший представителем самой древней и непочетной женской профессии Я.П.Терлецкого – физика-теоретика, претендовавшего на роль борца за идейную чистоту физики и предложившего ему сотрудничество.¹⁷ Лавры Т.Д.Лысенко не давали тогда спать многим подонкам. В 1951 году Леонтович был назначен руководителем теоретических работ по магнитному термоядерному реактору. Вскоре он сказал Тамму: "Я почти убежден, что из этой затеи

ничего не получится. Но я сделаю все, что в моих силах, чтобы внести ясность, какой бы она ни была" (с. 437-438).

Сахаров пишет: "Я думаю, что это огромная удача для успеха дела, что в этой работе принял участие Михаил Александрович. Он отдал ей 30 лет жизни, до самой смерти в 1981 году" (там же).

Создать работающий магнитный термоядерный реактор (и даже внести ясность в эту проблему), в отличие от термоядерной бомбы, не удалось и поныне. Почему же Леонтович занялся этой проблемой, почти (?) убежденный (а оснований для этого убеждения было предостаточно), что ничего не получится? Уж не потому ли, чтобы не быть самому причастным к созданию термоядерной бомбы, которая – после того, как стали известными характеристики реакции дейтерия с тритием – не могла не получиться раньше или позже?

Вот знаменитый академик П.Л.Капица, увернувшийся от участия в работе над ядерным оружием. На приглашение Берии приехать он ответил, что чрезвычайно занят научной работой, и предложил тому самому приехать к нему в институт (с. 167-168). Благо, в аппарате Берии поведение Капицы расценивали как недисциплинированность и "хулиганство". Капица выдвинул тогда на первый план не идейные соображения, а несогласие по организационным проблемам и нежелание подчиняться людям, которых он считал ниже себя в научном отношении. Сахаров считает, что тут была не только уловка, а действительное сочетание разнородных причин (с. 399). Но руководимый Капицей (и притом на особых условиях) Институт физических проблем был передан в руки А.П.Александрова, человека способного, на все способного, и, разумеется, был подключен к разработке ядерного оружия.

Сахаров вспоминает о гражданском подвиге Капицы, смертельно опасном для него самого, – заступничестве за арестованных во времена "большого террора" двух крупнейших физиков-теоретиков – Фока и Ландау¹⁸. Потом Капица попытается вступить за Ю.Орлова и самого Сахарова. Но без особого успеха.

Однажды Зельдович сказал Сахарову о Тамме: "Вы знаете, почему именно И.Е. оказался столь полезным для дела, а не Ландау? – У И.Е. выше моральный уровень". Моральный уровень, поясняет Сахаров, тут означает готовность отдавать свои силы "делу".

Вышедший феноменальным чудом (иначе не назовешь) из сталинских застенков Ландау и через много лет не падок на откровения. Единственный раз, когда Сахаров заговорил с ним чаеidine, – это было в середине 1950-х годов, – он сказал:

– Сильно не нравится мне все это (имелось в виду ядерное оружие вообще и участие в его разработках).

– Почему?

– Слишком много шума (с. 168).

Пройдет много лет после смерти Ландау, пока академик В.Л.Гинзбург расскажет, что Ландау считал себя не кем иным, как “ученым рабом”. Расскажет и об окружавших Ландау сексотах и подслушивающих устройствах, об омерзительных “телегах”, катившихся на него в Академию из КГБ даже в послесталинские времена. Но Ландау все равно вынужден был работать по спецтематике, выполняя расчеты для ненавистной ему “Проблемы” – под началом А.П.Александрова...

В 1960-е годы Сахаров постепенно возвра-

щается к фундаментальным проблемам физики и космогонии. С горечью он замечает: “Я... – после привлечения к военно-исследовательской тематике – почти мгновенно потерял с таким трудом достигнутую высоту... то, чем я занимался с 1948 по 1968 годы, было очень большим пузырем” (с. 104). И далее поясняет: “...с точки зрения элементарных процессов, в них (ядерных взрывах – С.Т.) нет ничего особенного. Чтобы действительно узнать что-то принципиально новое, нужны гораздо большие энергии в элементарных актах (а не много килограмм прореагировавшего вещества и большой разрушительный эффект). Именно отсюда черпает свои откровения фундаментальная наука, а не из ядерных взрывов!” (с. 138).

Тем не менее, после своей новой работы 1965 года Сахаров вновь уверовал в свои силы физика-теоретика (с. 328). Однако уже в конце 1950-х годов и особенно в 1960-е годы все большее место в его жизни стали занимать общественные вопросы (с. 348).

Но это уже другая тема.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Материалом для этих размышлений послужили две книги А.Д.Сахарова: “Воспоминания” и “Горький, Москва, далее везде”. Изд. им. Чехова, Нью-Йорк. 1990.

2 Ю.Харитон и Ю.Смирнов. Украли ли русские атомную бомбу? “Новое Русское Слово”, 23 декабря 1994 г. Нью-Йорк.

3 Ядро дейтерия (дейтон) состоит из одного протона и одного нейтрона.

4 Как сообщают в вышеуказанной статье Ю.Харитон и Ю.Смирнов, советские физики успели до начала второй мировой войны экспериментально определить число вторичных нейтронов, возникающих при делении урана, выяснить условия осуществления цепной реакции деления урана в реакторе с тяжелой водой и углеродом в качестве замедлителей нейтронов. Они определили условия возникновения ядерного взрыва, рассчитали приближенное значение критической массы легкого изотопа урана, а также оценили мощность такого взрыва.

Перспективы получения и использования энергии деления урана широко обсуждались тогда в советской периодике и популярной литературе.

5 Ядро трития состоит из протона и двух нейтронов и потому оно менее устойчиво. Тритий радиоактивен (бета-активен). Период его полураспада составляет 12,4 года.

6 О найденном Э.Теллером решении проблемы инициирования термоядерной реакции с использованием трития и о его докладе о возможности создания водородной бомбы, прочитанном в 1946 году в Лос-Аламосе, сообщается, к примеру, в изданной в СССР за четверть века до “Воспоминаний” Сахарова книге М.Рузе “Роберт Оппенгеймер и атомная бомба” (Атомиздат, М. 1965. Перевод с французского издания 1962 г.). Чего уж тут было перестраховываться!

7 Сахаров встречался по делам с Берией неоднократно. Он вспоминает: “Он подал мне руку. Она была пухлая, чуть влажная и мертвенно холодная. Только в этот момент я, кажется, осознал, что говорю с глазу на глаз со страшным человеком. До этого мне это не приходило в голову...” (с. 196). Почему?

8 При вручении золотой звезды Сахарова расцелует и тогдашний председатель Президиума ВС СССР Ворошилов (с. 240). А в 1949 году Ю.Б.Харитону пришлось вытерпеть не один поцелуй от Берии за первую атомную бомбу.

9 Впоследствии в США были разработаны “чистые” термоядерные заряды большой мощности.

10 “Новое Русское Слово”, 12 августа 1994 г.

11 См., например, Д.Ирвинг, “Вирусный флигель”. Атомиздат, М., 1969.

12 А.Солженицын сообщает о высылке на Колыму отбывшего сроки “особо опасного спецконтингента” и с других объектов (“Архипелаг-ГУЛаг”, т. III, с. 376. YMCA-PRESS, Вермонт – Париж. 1980).

13 И в этом огромная заслуга Сахарова.

14 После публикации за пределами СССР "Размышлений о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе" министр среднего машиностроения СССР Е.П.Славский упрекнул Сахарова среди всего прочего в том, что он и сам пользовался этими привилегиями (с. 380).

15 В то время в СССР был один синхротрон, ускорявший протоны до такой энергии.

16 Почему Сахаров не воспользовался ими, когда занялся "общественными вопросами"? Почему не понял, что именно в этих работах находятся ключи к ответам на них?

17 Как стало недавно известно, в 1945 году Я.П.Терлецкий участвовал в попытке советских разведчиков "проинтервьюировать" Н.Бора по заданию генерала П.Судоплатова.

18 Ландау – "за дело", т.е. "антисоветскую" листовку (С.Т.).

Р.Гуардини

Религиозные образы в творчестве Достоевского

(Продолжение. Начало в №65)

Глава шестая. "Безбожник"

Ставрогин

Мы уже обращали внимание читателя на то, что крупные романы Достоевского строятся по-разному. У двух из них, если можно так выразиться, линейная структура: это "Преступление и наказание", где описывается решающий этап в развитии молодого человека, и "Братья Карамазовы" – фрагмент истории одной семьи. Очевидно, здесь вряд ли можно говорить об эпике в собственном смысле слова, – описываемые процессы слишком глубоки и опосредованны. Нет здесь и сюжетного развития событий, последовательного прослеживания судеб, динамичного фона, которым могло бы служить происходящее в мире. Но при всех условиях они описывают начало и дальнейший ход действия, так что форму этих романов можно представить себе в виде линии, хоть зачастую и запутанной, и окруженной многими побочными линиями. Иначе построены "Идиот", "Бесы" и "Подросток". Для формы "Идиота" использован образ вихря, разрушающего все на своем пути. В "Бесах" нас преследует ощущение, что целая большая область человеческого существования подпадает под процесс разрушения. В "Подростке", наконец, сгущается мгла, которая постепенно рассеивается, запутывается клубок, с течением времени распутывающийся. Здесь было бы правомерно говорить о плоскостных, точнее – пространственных процессах.

Эти различия в форме предписывают соответствующие расхождения во внутреннем устройстве главных персонажей. На это уже указывалось выше. Здесь перед нами люди,

которые сами действуют, конфликтуют и борются, – но в то же время и такие, которые составляют центр действий других. Именно натуры этого второго склада и определяют сотканную, плоскостную, пространственную структуру повествования: князь Мышкин в "Идиоте", Ставрогин в "Бесах", Версиков в "Подростке".

Строго говоря, эти люди не действуют сами, но они вызывают действия других. Они никого не ищут, но всех притягивают. Для себя они, кажется, не хотят ничего – и, тем не менее, активнейшим образом побуждают к действиям остальных, и судьба этих последних совершается как бы на фоне их личности. Люди не обходят их вниманием, думают о них, добиваются их расположения, пытаются завоевать их, бьют ими тронуты, потрясены, изничтожены – и все это, в сущности, вовсе не по их желанию.

Однако в пределах этого характерного сходства существует глубокое различие между тем, как играет роль "движущего центра" князь Мышкин и как – Ставрогин. О Мышкине речь пойдет в следующей главе. Им заявляет о себе действительность высшего порядка: отношение к нему людей непосредственно несет на себе религиозную печать. Нечто религиозное действует и в случае со Ставригиным, но здесь оно совсем другого рода. В конце романа "Идиот" вихрь перемещается вглубь; на берегах остаются одни развалины. И, тем не менее, произошло что-то глубоко осмысленное; акценты расставлены, и во весь рост встает непостижимая, но мощная надежда. В конце "Бесов" не видно ничего, кроме разрушения – холодно-

го, неприглядного, безнадежного. Причину этого мы будем искать в личности Ставрогина.

Не то в "Подростке". Версиров – фигура неоднозначная, мятущаяся между верой и скепсисом, одновременно либерал и аристократ. Личность его настолько лабильна, что раздваивается. В нем действуют два человека, сосуществуют две судьбы, но присутствует и добрая сила, осуществляющая единение. Да и судьба к нему благосклонна: рядом с ним находятся люди, которые ему помогают. Это – его сын, "подросток", и особенно – спутница его жизни, Соня. В ней, такой тихой, живет созидательная сила, с помощью которой ей удастся излечить распадающуюся на части личность Версирова. Собственно, она и есть та атмосфера, в которой он выздоравливает. Однако это удастся ей лишь потому, что в нем заложены соответствующие возможности; внешняя линия судьбы определяется тем, что идет изнутри.

Кто же тот человек, вокруг которого разворачиваются события в "Бесах"? Каковы те его качества, которые делают мир вокруг него таким, как он есть, и предопределяют развитие событий?

Воистину, судьба персонажей романа связана с ним самым прямым и непосредственным образом.

Его мать, Варвара Петровна Ставрогина, честолюбие которой не нашло себе в жизни удовлетворения и которую связывает странная дружба со Степаном Верховенским, живет исключительно для своего "принца". Она не понимает и боится его, но в то же время боготворит – и в конце романа остается ни с чем.

Ее приемная дочь Дарья Павловна Шатова, сестра Шатова, тоже относящаяся к числу "Сонь", любит Ставрогина. Она отдала ему всю себя без остатка и надеется своей преданностью искупить его грехи. Но она слабее, чем Соня в "Подростке"; она всего лишь мягкая, жертвенная и капельку не уверенная в себе "сестра милосердия". С другой стороны, в Ставригине живет совсем другая сила зла, нежели в Версирове. Поэтому она оказывается несостоятельной и сходит со сцены.

Лизавета Николаевна Тушина – из тех страстных, гордых, но внутренне надломленных женских натур, которые в "Подростке" представлены Катериной Николаевной, а в "Братьях

Карамазовых" – Катериной Ивановной. Сестра их по духу, она тоже любит Ставригина всеми силами души; но лишь с Маврикием Николаевичем Дроздовым, честным, добрым и беззаветно преданным, она испытывает чувство защищенности. В конце концов, почти отчаявшись, она отдается Ставригину – однако ей суждено узнать, что растопить его лед невозможно. Тогда мир для нее рушится, и тот слесарь, который, сам не зная, что делает, расправляется с ней как с виновницей поджога, осуществленного, чтобы уничтожить труп зверски убитой Марии Лебядкиной, тайной жены Ставригина, – в сущности, оказывает ей благодеяние.

Несчастной же, полубезумной Марии Лебядкиной, в чьем немоющем теле сосуществуют души романтической княгини, запуганного ребенка и вещуньи, чья фантазия возвела Ставригина в ранг светлой, героической личности, становится ясно, что он – дутая величина. Она была обманута с самого начала, и мы еще поговорим здесь о том, почему Ставригин на ней женился.

В романе присутствует и еще одна несчастная женщина – жена Шатова, Мария Игнатьевна. Когда-то Ставригин вступил с ней в случайную связь. При возвращении она носит под сердцем его ребенка. Трогательны и исполнены печальной красоты те сцены, в которых живописуется его появление на свет и то, как Шатов, этот заблудившийся мечтатель, находит благодаря ей путь к настоящей жизни и любви в свой последний час перед тем, как его убивают бандиты.

Перейдем к мужским персонажам. О Кириллове мы уже говорили. Ставригин оказал на него решающее влияние, и Кириллов привязался к нему. "Вспомните, что вы значили в моей жизни, Ставригин", – говорит он. Однако то, что посеял в нем Ставригин, дает страшные всходы.

Столь же несомненные признаки распада у Шатова – того самого, чью сестру Дарью сохранил и чью жену отнял Ставригин. Этот последний, не верящий сам ни во что: ни в Бога, ни в русский народ, – в порядке эксперимента вовлек Шатова в такое утрированное восприятие народнических идей, при котором понятия "народ" и "Бог" объединяются в некую демонически-языческую общность. Однако, когда Шатов пытается возложить на него ответ-

ственность за это, он отказывается признать ее и бросает его, полубезумного, на произвол судьбы.

И, наконец, скопище “бесов”: Петр Верховенский, сын Степана, человек без корней и совести, подлость которого настолько цинична, что вряд ли ей можно найти параллель во всем творчестве Достоевского. Одно-единственное в нем заложено глубже всего остального: странная вера в фантастическое, создаваемое самими бесстыдными средствами “царство” царя-мессии, в котором Ставрогину уготована роль царевича... И рядом с ним – фигуры помельче: капитан Лебядкин, которого он покрывает позором и доводит до гибели, каторжанин Федька, получающий от него негласное распоряжение осуществить убийство, Липутин, Лямшин и как их там еще...

Среди всех, названных выше, один Ставрогин обладает некоей таинственной властью. Что он за человек?

Начнем со странной сцены в 5-ой главе, носящей заголовок “Премудрый змий”. В 5-ой главе описывается возвращение Николая Всеволодовича Ставрогина после долгого отсутствия. В доме его матери собралось необычное общество: взбудораженная Лизавета, Дарья, вернувшаяся из Швейцарии, где она была вместе с ним (о том, что происходило там между ними, говорится с недомолвками, но что-то явно происходило), и, наконец, третья гостья – Мария Лебядкина, которая в полубезумном, но провидческом порыве явилась после богослужения к матери Ставрогина, чтобы предстать перед ней в качестве его жены... Господствующее здесь настроение – такая многоплановая напряженность, которая возможна, очевидно, лишь в мире Достоевского (а в этом нетрудно убедиться, попытавшись перенести все это на европейскую почву). И вот входит Ставрогин.

“Как и четыре года назад, когда в первый раз я увидел его, так точно и теперь я был поражен с первого на него взгляда. Я нимало не забыл его; но, кажется, есть такие физиономии, которые всегда, каждый раз, когда появляются, как бы приносят с собой нечто новое, еще не примеченное в них вами, хотя бы вы сто раз прежде встречались. По-видимому, он был все тот же, как и четыре года назад: так же изящен, так же важен, так же важно входил, как и тогда, даже почти так же молод. Легкая

улыбка его была так же официально ласкова и так же самодовольна; взгляд так же строг, вдумчив и как бы рассеян. Одним словом, казалось, мы вчера только расстались. Но одно поразило меня: прежде хоть и считали его красавцем, но лицо его действительно “походило на маску”, как выражались некоторые из злоязычных дам нашего общества. Теперь же, – теперь же, не знаю почему, он с первого же взгляда показался мне решительным, неоспоримым красавцем, так что уже никак нельзя было сказать, что лицо его походит на маску. Не оттого ли, что он стал чуть-чуть бледнее, чем прежде, и, кажется, несколько похудел? Или, может быть, какая-нибудь новая мысль светилась теперь в его взгляде?” (Б. 145).

Здесь напрашивается сравнение с описанием, данным ранее и дающим нам возможность кое-что добавить: “...Он мог судить и о насущных, весьма интересных темах, и, что всего драгоценнее, с замечательную рассудительностью. Упомяну как странность: все у нас, чуть не с первого дня, нашли его чрезвычайно рассудительным человеком. Он был не очень разговорчив, изящен без изысканности, удивительно скромнен и в то же время смел и самоуверен, как у нас никто... Поразило меня тоже его лицо: волосы его были что-то уж очень черны, светлые глаза его что-то уж очень спокойны и ясны, цвет лица что-то уж очень нежен и бел, румянец что-то уж слишком ярок и чист, зубы как жемчужины, губы как коралловые, – казалось бы, писанный красавец, а в то же время как будто и отвратителен. Говорили, что лицо его напоминает маску; впрочем, многие говорили, между прочим, и о чрезвычайной телесной его силе” (Б. 37).

Николай направляется к своей матери, но эта последняя – с тем фальшивым театральным пафосом, который она так любит и который делает ее карикатурой на мадам де Сталь или княгиню Голицыну – останавливает его.

“Николай Всеволодович, – повторила она, отчеканивая слова твердым голосом, в котором зазвучал грозный вызов, – прошу вас, скажите сейчас же, не сходя с этого места: правда ли, что эта несчастная, хромая женщина, – вот она, вон там, смотрите на нее! – правда ли, что она... законная жена ваша?”

Тот, кому задан этот вопрос, нисколько не меняется в лице; он пристально смотрит на

мать, наконец улыбается “какой-то снисходящей улыбкой”, молча приближается к ней и почтительно целует ей руку. Затем он с тем же спокойствием окидывает взглядом всех присутствующих и не спеша направляется к Марии Лебядкиной, которая, “вся замирая от испуга, поднялась к нему навстречу и сложила, как бы умоляя его, пред собою руки; а вместе с тем вспоминается и восторг в ее взгляде, какой-то безумный восторг, почти искаживший ее черты, – восторг, который трудно людьми выносятся”. Николай Ставрогин стоит перед ней в почти-тельной позе и говорит своим ласковым, мелодическим голосом с “необыкновенной нежностью”: “Вам нельзя быть здесь”. Бедняжка же лепечет “стремительным полупшепотом, задыхаясь”:

– А мне можно... сейчас... стать пред вами на колени?

– Нет, этого никак нельзя, – великолепно улыбнулся он ей, так что и она вдруг радостно усмехнулась. Тем же мелодическим голосом и нежно уговаривая ее, точно ребенка, он с важностью прибавил:

– Подумайте о том, что вы девушка, а я хоть и самый преданный друг ваш, но все же вам посторонний человек, не муж, не отец, не жених. Дайте же руку вашу и пойдемте; я провожу вас до кареты и, если позволите, сам отвезу вас в ваш дом.

Она выслушала и как бы в раздумье склонила голову.

– Пойдемте, – сказала она, вздохнув и подавая ему руку”.

Он выводит ее, но тут случается маленькое несчастье, демонстрирующее всю тяжесть ее состояния: она споткнулась, чуть не упала и “ужасно застыдилась. Молча смотря в землю, глубоко прихрамывая, она заковыляла за ним, почти повиснув на его руке”. Он же “мигом подхватил ее и... с участием, осторожно повел к дверям” (Б. 145-147).

Отталкивающе-символическое значение этого эпизода подкрепляется следующим далее рассказом Петра Степановича Верховенского, дающего свою интерпретацию тому, что произошло. Но сначала приведем описание внешности этого человека. Ему 27 лет. Голова его “как бы сплюснута с боков, так что лицо его кажется острым. Лоб его высок и узок, но черты лица мелки; глаз острый, носик маленький

и востренький, губы длинные и тонкие. Выражение лица словно болезненное, но это только кажется... Выговор у него удивительно ясен; слова его сыплются, как ровные, крупные зернышки, всегда подобранные и всегда готовые к вашим услугам. Сначала это вам и нравится, но потом станет противно, и именно от этого слишком уж ясного выговора, от этого бисера вечно готовых слов. Вам как-то начинает представляться, что язык у него во рту, должно быть, какой-нибудь особенной формы, какой-нибудь необыкновенно длинный и тонкий, ужасно красный и с чрезвычайно острым, непрерывно и невольно вертящимся кончиком”. (Б. 143–144)

Этот-то сын Верховенского, воспитателя Ставрогина, и вызывается объяснить “весь анекдот”. В Петербурге, где молодой Ставрогин “вел... жизнь, так сказать, насмешливую”, – другим словом рассказчик не мог определить ее, – он познакомился с Лебядкиными, братом и сестрой, помог опустившемуся брату деньгами, стал оказывать его сестре неожиданное уважение и вскоре довел ее до того, что она стала считать его “чем-то вроде жениха своего, не смеющего ее “похитить” единственно потому, что у него много врагов и семейных препятствий или что-то в этом роде... Кончилось тем, что когда Николаю Всеволодовичу пришлось тогда отправляться сюда, он, уезжая, распорядился о ее содержании и, кажется, довольно значительном ежегодном пенсионе, рублей в триста по крайней мере, если не более. Одним словом, положим, все это с его стороны баловство, фантазия преждевременного уставшего человека, – пусть даже, наконец, как говорил Кириллов, это был новый этюд пресыщенного человека с целью узнать, до чего можно довести сумасшедшую калекку” (Б. 149-150).

Ставрогин возвращается. Лиза в истеричном состоянии, Дарья не знает, куда себя деть от волнения, и тут происходит следующее:

“Шатов, совершенно всеми забытый в своем углу... и, по-видимому, сам не знавший, для чего он сидел и не уходил, вдруг поднялся со стула и через всю комнату, неспешным, но твердым шагом направился к Николаю Всеволодовичу, прямо смотря ему в лицо. Тот еще издали заметил его приближение и чуть-чуть усмехнулся; но когда Шатов подошел к нему вплоть, то перестал усмехаться.

Когда Шатов молча пред ним остановился, не спуская с него глаз, все вдруг это заметили и затихли, позже всех Петр Степанович; Лиза и мама остановились посреди комнаты. Так прошло секунд пять; выражение дерзкого недоумения сменилось в лице Николая Всеволодовича гневом, он нахмурил брови, и вдруг...

И вдруг Шатов размахнулся своею длиною, тяжелою рукою и изо всей силы ударил его по щеке. Николай Всеволодович сильно качнулся на месте.

Шатов и ударил-то по-особенному, вовсе не так, как обыкновенно принято давать пощечины (если только можно так выразиться), не ладонью, а всем кулаком, а кулак у него был большой, веский, костлявый, с рыжим пухом и с веснушками. Если б удар пришелся по носу, то раздробил бы нос. Но пришелся он по щеке, задев левый край губы и верхних зубов, из которых тотчас же потекла кровь.

Кажется, раздался мгновенный крик, может быть, вскрикнула Варвара Петровна – этого не припомню, потому что все тотчас же опять как бы замерло. Впрочем, вся сцена продолжалась не более каких-нибудь десяти секунд.

Тем не менее, в эти десять секунд произошло ужасно много.

Напомню опять читателю, что Николай Всеволодович принадлежал к тем натурам, которые страха не ведают. На дуэли он мог стоять под выстрелом противника хладнокровно, сам целить и убивать до зверства спокойно. Если бы кто ударил его по щеке, то, как мне кажется, он бы и на дуэль не вызвал, а тут же, тотчас же убил бы обидчика... И однако же, в настоящем случае произошло нечто иное и чудное.

Едва только он выпрямился после того, как так позорно качнулся на бок, чуть не на целую половину роста, от полученной пощечины, и не затих еще, казалось, в комнате подлый, как бы мокрый какой-то звук от удара кулака по лицу, как тотчас же он схватил Шатова обеими руками за плечи; но тотчас же, в тот же почти миг, отдернул свои обе руки назад и скрестил их у себя за спиной. Он молчал, смотрел на Шатова и бледнел как рубашка. Но странно, взор его как бы погасал. Через десять секунд глаза его смотрели холодно и – я убежден, что не лгу – спокойно. Только бледен он был ужасно. Разумеется, я не знаю, что было внутри человека, я видел снаружи.

...Первый из них опустил глаза Шатов и, видимо, потому, что принужден был опустить. Затем медленно повернулся и пошел из комнаты, но вовсе уж не тою походкой, которою подходил давеча. Он уходил тихо, как-то особенно неуклюже приподняв сзади плечи, понуриив голову и как бы рассуждая о чем-то сам с собой. Кажется, он что-то шептал. До двери дошел осторожно, ни за что не зацепив и ничего не опрокинув, дверь же приотворил на маленькую щелочку, так что пролез в отверстие почти боком. Когда пролезал, то вихор его волос, стоявший торчком на затылке, был особенно замечен" (Б. 164-166).

Таково описание случившегося.

Что же до фактов, то бедная Мария Лебядкина – действительно жена Ставрогина. Но верно также и то, что она девственница. Верно и то, что эта женитьба была следствием "содома", как внешнего, так и внутреннего. Шатов, однако, осведомлен о Марии Лебядкиной, и в то время как она все еще предается мечтам, он хорошо понимает, что означает эта женитьба. Его возмущение, граничащее с отчаянием, находит себе выход в этой сцене. Тяжелый удар кулаком, который он наносит Ставрогину, должен уничтожить зло или по крайней мере разметать его, но ему противопоставляется нечто еще более сильное, и побежденный Шатов с позором покидает поле брани.

Попытаемся ошупью продвинуться дальше.

Николай вырос без отца. "Мальчик знал про свою мать, что она его очень любит, но вряд ли очень любил ее сам. Она мало с ним говорила, редко в чем его очень стесняла, но пристально следящий за ним ее взгляд он всегда как-то болезненно ощущал на себе" (Б. 35). Его воспитание и обучение находятся в не слишком-то надежных руках Степана Верховенского, которому Варвара Петровна в то время еще вполне доверяла. Воспитание сентиментально, но даже эта сентиментальность фальшива, как и вся личность воспитателя.

Мальчик вначале "тщедушен и бледен, странно тих и задумчив"; позже он "отличался необычайною физическою силой". В 16 лет его отдают в лицей, впоследствии зачислят в гвардейский кавалерийский полк.

Мать снабжает его достаточным количеством денег. У него большие успехи в свете. "Но очень скоро начали доходить к Варваре

Петровне довольно странные слухи: молодой человек как-то безумно и вдруг закутил. Не то чтоб он играл или очень пил; рассказывали только о какой-то дикой разнузданности, о задавленных рысачами людях, о зверском поступке с одною дамой из хорошего общества, с которою он был в связи, а потом оскорбил ее публично. Что-то даже слишком уж откровенно грязное было в этом деле. Прибавляли сверх того, что он какой-то бретер, привязывается и оскорбляет из удовольствия оскорбить... Скоро было получено роковое известие, что принц Гарри имел почти разом две дуэли, кругом был виноват в обеих, убил одного из своих противников наповал, а другого искалечил и вследствие таковых деяний был отдан под суд. Дело кончилось разжалованием в солдаты, с лишением прав и ссылкой на службу в один из пехотных армейских полков, да и то еще по особенной милости".

Деградация длится недолго; ему удастся отличиться, а затем "как-то уж скоро" он вновь становится офицером. Тут он внезапно выходит в отставку, едет в Петербург и совсем перестает писать матери. "Доискались, что он живет в какой-то странной компании, связался с каким-то отребьем петербургского населения, с какими-то бессапожными чиновниками, отставными военными, благородно просящими милостыню, пьяницами, посещает их грязные семейства, дни и ночи проводит в темных трущобах и Бог знает в каких закоулках, опустился, оборвался и что, стало быть, это ему нравится".

Наконец, по настойчивой просьбе матери, он возвращается.

На местное общество он производит большое впечатление. Оно резко делится "на две стороны – в одной обожали его, а в другой ненавидели до кровомщения; но без ума были и те, и другие". Мать гордится сыном, но в то же время и тревожится. "Он прожил у нас с полгода – вяло, тихо, довольно угрюмо; являлся в обществе и с неуклонным вниманием исполнял весь наш губернский этикет. Губернатору, по отцу, он был сродни и в доме его принят как близкий родственник. Но прошло несколько месяцев, и вдруг зверь показал свои когти" (Б. 35-37).

Мы еще вернемся к тому, о чем идет речь в последних предложениях; пока же подчеркнем

следующее: мать очень гордится своим сыном, "а между тем она очевидно боялась его и казалась пред ним словно рабой. Заметно было, что она боялась чего-то неопределенного, таинственного, чего и сама не могла бы высказать, и много раз неприметно и пристально приглядывалась к Nicolas, что-то соображая и разгадывая... и вот – зверь вдруг выпустил свои когти" (Б. 36-38).

Мы четко ощущаем, но с трудом выражаем словами, почему при описании выражения лица или внешности того или иного человека приходится обращаться подчас к образам, лежащим вне сферы человеческого. Это происходит тогда, когда мы улавливаем в его повадках или нечто механическое, свойственное марионеткам, или сходство с каким-то животным, причем вполне конкретным.

В человеке заключен механизм, определяемый строением его скелета и функциями отдельных членов его туловища; однако он выступает как органическая часть живого мира и в этом смысле не выделяется из него. Как только, однако, он привлекает к себе внимание теми качествами, которые описаны выше, он отпадает от живого: здесь перед нами – нечто "мертвое", что, тем не менее, "живет". Сама по себе сфера чисто механического находится вне пределов человеческого, но она расположена по соседству, и человек в состоянии ее прочувствовать – более того, ощутить как возможность, хоть и разрушительную. Как только в движениях человека проступает механизм как таковой, эта альтернатива обретает актуальность. Тогда происходит нечто тревожное: безжизненное высасывает соки из живого в человеке и начинает свою мнимую жизнь. Создается впечатление, будто "дух" непосредственно привязан к материи, в то время как кровь и сердце отсутствуют. Здесь нет "тела", а есть лишь "организм", ирреальная жизненность которого может быть грациозной или весомой в своих проявлениях, но может в тот же самый миг обратиться в нечто призрачное, демоническое, страшное.

Что-то похожее происходит и тогда, когда на первый план выступает образ животного. В человеке присутствует также и зверь, независимо от того, рассматриваем мы это в ракурсе эволюции или систематики. Зверь – это жизнь, состоящая из побуждений и инстинктов, которые

находятся в древне-личностной и видовой связи друг с другом. Человек не может жить его жизнью, но воспринимает и ее как сферу, расположенную по соседству и служащую возможностью. Когда эта последняя становится актуальной, вновь возникает опасность разрушения, угроза существования личности. Когда зверь выступает в человеке на первый план, он может оказаться во власти низменных побуждений, под-личностных сил земли и вида.

Итак, когда в образе человека начинает преобладать механическое или звериное начало, возникает опасность демонического, угроза распада. Сделаем еще небольшую, но многозначительную помету на полях: в чрезмерно длинном лице матери Ставрогина есть что-то лошадиное... Размышляя над значением этого, испытываешь сильное и неприятное чувство и невольно думаешь о подспудных течениях потока жизни.

“Зверь выпускает когти” и наносит удар – но ведь это человек! Немудрено, что присутствующие при этом испытывают ужас.

“Наш принц вдруг, ни с того ни с сего, сделал две-три невозможные дерзости разным лицам, то есть главное именно в том состояло, что дерзости эти совсем неслыханные, совершенно ни на что не похожие, совсем не такие, какие в обыкновенном употреблении, совсем дрянные и мальчишнические, и черт знает для чего, совершенно без всякого повода. Один из почтеннейших старшин нашего клуба, Павел Павлович Гаганов, человек пожилой и даже заслуженный, взял невинную привычку ко всякому слову с азартом приговаривать: “Нет-с, меня не поведут за нос!” Оно и пусть бы. Но однажды в клубе, когда он, по какому-то горячему поводу, проговорил этот афоризм собравшейся около него кучке клубных посетителей (и все людей не последних), Николай Всеволодович, стоявший в стороне один и к которому никто и не обращался, вдруг подошел к Павлу Павловичу, неожиданно, но крепко ухватил его за нос двумя пальцами и успел протянуть за собою по зале два-три шага. Злобы он не мог иметь никакой на господина Гаганова. Можно было подумать, что это чистое школьничество, разумеется непростительнейшее; и, однако же, рассказывали потом, что он в самое мгновение операции был почти задумчив, “точно как бы с ума сошел”; но это уже долго спу-

стя припомнили и сообразили. Сгоряча все сначала запомнили только второе мгновение, когда он уже наверно все понимал в настоящем виде и не только не смутился, но, напротив, улыбался злобно и весело, “без малейшего раскаяния”. Шум поднялся ужаснейший; его окружили. Николай Всеволодович повертывался и поглядывал кругом, не отвечая никому и с любопытством приглядываясь к восклицавшим лицам. Наконец, вдруг как будто задумался опять, – так по крайней мере передавали, – нахмурился, твердо подошел к оскорбленному Павлу Павловичу и скороговоркой, с видимой досадой, пробормотал:

– Вы, конечно, извините... Я, право, не знаю, как мне вдруг захотелось... глупость...

Небрежность извинения равнялась новому оскорблению. Крик поднялся еще пуще. Николай Всеволодович пожал плечами и вышел” (Б. 38-39).

Общество возмущено. Его мать “была ужасно поражена. Она призналась потом Степану Трофимовичу, что все это она давно предугадывала, все эти полгода каждый день, и даже именно ‘в этом самом роде’ – признание замечательное со стороны родной матери. “Началось!” – подумала она содрогаясь”.

Она вызывает сына на объяснение. Далее читаем:

“Nicolas, всегда столь вежливый и почти-тельный с матерью, слушал ее некоторое время насупившись, но очень серьезно; вдруг встал, не ответив ни слова, поцеловал у ней ручку и вышел. А в тот же день, вечером, как нарочно, подоспел и другой скандал, хотя и гораздо послабее и пообыкновеннее первого, но тем не менее, благодаря всеобщему настроению, весьма усиливший городские вопли” (Б. 40). Имеется в виду эпизод с женой Липутина, которую он неожиданно целует на глазах у всего собравшегося общества.

Самое же ужасное происходит тогда, когда его превосходительство губернатор, друг дома и родственник Николая Всеволодовича, решается объясниться с ним по поводу всех этих историй.

“Иван Осипович заговорил отдаленно, почти шепотом, но все несколько путался. Тшщ-дфы смотрел очень нелюбезно, совсем не по-родственному, был бледен, сидел потупившись и слушал, сдвинув брови, как будто пре-

одолевая сильную боль.

– Сердце у вас доброе, Nicolas, и благородное, – включил, между прочим, старичок, – человек вы образованнейший, вращались в кругу высшем, да и здесь доселе держали себя образцом и тем успокоили сердце дорогой нам всем матушки вашей... И вот теперь все опять является в таком загадочном и опасном для всех колорите!.. Скажите, что побуждает вас к таким необузданным поступкам, вне всяких принятых условий и мер? Что могут означать такие выходки, подобно как в бреду?

Nicolas слушал с досадой и с нетерпением. Вдруг как бы что-то хитрое и насмешливое промелькнуло в его взгляде.

– Я вам, пожалуй, скажу, что побуждает, – угрюмо проговорил он и, оглядевшись, наклонился к уху Ивана Осиповича... И вот тут-то и произошло нечто совершенно невозможное, а с другой стороны, и слишком ясное в одном отношении. Старичок вдруг почувствовал, что Nicolas> вместо того чтобы прошептать ему какой-нибудь интересный секрет, вдруг прихватил зубами и довольно крепко стиснул в них верхнюю часть его уха...

– Nicolas, что за шутки! – простонал он машинально, не своим голосом“. Присутствующие не знали, “броситься ли им на помощь, как было условлено, или еще подождать. Nicolas заметил, может быть, это и притиснул ухо побольнее.

– Nicolas! – простонала опять жертва, – ну... пошутил и довольно...

Еще мгновение, и, конечно, бедный умер бы от испуга; но изверг помиловал и выпустил ухо. Весь этот смертный страх продолжался с полную минуту, и со стариком после того приключился какой-то припадок. Но через полчаса Nicolas был арестован и отведен, покамест, на гауптвахту, – где и заперт в особую каморку, с особым часовым у дверей” (Б. 42-43).

В тюрьме он испытывает сильнейший приступ белой горячки, уложившей его на несколько месяцев в постель. После выздоровления к нему возвращается спокойствие, и он приносит извинения всем своим жертвам.

Липутин, правда, дает ему понять, что почитал его не за сумасшедшего, а напротив, “за умнейшего и за рассудительнейшего, а только вид такой подал, будто верю про то, что вы не в рассудке...” Ставрогин, однако, возражает “на-

хмурившись”: “Ба! да неужели вы и в самом деле думаете, что я способен бросаться на людей в полном рассудке? Да для чего же бы это?”

Несомненно, Ставрогин болен, но болезнь эта имеет вполне определенный смысл, а именно – недобрый. Один человек причиняет другому зло, но при этом сохраняет полное спокойствие, граничащее с непричастностью. Он словно стоит рядом и наблюдает за тем, что происходит. Это – холодная злость экспериментатора, проводящего, как выражается Кириллов, “этюд” и наблюдающего, как ведет себя человек, когда его оскорбляют и унижают.

Ставрогин отправляется путешествовать, посещает Европу, Египет, Палестину, участвует в экспедиции в Исландию, одну зиму слушает лекции в немецком университете. Матери он пишет чрезвычайно редко.

Затем он возвращается – к тому моменту, когда разыгрывается описанная выше сцена.

Ставрогин обладает незаурядной физической силой. Об этом неоднократно упоминается в романе. Мы становимся свидетелями этого при его столкновении с каторжником Фейдей. Велика и сила его воли, о чем свидетельствует как приведенная выше сцена с Шатовым, так и дуэль с Гагановым.

Сила эта интенсивна. Здесь присутствуют не просто крепкие мышцы и стальная воля, но и спокойствие, и ощущение своей власти, и даже некая тайна. Не сила ли это страсти, если здесь вообще можно говорить о страсти?

Ставрогин инертен. Он действует “вяло, лениво, даже со скукой” (Б. 165) – эта характеристика повторяется неоднократно. Хищный зверь может казаться малоподвижным, пока обстоятельства не потребуют от него молниеносного движения; тут-то и проявляется его способность предпринимать могучие усилия. Нам знакома инертность солдата в мирное время, сменяющаяся кипучей энергией, стоит только начаться войне, а также юношеская инертность будущего героя или гения. Флегматичность Ставрогина иного рода. В решающем объяснении Шатов назовет его “праздным, шатающимся барчонком”. Молодой Верховенский говорит об его петербургском безделье, породившем много зла. Ему говорят, что он должен зарабатывать себе на хлеб собственным трудом; в разговоре с Тихоном он сам высказы-

ет это намерение, и архиерей усматривает в этом некую надежду.

Ставрогин чувствует, следовательно, что корни его бездеятельности заложены в сокровенных глубинах его существа, – видимо, в том, что он не видит смысла в каком-либо занятии, не видит к нему повода. Эта инертность – праздность денди, скука романтика – принимает у Ставрогина мощные и опасные формы. Ввиду того, что у него – “барчонка” – нет стимула к деятельности по причине отсутствия войны или какой-то другой ситуации, вынуждающей действовать, он и предается безделью.

Это, однако, оказывает скверное влияние на ту его силу, о которой говорилось выше. Лишенная направленности, она становится беспредметной. Она не обретает смысла в действии. Она вырождается, деградирует до уровня примитива, застывает в неподвижности – происходящие время от времени взрывы служат признаком раздражения и отчаяния. Здесь перед нами – беспредметная, отравляющая сама себя, обессилевшая сила.

То же самое проявляется в страшном внутреннем холоде этого человека.

Это – интенсивный, ледяной холод. Существует ведь и холодная страсть, точно так же как бывает, что горит лед. Ни разу мы не наблюдаем у него теплого движения души, ничего такого, что шло бы изнутри, свидетельствовало бы о сердечном жаре. До гибели Лизавету доводит именно та ночь, когда она, отдавая ему себя со всем жаром, наталкивается на его беспредельное равнодушие и осознает всю необратимость его холодности. Тогда весь мир тонет для нее в стыде и ужасе.

Он с ужасающей ясностью отдает себе отчет в своей холодности. Он приходит в отчаяние по поводу своего равнодушия. Но он ничего не может с собой поделать.

Группирующиеся вокруг него люди предполагают, что в нем скрыты таинственные сокровища. Они воспринимают его инертность как задумчивую неподвижность дракона, охраняющего сокровища, как обманчивое, временное затишье, за которым последует нечто невероятное.

И в один прекрасный день что-то похожее действительно прорывается наружу – не знания, не образование, а то, что лежит глубже: нескончаемая тоска по прекрасному.² Он сам

рассказывает об этом в “исповеди”: ему снился “уголок Греческого Архипелага: голубые ласковые волны, острова и скалы, цветущее побережье, волшебная панорама вдали, заходящее зовущее солнце – словами этого не передашь. Здесь был земной рай человечества, боги сходили с небес и рождались с людьми, тут произошли первые сцены мифологии. Тут жили прекрасные люди! Они вставали и засыпали счастливые и невинные; рощи наполнялись их веселыми песнями, великий избыток непочатых сил уходил в любовь и в простодушную радость... Солнце обливало лучами эти острова и море, радуясь на своих прекрасных детей. О, чудный сон, высокое заблуждение! Мечта самая невероятная из всех, какие были, но которой все человечество всю свою жизнь отдавало все свои силы, для которой всем жертвовало... для которой умирали на крестах и убивались его пророки, без которой народы не захотят жить и – не могут даже и умереть. И все это ощущение я как будто прожил в этом сне; повторяю, я не знаю совсем, что мне снилось... но скалы и море и косые лучи заходящего солнца, все это я как будто еще видел, когда проснулся и раскрыл глаза, в первый раз в жизни буквально омоченные слезами... Ощущение счастья, еще мне неизвестного, прошло сквозь все сердце мое даже до боли” (т. 11, с. 21-22). В этом сне прорывается неодолимая тоска по искуплению, по свету, красоте и любви – каковы бы ни были при всем при этом его психологические корни. Впервые Ставрогин плачет, и какими слезами!.. Но именно этот сон символически связан с образом крохотного красного паучка на листе герани, равно как и с образом маленькой Матрешы, служащей вместе с Марией Лебядкиной воплощением всего дурного в жизни Ставрогина.

Все сильнее ощущаешь, что у этого человека внутри пустота.

У него – острый ум, большая физическая сила, железная воля – но сердце его мертво.

Создается впечатление, что жизнь в нем оледенела. Он не в состоянии почувствовать радость или боль, ему доступны лишь их холодные эрзацы: физическое влечение и мука от собственного состояния, о котором он судит до отчаяния трезво. Собственно говоря, он не живет. Ведь именно сердце “делает жизнь живой” – сердце, а не дух и не тело. Лишь

благодаря сердцу дух и тело обретают возможность жить по-человечески. Лишь благодаря сердцу дух становится "душой", а организм – телом, и только тогда возникает человеческая жизнь, с ее блаженством и ее болью, ее трудами и ее борьбой, жалкая – и вместе с тем великая. Но у Ставрогина нет сердца, поэтому дух его холоден и лишен наполнения, а тело отравлено ядом бездеятельности и "звериной" чувственности.

Поэтому для него закрыт путь к другому человеку, а для другого – подступы к нему. Ибо близость создается сердцем, а не чем-то иным. Только сердце пролагает мне путь к другому, а ему – ко мне. Лишь сердце разрешает войти и поселиться. Сокровенное есть сфера действия сердца. Ставрогин же далек от всех и каждого. Он не может приблизиться к другому человеку. Он неизменно останавливается на каком-то расстоянии – перед ним, рядом с ним – и дистанция эта непреодолима, раз уж ее определяет наличие или отсутствие сердечного нутра.

Не дано Ставрогину преодолеть и дистанцию, отделяющую его от него самого. Человек тождественен себе в сердце, но не в духе. Тождество в духе – не его дело. Если же сердце не живет, то человек теряет доступ к себе самому и утрачивает тождество.

Ставрогин не владеет собственным "я"; он не может ни дарить себя другому, ни принимать самоотдачу.

Все орбиты проходят вокруг него, но с ним никто не сближается. Сутью своей он отдален от всех и каждого. К этой двери нельзя приблизиться, нельзя ее открыть, нельзя здесь освоиться. Он существует лишь вовне. Он заперт на замок, но внутри нет ничего, что следовало бы охранять. Он недосыгаем. Он не в состоянии одаривать других собою, кому-то принадлежать. Не может он и принимать дары, давать им пристанище. Он не может владеть тем сокровищем, которое одно только и делает человека богатым – самозабвенной любовью. Ставрогин беден как глыба льда.

К тому же этот человек не знает чувства страха. Об его отсутствии как признаке выпадения из того, что обычно объединяет людей общим чувством потрясения, мы уже говорили выше применительно к Алеше. Этому последнему страх неведом потому, что его святая свя-

тых отрешена от земного и вознесена ввысь. Ставрогин же лишен чувства страха потому, что внутри него все заледенело.

"Николай Всеволодович принадлежал к тем натурам, которые страха не ведают. На дуэли он мог стоять под выстрелом противника хладнокровно, сам целить и убивать до зверства спокойно. Если бы кто ударил его по щеке, то, как мне кажется, он бы и на дуэль не вызвал, а тут же, тотчас же убил бы обидчика".

Сказанное далее подчеркивает эту мысль: "Мне кажется даже, что он никогда и не знал тех ослепляющих порывов гнева, при которых уже нельзя рассуждать. При бесконечной злобе, овладевающей им иногда, он все-таки всегда мог сохранять полную власть над собой, а стало быть, и понимать, что за убийство не на дуэли его непременно сошлют в каторгу" (Б. 164-165).

Ставрогин выступает не только в качестве некоего центра, вокруг которого движется весь мир романа; в каком-то смысле он – символ того, что происходит во вращающихся вокруг него личностях. Различные персонажи романа служат "вариациями на тему" тех качеств, которые просто присутствуют в Ставрогине в обобщенном виде, – или же эти персонажи играют контрастную роль: такой сын есть не что иное, как реакция на такую мать, такой воспитанник – реакция на такого воспитателя. Задачу его интерпретации выполняют в первую очередь три действенных образа: Петр Верховенский с его окружением, Кириллов и Шатов.

Вся внутренняя энергия Ставрогина, направленная на разрушение общности – его скепсис в отношении общественной жизни, тяга к перевороту, заинтересованность в общественном эксперименте – все это заявляет о себе в Верховенском и его людях. И хоть там все это опускается до уровня скудных мыслей и подлых поступков, которые, казалось бы, чужды Ставрогину, нельзя не видеть в их разрушительной деятельности конкретизацию того, что работает в Ставрогине... В знаменательном объяснении со Ставрогиным Шатов бросает ему обвинение в том, что именно он вложил в него, бывшего социалиста, идею о народе-"богоносце". Действительно, Ставрогин – романтик со всеми характерными для него взглядами на бесконечность природы, корни земли и народа, великое единство и магиче-

ское преобразование бытия. Все это живет в нем – и в ярких красках проявляется в Шатове. Разница лишь в том, что для Шатова все это более чем серьезно, в то время как его наставник относится к своей доктрине не более ответственно, чем ко всему остальному... Точно так же живет в Ставрогине и романтический бунт Кириллова, заставляющий вспомнить о Прометее: отрицание возможности предотвратить постепенное исчезновение непосредственно-религиозного чувства христианским путем.

Все это заложено в нем, но не дифференцировано. Каждый же из названных выше персонажей – сюда можно было бы добавить Федьку, и Липутину, и как их там еще – служит носителем того или другого отдельного аспекта и становится благодаря этому неповторимой индивидуальностью. В Ставрогине эти отдельные аспекты слиты воедино, но создается впечатление, что целое лишено при этом определенного лица. Его функция – лепить лица других. Но в то время как эти другие движутся по орбитам своих судеб, сам он – связанный по рукам и ногам своей дремучей инертностью – выступает как самый скверный антипод той высокой простоты, творческая суверенность которой рождает живость движения, а цельность – обилие ценностей и образов.

Это отношение Ставрогина к людям обретает некоторую активность, когда речь идет о том, что нам хотелось бы назвать его экспериментаторством. Сошлемся на слова Кириллова: "Вы... нарочно выбрали самое последнее существо... и вдобавок зная, что это существо умирает к вам от комической любви своей, – и вдруг вы нарочно принимаетесь ее морочить, единственно для того, чтобы посмотреть, что из этого выйдет!" (Б. 150).

Жизнь обходит Ставрогина стороной. Он всегда остается – в каком-то неутешительном смысле – ни при чем. Он ничему себя не посвящает и ни с кем не связывает. Он становится для других судьбой; для него же самого никто не становится ею. Правда, он ужасно страдает от этого, но не ищет единственно возможного решения. Люди подпадают под его власть; он же, побуждаемый демонической силой, жаждет лишь оказать влияние, заронить идею, вызвать цепную реакцию. Ставрогинские эксперименты не диктуются желанием выяснить, как устроен какой-то человек или че-

ловек вообще; он не руководствуется интеллектуальными мотивами; да, собственно говоря, сам он отнюдь не любознателен в собственном смысле слова. Его побуждает к этому самый настоящий инстинкт: похотливое желание вмешиваться в течение жизни, чтобы распоряжаться, мучить, разрушать. Он знает, что поступает плохо, но ничего не может с собой поделать. Но инстинкт этот сам по себе холоден, поэтому создается впечатление, что это – всего лишь любопытство.

Так он относится к Марии Лебядкиной, и так же – к маленькой Матреше (в этом последнем случае присутствует еще и другое – мы будем говорить об этом чуть ниже). Особенно ярко проявляется эта позиция по отношению к тем трем личностям, о которых уже упоминалось.

Очевидно, он дал Верховенскому повод считать его членом их организации. Все происходящее наводит на мысль, что не кто иной, как он, разработал для Верховенского технику революционной акции. Именно он продумал ее психологические, тактические, организационные моменты, чтобы понаблюдать ее в действии...

Менее явственна та трагическая роль, которую он играет в судьбе Кириллова, но о ней можно судить по словам Шатова: "Вы утверждали в нем ложь и клевету и довели разум его до иступления... Подите взгляните на него теперь, это ваше создание..." (Б. 197).

Влияние Верховенского на Шатова не подлежит ни малейшему сомнению. Шатов потому и взволнован так сильно, что именно Ставрогин внушил ему те идеи, в которых романтический панславизм достигает апогея: "Это ваша фраза целиком, а не моя. Ваша собственная, а не одно только заключение нашего разговора. 'Нашего' разговора совсем и не было: был учитель, вещавший огромные слова, и был ученик, воскресший из мертвых. Я тот ученик, а вы учитель". Ставрогин, однако, и не помышляет о том, чтобы хранить верность своим прежним идеям. Из письма, которое Шатов написал ему из Америки в то время, когда "семя осталось и возросло", Ставрогин "прочел... три страницы, две первые и последнюю, и, кроме того, бегло переглядел средину". Он так реагирует на упреки Шатова, что создается впечатление, будто бы он уже забыл все это, будто эти идеи ему совершенно чужды.

Однако он не всегда сохраняет безучастность экспериментатора: "Не шутил же я с вами и тогда; убеждая вас, я, может, еще больше хлопотал о себе, чем о вас, – загадочно произнес Ставрогин". Он хотел бы уверовать, но так как сам он к этому просто-напросто не способен, то он пытается внушить веру другому – в надежде убедить таким образом самого себя. Но что здесь именуется "верой"! Нехватка истины, стремящаяся спрятаться за насильственную абсолютность. То, что здесь проповедуется, должно выкрикиваться, ибо оно слишком слабо, чтобы просто произноситься; если бы требовалась тихая речь, то голос отказал бы. Это – тот скепсис романтического отчаяния, который нашел себе выражение в дурном высказывании Ставрогина, процитированном Шатовым: "Не вы ли говорили мне, что если бы математики доказали вам, что истина вне Христа, то вы бы согласились лучше остаться со Христом, нежели с истиной?" (Б. 324-325).

Какое невыносимое бессилие!.. Но пусть бы уж он по крайней мере оставался верен себе. Пусть бы принял раз навсегда определенное решение и нес бы потом свою ношу. Но в ответ на его "загадочные" слова Шатов возражает ему: "Не шутили! В Америке я лежал три месяца на соломе, рядом с одним... несчастным, и узнал от него, что в то же самое время, когда вы насаждали в моем сердце Бога и родину... вы отравили сердце этого несчастного, этого маньяка, Кириллова, ядом..." (Б. 197).

О том, какими скрытыми соображениями диктуется эксперимент, свидетельствует вопрос Ставрогина, сформулированный вначале в якобы шутильной форме, а затем, после протеста Шатова, "другими словами":

"- Извольте, другими, – сурово посмотрел на него Николай Всеволодович, – я хотел лишь узнать: веруете ли вы сами в Бога или нет?

– Я верую в Россию, я верую в ее православие... Я верую в тело Христово... Я верую, что новое пришествие совершится в России... Я верую... – залепетал в иступлении Шатов.

– А в Бога? В Бога?

– Я... я буду веровать в Бога.

Ни один мускул не двинулся в лице Ставрогина. Шатов пламенно, с вызовом смотрел на него, точно сжечь хотел его своим взглядом.

– Я ведь не сказал же вам, что я не верую вовсе! – вскричал он наконец, – я только лишь

знать даю, что я несчастная, скучная книга и более ничего покамест, покамест... Но погибай мое имя! Дело в вас, а не во мне... Я человек без таланта и могу только отдать свою кровь и ничего больше, как всякий человек без таланта. Погибай же и моя кровь! Я об вас говорю, я вас два года здесь ожидал... Я для вас теперь полчаса пляшу нагишом. Вы, вы одни могли бы поднять это знамя!.." (Б. 200-201).

Ставрогин видит, что эксперимент не удался. Шатов не верует. Его устами говорит бесильно-фанатичная идеология. Правда, вскоре после этого он обретет веру – когда к нему вернется его жена, брошенная Ставрогиным и носящая под сердцем его ребенка. Именно тогда сердце его смягчится чудом рождения. И тогда – за минуту до конца – в нем вдруг возникнет истинная вера.

Во время тех странных провокаций, о которых говорилось выше, Ставрогин занимает еще более агрессивную позицию, вызывающую еще больше тревоги. То, что он без всякого повода ухватил за нос безобидного Гаганова, отреагировав таким образом всего-навсего на его любимое присловье, или то, что он кусает за ухо губернатора, – все это несомненно патологического происхождения; недаром сразу же вслед за этим он заболевает белой горячкой. Однако здесь присутствует и некий смысл. Это чувствует Липутин, когда утверждает, что Ставрогин был в полном расудке. Да этот последний и сам воспринимает свое "помешательство" неоднозначно. То он рассчитывает, что его сочтут сумасшедшим, то утверждает – в беседе с архиереем Тихоном, – что его репутация помешанного очень ему вредит; следовательно, он чувствует, что ему надлежало бы оставаться на этических позициях, в то время как предположительная патология его состояния снимает с него всякую ответственность и отдает его во власть импульса.

Здесь "эксперимент" становится социологически опасным. В человеке заявляет о себе зверь, укрощаемый только порядком, – то асоциальное начало, которое восстает против порядка.

В присутствии Ставрогина ощущаешь его явную силу – "беспредельную", по словам Шатова. Именно это он имеет в виду, когда говорит, что только Ставрогин мог бы "поднять это знамя", и именно это побуждает Верховенского

предназначить Ставрогина для роли тайного царевича, мессии своей сумбурной эсхатологии. Но одновременно с этим в Ставрогине присутствует и нечто безнадежно омертвевшее.

Он существует, но не познает существования. Он мыслит, но не "выполняет" своих мыслей. На его горизонте появляются люди, и он оказывает на них определенное влияние, но отношения с ними его не затрагивают. В его жизни происходят какие-то события, но они не усваиваются и не перерабатываются его нултром. Ставрогин лишен способности жить.

Эта внутренняя безжизненность располагается так глубоко, что здесь бессильно даже ощущение опасности. Описывая сцену, когда Шатов наносит удар Ставрогину, рассказчик вспоминает декабриста Л-на, всю жизнь нарочно искавшего опасности и упивавшегося ощущением ее. Далее читаем: "Но все-таки с тех пор прошло много лет, и нервная, измученная и раздвоившаяся природа людей нашего времени даже и вовсе не допускает теперь потребности тех непосредственных и цельных ощущений, которых так искали тогда иные, беспоконные в своей деятельности, господа доброго старого времени. Николай Всеволодович, может быть, отнесся бы к Л-ну свысока, даже назвал бы его вечно храбрым трусом, петушком, – правда, не стал бы высказываться вслух. Он бы и на дуэли застрелил противника, и на медведя сходил бы, если бы только надо было, и от разбойника отбил бы в лесу – так же успешно и так же бесстрашно, как и Л-н, но зато уж безо всякого ощущения наслаждения, а единственно по неприятной необходимости, вяло, лениво, даже со скукой" (Б. 165).

Так дело доходит до самого ужасного из всех способов самостимулирования: он делает позорные, подлые вещи, зная, что они подлы и позорны. Ощущение позора, испытываемого внешне и внутренне, возбуждает его – и даже, в чем автор не оставляет никаких сомнений, вплоть до похоти.

Однажды, как он сам рассказывает в своей "Исповеди", он крадет у мелкого чиновника его месячное жалованье, чтобы избавиться от безумных идей – или просто для забавы. Он замечает, что тот подозревает его, но ему нравится постоянно встречаться с ним и обмениваться

взглядами. Потом ему это наскучило.

В том же контексте он излагает и позорную историю с маленькой Матрешей: как он внешне спокойно, но в состоянии страшного внутреннего возбуждения подстраивает дело так, что на ребенка падает подозрение в краже, чтобы стать свидетелем жестокого наказания его матерью; как он затем ужасающе рафинированным образом, не делая ничего особенного, одними только взглядами, поведением и маленькими проявлениями ласки приводит ребенка в возбуждение, воспаляющее все его существо; как он заставляет ребенка испытывать чувство полной самоотдачи, а потом – беспомощное отчаяние отверженности, которое побуждает его повеситься. Невыносимо читать, как маленькая девочка – беспомощный ребенок – переживает все то бесчестие, которое может быть уготовано женской долей, и как уничтожается в этом ребенке не только достоинство, но и чувство святого, – недаром Матреша упрекает себя в том, что "Бога убила".

И, наконец, женитьба на хромоножке Марии Лебядкиной, которая "там в углах помогала" и голова которой "уже и тогда была не в порядке, но тогда все-таки не так, как теперь", – на Лебядкиной, тайно и бессмысленно влюбленной в Ставрогина.

Каждый раз он мучит беспомощное существо; следовательно, если называть вещи своими именами, то ему свойственен садизм. Его отличает, однако, омерзительная психологическая рафинированность – то, что в "Записках из подполья" Достоевский называет паучьим, с той только разницей, что там оно представлено в гораздо больших масштабах, чем здесь. К этому присовокупляется четкое осознание Ставрогиным постыдности совершаемого. Сам он говорит об этом следующее:

"Часто разные скверные чувства овладевали мною даже до безрассудства или лучше сказать до чрезвычайного упрямства, но никогда до забвения себя. Доходя во мне до совершенного огня, я в то же время мог совершенно одолеть его, даже остановить в верхней точке, только редко хотел останавливать. При этом объявляю, что ни средою, ни болезнями безответственности в преступлениях моих искать не хочу" (Ф.М.Достоевский. У Тихона, I-LLA, 1964, с. 48).

В рассказе о Матреше несколько раз встре-

чается упоминание о том, что его сердце сильно билось; применительно же к Марии Лебядкиной говорится, что мысль о женитьбе такого человека, как Ставрогин, на таком жалком создании заставляла вибрировать его нервы, ибо ничего более ужасного нельзя было придумать. Здесь содержится объяснение тому, какая борьба происходила в нем после удара Шатова: смакование стыда, высшая степень угара – и полное владение собой, “врожденная звериная чувственность” – и строгость полного воздержания, бессмысленный инстинкт наслаждения – и властная способность никогда не терять самообладания... Рассказчик дает этому этическую оценку, подчеркивая, что злоба в Ставрогине “была холодная, спокойная и, если можно так выразиться, разумная, стало быть, самая отвратительная и самая страшная, какая может быть”.

Что сообщает страсти смысл? Что оправдывает самоотдачу духовной личности во власть инстинкту? Биологическая функция сохранения рода, равно как и социологическая функция, сами по себе недостаточны. Жизненное оправдание этому исходит только от сердца. Именно и только сердце придает смысл сочетанию в человеке духовного с физическим, разума с инстинктом. Одно только сердце в состоянии осуществить это – своей любовью. Если сердца не оказывается, то побеждает низменное и разрушительное. Если же дух в конкретном случае к тому же еще и развит, и изощрен, если он насильственен и беспомощен одновременно – тогда-то и возникает представленный здесь позорный вариант. Вспомним Шатова:

“Правда ли, будто вы уверяли, что не знаете различия в красоте между какою-нибудь сладострастно, зверскою штукой и каким угодно подвигом, хотя бы даже жертвой жизнью для человечества? Правда ли, что вы в обоих полюсах нашли совпадение красоты, одинаковость наслаждения?”

– Так отвечать невозможно... я не хочу отвечать, – пробормотал Ставрогин, который очень бы мог встать и уйти, но не вставал и не уходил.

– Я тоже не знаю, почему зло скверно, а добро прекрасно, но я знаю, почему ощущение этого различия стирается и теряется у таких господ, как Ставрогины, – не отставал весь дрожавший Шатов, – знаете ли, почему вы тогда

женились, так позорно и подло? Именно потому, что тут позор и бессмыслица доходили до гениальности! О, вы не бродите с краю, а смело летите вниз головой. Вы женились по страсти к мучительству, по страсти к угрызениям совести, по сладострастию нравственному. Тут был нервный надрыв... Вызов здравому смыслу был уж слишком прельстителен! Ставрогин и плюгавая, скудоумная, нищая хромоножка! Когда вы прикусили ухо губернатору, чувствовали вы сладострастие? Чувствовали? Праздный, шатающийся барчонок, чувствовали?” (Б. 201-202).

Все это зло достигает апогея, когда наружу выходит сатанинское как таковое – в неоднократно упоминающихся Достоевским болезненных видениях Ставрогина:

“И вдруг он, впрочем в самых кратких и отрывистых словах, так что иное трудно было и понять, рассказал, что он подвержен, особенно по ночам, некоторого рода галлюцинациям, что он видит иногда или чувствует подле себя какое-то злобное существо, насмешливое и “разумное”, “в разных лицах и разных характерах, но оно одно и то же, а я всегда злюсь...”³

Дикие и сбивчивые были эти открытия и действительно как бы шли от помешанного. Но при этом Николай Всеволодович говорил с такою странною откровенностью, невиданною в нем никогда, с таким простодушием, совершенно ему не свойственным, что, казалось, в нем вдруг и нечаянно исчез прежний человек совершенно. Он нисколько не постыдился обнаружить тот страх, с которым говорил о своем привидении. Но все это было мгновенно и так же вдруг исчезло, как и явилось.

– Все это вздор, – быстро и с неловкой досадой проговорил он спохватившись. – Я схожу к доктору.

– ...И давно вы сему подвержены?

– Около году, но все это вздор. Я схожу к доктору. И все это вздор, вздор ужасный. Это я сам в разных видах, и больше ничего. Так как я прибавил сейчас эту... фразу, то вы наверно думаете, что я все еще сомневаюсь и не уверен, что это я, а не в самом деле бес?

Тихон посмотрел вопросительно.

– И... вы видите его действительно? – спросил он, то есть устраняя всякое сомнение в том, что это несомненно фальшивая и болезненная галлюцинация, – видите ли вы в самом

деле какой-нибудь образ?

– Странно, что вы об этом настаиваете, тогда как я уже сказал вам, что вижу, – стал опять раздражаться с каждым словом Ставрогин, – разумеется, вижу, вижу так, как вас... а иногда вижу и не уверен, что вижу, хоть вижу... а иногда не знаю, что правда: я или он... вздор все это. А вы разве никак не можете предположить, что это в самом деле бес! – прибавил он, засмеявшись и слишком резко переходя в насмешливый тон, – ведь это было бы сообразнее с вашей профессией?

– Вероятно, что болезнь, хотя...

– Хотя что?

– Бесы существуют несомненно, но понимание о них может быть весьма различное.

– Вы оттого опять опустили сейчас глаза, – подхватил Ставрогин с раздражительной насмешкой, – что вам стало стыдно за меня, что я в беса-то верую, но под видом того, что не верую, хитро задаю вам вопрос: есть ли он или нет в самом деле?

Тихон неопределенно улыбнулся.

– Ну, так знайте, что я вовсе не стыжусь, и чтоб удовлетворить вас за грубость, я вам серьезно и нагло скажу: я верую в беса, верую канонически, в личного, не в аллегория, и мне ничего не нужно ни от кого выпытывать, вот вам и все" ("У Тихона", с. 36-38). А затем следует вопрос: "А можно ль веровать в беса, не веруя в Бога?"

Но нам нет нужды останавливаться на всем этом более подробно, так как это – всего лишь подступы к галлюцинациям Ивана Карамазова, о которых уже шла речь в 5-ой главе.

При анализе образа Кириллова говорилось о взаимосвязи таких понятий как конечность, ничто и страх. Мы сочли правильным усматривать решающий момент исторического развития Нового времени в том, что конечность, отколовшаяся от бытия, выступает как таковая. Христианство же должно решить для себя вопрос, следует ли ему понимать конечность как свою новую задачу пред Богом. Некогда конечное соотносилось с Богом наивным и естественным образом. Перед Новым временем – точнее, перед тем, что следует теперь за "Новым временем", – поставлена, как представляется, задача: либо включить конечное – в полном сознании собственной зрелости и ответственности – в свое отношение к Богу, либо

вырвать его из этого контекста, объявив автономным. Тогда конечное предстает в голом виде; вокруг него "ничтожит" Ничто. Бытие рушится, подпадая под власть страха... Мне кажется, что из феномена существования Ставрогина проступает наружу нечто подобное. Но только конечность относится здесь не к живому бытию, а к живому акту: в качестве конечного познается сам акт жизни, причем познается в направлении вовнутрь, во всей своей интенсивности и сокровенности. Граница конечности определяется здесь мерой жизненности жизни, тем, насколько она проникается собой, насколько подчиняет себе в ходе самоосуществления свои объекты. Граница ощущается здесь уже в самой жизненности жизни. Человек видит свою зависимость от интенсивности собственной жизни, и постепенно он понимает, что эта интенсивность ограничена как в объектном (власть над действительностью), так и в экзистенциальном отношении (единство акта и субъекта, акта и его содержания, субъекта и объекта, самоосуществление субъекта и присвоение объекта, само – бытие и мера владения объектом). Там он ощущает себя вместе с бытием висящим над пропастью, именуемой "Ничто"; здесь сила поднимает его над бессилием, деятельность – над бессмысленностью, активность – над скукой, жизнь – над смертью... Здесь тоже присутствует Ничто, но оно находится внутри самой жизни. Это Ничто также "ничтожит". Изнутри поднимается, как говорит Паскаль, скука, пресыщенность, отвращение, сухость, сознание бессмысленности бытия, яд. Не окружающее, а лежащее внутри Ничто порождает страх.

Здесь заявляет о себе и феномен пустоты. Не знаю, существовала ли она всегда, представляет ли она собой обыкновенный продукт распада, признак разлагающейся культуры – или же она свойственна только Новому времени? Во всяком случае, это последнее склонно ощущать ее особым образом.

В Ставrogине ее масштабы ужасают. Все существование этого человека есть пустота. Не потому, что у него нет собственности или что в его жизни ничего не происходит; сама его манера жить предполагает пустоту, зияющую в сердце.

Заложены ли в конституции такого рода возможности добра? Этот вопрос задается здесь

не из педантизма, а в целях более полного раскрытия характера. Может ли такой человек оказаться в сфере позитивного – этот вопрос равнозначен вопросу, сокрыт ли в его структуре какой-то позитивный смысл, можно ли извлечь из нее некий урок для совокупного человеческого бытия?

В первую очередь наше внимание привлекает то, что, как представляется, Ставрогин не лжец. Когда Шатов припирает его к стене, он не пытается выкрутиться, а открыто признается в своих грехах – правда, о себе он говорит с задумчивой безучастностью, т.е. не оценивая, а наблюдая и внутренне выводя себя таким образом за скобки. В "Исповеди" он будто бы насилует свою волю, чтобы ничего не опустить, – правда, именно эта насильственность и подозрительна. Кроме того, напрашивается вопрос, в какой мере это признание продиктовано вскрытыми выше тенденциями.

Тем не менее, Ставрогина окружает сплошной обман. В фантазиях бедной Марии Лебядкиной это ощущается особенно ярко, но обмануты все. Он повинен в этом постольку, поскольку это допускает, – но также и участвует в этом своим молчанием или подыгрыванием. Помимо этого, он – обманщик от природы. Ведь интуитивно он никогда ни в чем не участвует; но так как он обладает большой силой внушения и чрезвычайно развитым психологическим чутьем, то это снова и снова побуждает другого человека к серьезным реакциям и действиям. Так формируется его судьба, и то же он предполагает у Ставрогина. Последний, однако, остается в глубине своего существа недостижимым. Так из каждой встречи рождается обман. Ставрогин – "актер" по сути своей, но разве не мог бы он возразить, что нельзя отказывать ему – такому, каков он есть, – в праве на существование? Разве не мог бы он спросить, в чем его вина, если люди принимают его не за того, кто он на самом деле? И задаться вопросом, не свидетельствует ли ситуация, когда человек становится жертвой обмана, о его тайном желании быть обманутым, его внутренней неустойчивости и страсти к саморазрушению?

Нельзя сказать, что Ставрогин не испытывает побуждения выбраться из этой чащи. Когда в начале романа, при описании безответственного воспитания мальчика сентиментальным Степаном Верховенским, говорится об идеали-

стической настроенности ребенка, то в этом при всех условиях есть доля правды. Его разговоры с Шатовым или Кирилловым диктуются не только разрушительными инстинктами или желанием убить время, но и поисками света. К мягкой, милой Даше Шатовой его влечет стремление найти, наконец, какой-то выход из тупика. (Может быть, в этом контексте следовало бы напомнить и о его своеобразном отношении к Апокалипсису.)

Придя к Тихону, он восстает против "психологии", против того, чтобы его анализировали, видели насквозь; он иронизирует и каждую минуту готов впасть в цинизм. Однако он ищет человека более сильного, чем он сам, способного "сдвинуть гору" – ведь именно таков, при всем цинизме, смысл вопроса, умеет ли это делать Тихон, достаточно ли сильна его вера, чтобы предотвратить грозящую Ставрогину гибель и помочь ему преодолеть себя.

Правда, это стремление выступает рука об руку с бунтом:

– В Бога веруете? – брякнул вдруг Николай Всеволодович.

– Верую.

– Ведь сказано, если веруешь и прикажешь горе сдвинуться, то она сдвинется... Впрочем, извините меня за вздор. Однако я все-таки хочу полюбопытствовать: сдвинете вы гору или нет?" (М Т., с. 39).

И вдруг следует:

– Довольно, оборвал Ставрогин. – Знаете, я вас очень люблю.

– И я вас, – отозвался вполголоса Тихон.

Ставрогин замолк и вдруг впал опять в давешнюю задумчивость. Это происходило точно припадками, уже в третий раз. Да и Тихону сказал он "люблю" тоже чуть не в припадке, по крайней мере неожиданно для себя самого.

Становится страшно, когда читаешь, с какой готовностью раскрывается он перед архиепископом. Даже этот последний пугается:

– Не сердись, – прошептал Тихон, чуть-чуть дотронувшись пальцем до его локтя и как бы сам робей.

Тот вздрогнул и гневно нахмурил брови.

– Почему вы узнали, что я хотел рассердиться? – быстро произнес он" (М Т., с. 41-42).

Этого человека снедает мучительнейшее раскаяние. Оно концентрируется вокруг образа маленькой Матрешки. Снова и снова перед ним

возникает видение ребенка, доведенного им до последней степени отчаяния:

“Мне решительно доставляло удовольствие не заговаривать с Матрешей, а томить ее, не знаю почему. Я ждал целый час, и вдруг она вскочила сама из-за ширм. Я слышал, как стукнули ее обе ноги о пол, когда она вскочила, потом довольно скорые шаги, и она стала на пороге в мою комнату. Я так был низок, что был доволен, что она вышла первая. ...В эти дни, в которые я с того времени ни разу не видел ее ближе, действительно похудела очень. Лицо ее высохло, и голова наверно была горяча. Глаза стали большие и глядели на меня неподвижно, с тупым любопытством, как мне показалось сначала. Я сидел, смотрел и не трогался. И тут вдруг опять почувствовал ненависть. Но очень скоро заметил, что Матреша совсем меня не пугается, а, может быть, скорее в бреду. Но и в бреду не была. Она вдруг часто закивала на меня головой, как кивают, когда очень укоряют наивные и не имеющие манер, и вдруг подняла на меня свой маленький кулачок и начала грозить с места. Первое мгновение мне это движение показалось смешным, но дальше не мог вынести, и я вдруг встал и подвинулся в страхе. На ее лице было такое отчаяние, которое невозможно было видеть в таком маленьком существе. Она все махала на меня своим кулачком с угрозой и все кивала укоряя. Я осторожно заговорил почти шепотом и ласково от трусости, но тотчас увидел, что она не поймет” (М Т., с. 55-56).

Ребенок выходит из комнаты, поднимается на чердак; он же, зная, что происходит, ждет до тех пор, пока “это” не совершается, причем сердце его “билося сильно”; потом он идет наверх и видит, что ребенок повесился.

Эта картина посещает его вновь и вновь. “Я увидел пред собой (о, не наяву!.. Если бы, если бы это было настоящее видение!), я увидел Матрешу, исхудавшую и с лихорадочными глазами, точь-в-точь как тогда, когда она стояла у меня на пороге и, кивая мне головой, подняла на меня свой крошечный кулачок. Никогда ничего не являлось мне столь мучительным! Жалкое отчаяние беспомощного существа с несложившимся рассудком, мне грозившего (чем? что могло оно мне сделать, о Боже!), но обвинявшего, конечно, одну себя! Никогда еще ничего подобного со мной не было. Я просидел

до ночи, не двигаясь и забыв время... Это ли называется угрызением совести или раскаянием? Не знаю и не мог бы сказать до сих пор. Но мне невыносим только один этот образ и именно на пороге, именно в то мгновение, а не раньше и не после, с своим поднятым и грозящим мне маленьким кулачком, один только этот ее тогдашний вид, только одна тогдашняя минута, только это кивание головой... Вот чего именно я не могу с тех пор выносить... с тех пор представляется мне почти каждый день. Не само оно представляется, а я его сам вызываю, но не могу не вызвать, хотя и не могу с ним жить. О, если б я когда-нибудь увидал ее наяву, хотя бы в галлюцинации.

Почему ни одно из воспоминаний моей жизни не возбуждает во мне ничего подобного? А было ведь много воспоминаний, может быть, еще гораздо худших перед судом людей. Одну разве ненависть, да и то вызванную теперешним положением, возбуждают они во мне, а прежде я хладнокровно забывал и отстранял их в массе и был покоен искусственно.

Я скитался после того почти весь этот год и старался заняться. Я знаю, что я мог бы устранить и теперь Матрешу, когда захочу. Я совершенно владею моей волей по-прежнему. Но в том все и дело, что никогда не хотел того сделать, сам не захочу и не буду хотеть. Так и продолжится вплоть до моего сумасшествия” (М Т., с. 64-66).

Что это – раскаяние или саморазрушение? Или, быть может, стремление поддержать в себе будоражащий стыд?

Он приходит к Тихону, чтобы рассказать о покаянии, которое он намерен на себя возложить широкой публикацией “Исповеди”. Но Тихон не верит ему:

“Мысль ваша – высокая мысль, и полнее не может выразиться христианская мысль. Дальше подобного удивительного подвига, казни над самим собой, который вы замыслили, идти покаяние не может, если бы только...

– Если?

– Если б это действительно было покаяние и действительно христианская мысль.

– Тонкости, – пробормотал Ставрогин...

– Вы как будто нарочно грубее хотели представить себя, чем бы желало сердце ваше, – высказывался все более и более Тихон. – ...Документ этот идет прямо из потребности сердца,

смертельно уязвленного, – так ли я понимаю? – произнес он с настойчивостью и почти с жаром. – Да, это есть покаяние и натуральная потребность его, вас поборовшая... Вы попали на великий путь, путь из несслыханных... Но вы как бы уже ненавидите и презираете вперед всех тех, которые прочтут здесь описанное, и зовете их в бой... Не постыдившись признаться в преступлении, зачем постыдились вы покаяния?

– Я? Стыжусь?

– Стыдитесь и боитесь.

– Боюсь?..

– Пусть глядят на меня, говорят вы; ну, а вы сами как будете глядеть на них?.. Иные места в вашем изложении усилены слогом; вы как бы любуетесь психологией вашею и хватаетесь за каждую мелочь, чтобы только удивить читателя бесчувственностью и бесстыдством, которых у вас может и нет... Вы в документе сем как бы сами не видите, в чем собственно главное преступление ваше и чего больше стыдиться вам перед людьми, к которым сами хотите на суд... Меня ужаснула великая праздная сила, ушедшая нарочито в мерзость" (М Т., с. 69-73).

Тихон не верит в его раскаяние. Признание Ставрогина проникнуто самолюбованием "аморалиста", противопоставляющего себя "мещанину". В то же время в нем содержится явный вызов слушателю, ибо оно исполнено страха и невыносимого унижения. Признание, диктуемое искренним раскаянием, предполагает, что тот, кому оно адресовано и кто в конечном итоге выступает как представитель Бога, приемлется в качестве слушателя и судьи, перед которым можно и смирить себя. Здесь этого не происходит; так самоунижение трансформируется в ненависть, а она не допускает раскаяния. Это признание продиктовано таким раскаянием, которое насквозь пронизано гордостью, раскаянием, упорно не расстающимся с самоутверждением. Ужасающе напряженное, предельно насильственное, такое раскаяние все же не способно к решающему, хоть и едва уловимому движению внутреннего самораскрытия и саморасслабления. В конечном счете оно фальшиво: "Даже в самом намерении великого покаяния сего заключается уже нечто смешное... О, не верьте тому, что не победите! – воскликнул он вдруг спохватившись, но почти в восторге" (М Т., с. 79). Есть престу-

пления "поистине стыдные, позорные, мимо всякого оправдания ужасом".

Здесь нет того, что только и способно впечатлять, – образности. Пользуясь терминологией Кьеркегора, можно сказать, что на первый план тут выступает "дух преступления" в чистом виде – но раскаяние такого рода не может объять его: "Не приготовлены, не закалены...".

Ставрогин замечает, что этот человек действительно прикасается к самому сокровенному: "Слушайте меня: я хочу простить сам себе, и вот моя главная цель, вся моя цель! – сказал вдруг Ставрогин с мрачным восторгом в глазах. ...Я знаю, что только тогда исчезнет видение. Вот почему я и ищу страдания безмерного, сам ищу... Не пугайте же меня, не то погибну в злобе" (М Т., с. 80).

Тихон, в свою очередь, чувствует, что потрясенный Ставрогин достиг поворотного пункта. Он ставит на карту все: "Если веруете, что можете простить сами себе, если ваш внутренний судья с его беспристрастным даром наблюдения и оценки подтвердит, то вы действительно раскаиваетесь, не выдвигая при этом никаких побочных и подспудных соображений для самооправдания, что всей своей волей вы отмежевываетесь от содеянного и токмо сего прощения и ищете достигнуть страданием своим, то вы уже во все веруете! Как же сказали вы, что в Бога не веруете?" (т. 11, с. 28).

Ставрогин молчит. Тогда Тихон продолжает: "Вам за неверие Бог простит, ибо по истине Духа Святого чтите, не зная Его" (т. 11, с. 28). "Святой Дух" – это внутренняя чистота, готовность открыть себя для истины. Но вот на весах уже перевешивает темная чаша, сердце закрывается.

"Мне нет прощения, – мрачно сказал Ставрогин. – В вашей книге сказано, что выше преступления нет, если оскорбить "единого из малых сих", и быть не может. Вот в этой книге". Он указал на Евангелие.

"Я вам радостную вещь за сие скажу, – с умилением проговорил Тихон, – и Христос простит, если только достигнете того, что простите сами себе"...

"Как болезненно вы это все принимаете и какую даете цену... Впрочем поверьте, что я сумею оценить", – вежливо, но как бы брезгливо проговорил Николай Всеволодович. Эта брез-

гливость хуже всякого ярого бунта.

“Я замечаю, вам очень хочется поставить мне ловушку... Вам хотелось бы, чтобы я остепенился просто... пожалуй женился бы и кончил жизнь членом здешнего клуба, посещая по воскресеньям ваш монастырь; не правда ли? А впрочем, вы, как сердцевидец и циник, может, и предчувствуете, что это несомненно так будет, и все дело за тем, чтобы меня теперь хорошенько поупросить для приличия, так как я сам только того и жажду, чтобы быть упрощенным, не правда ли?” Он изломанно усмехнулся”. (Т. 11, с. 29).

Еще раз Тихон предпринимает все возможное, чтобы сдвинуть его с места. Он советует Ставрогину отправиться к отшельнику “такой христианской мудрости, что нам с вами и не понять того”.

Служение ему в раскаянии и жертвенности должно очистить душу Ставрогина. Сначала тот слушает “серьезно”, но вдруг происходит следующее:

“– Оставьте, отец Тихон, – брезгливо прервал Ставрогин и поднялся со стула...

– Что с вами? – вскричал он вдруг, почти в испуге всматриваясь в Тихона. Тот стоял перед ним, сложив перед собою вперед ладонями руки, и болезненная судорога, казалось, как бы от величайшего испуга, прошла мгновенно по лицу его.

– Что с вами? что с вами? – повторял Ставрогин, бросаясь к нему, чтобы его поддержать. Ему показалось, что он упадет”.

Внутренним зрением архиерей видит, как в Ставрогине вновь нагнетается то страшное, начинается пульсировать тот ритм, который предвещает новое торжество бесстыдного над муками совести.

“– Успокойтесь, – упрямил решительно встревоженный за него Ставрогин, – я может быть еще отложу (публикацию “Исповеди” – Р.Г.)... вы правы... я не обнародую листки... успокойтесь.

– Нет, не после обнародования, а еще до обнародования, за день, за час может быть до великого шага ты бросишься в новое преступление, как в исход, и совершишь его единственно, чтобы только избежать сего обнародования листков, на котором теперь настаиваешь”. – Это ли не ужасающее подтверждение того, что пресловутое “раскаяние” не

было искренним, не было личным в полном смысле слова, не было подлинно христианским, а проистекало из прежнего настроя, из “интересного”, “романтического”, служа одновременно источником и самоистязания, и самоупоения.

Ставрогин видит, что острый взгляд архиерея подмечает нечто такое, что, может быть, еще не дошло до его собственного сознания; он “задрожал” от ярости и чуть ли не от страха.

“– Проклятый психолог! – оборвал он вдруг в бешенстве и не оглядываясь вышел из кельи” (М Т., с. 85).

В планы Петра Верховенского тем временем уже включено убийство Марии Лебядкиной. При встрече на мосту с преступником, намеченным для этой цели, Ставрогин дает ему денег, – вернее, не дает, а бросает в воздух, так что бумажки падают в грязь. Это – не то чтобы четкое поручение, а скорее попустительство, знак одобрения, в котором можно признаться, но от которого можно и отречься, который то ли был, то ли нет, эфемерный знак, воспринимаемый Фельдкой, однако, вполне однозначно – как призыв к действию.

Но если Ставрогин действительно таков – поставленный нами вопрос потерялся в джунглях “да” и “нет”, и нам приходится поставить его снова – если этот человек таков, то значит ли это, что природа отступилась от него? Означают ли такой холод, такая безжизненность, такая пустота, что гибель его предопределена?

Если речь здесь идет, как мы полагаем, о “структуре” – человека ли, ситуации ли – то в ней заложен определенный смысл и ею предначертан некий путь к спасению.

Функция “пустоты” состоит в том, чтобы испытать на себе конечность бытия. Ей предназначено познать все то бессилие, всю ничтожность и бессмысленность, которые в нем заключены. Она призвана, утратив все и всяческие иллюзии, разглядеть бытие в его неприкрашенном виде – и не отшатнуться.

Ее задача – не воспринимать как благо полноту жизни сердца, не ощущать прилива жизненных сил, не отдавать себя на волю естественного ритма происходящего. Ни одно из явлений этого порядка не помогает ей обрести верность и веру.

Она не владеет непосредственно другим человеком, а должна снова и снова посещать

его, оставаясь ему верной. Бог не дан ей непосредственно. Ее окружают лишь вещи и пустое пространство. Поэтому она может находить опору только в вере как таковой: принимать провозглашенное слово и – каждый раз заново – хранить ему верность. Она должна продержаться благодаря – как бы это выразить? – необычайно тонкому чувственному восприятию? едва ли оправданной надежде? чему-то, обитающему в пустоте? И тем не менее – она должна собрать все силы, терпеть и служить, год за годом. Тогда возникнет истина, добросердечие, простота – скупое, сдержанное, но в кристальной чистоте. И нельзя не расслышать предвозвестия, что в пустоте постепенно образуется некая субстанция, что появляется нечто действительное, нечто смыслообразующее, но бесконечно далекое от витализма, психологии и тому подобного.

Но если этого не происходит, тогда пустота превращается в ничто. Тогда начинается распад. Тогда приходит бессильная агрессивность, “скрежет зубовой”, страшное осознание бессмысленности всего на свете.

Если же речь идет к тому же о сильном человеке, то он замыкается. Его психологические познания столь обширны, опыт во всевозможных аспектах бытия столь универсален, рафинированность столь всеобъемлюща, что его уже не может убедить ни один аргумент. Ничто не задает за живое, ибо все уже познано и для всего, что могло бы быть сказано, наготове другое толкование. Для Бога открыты все пути, но с человеческих позиций завоевание этой души больше не представляется возможным. Это существование уже не подлежит изменениям.

Но он замкнут вокруг Ничто. “За ним” не стоит решительно ничего. Ледяной, застывший страх не находит себе выхода.

Разумеется, возможность обращения существует вплоть до последнего дыхания. Но в общем контексте романа посещение Тихона предстает как решающий момент, следствием которого служит все дальнейшее развитие событий, включая самоубийство Ставрогина.

(Окончание следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Вспоминается зверь из сна Ипполита в “Идиоте”. Это, кстати, особая тема – значение животных и их фантастических образов у Достоевского! Они дают оценку и раскрывают суть тех людей, с которыми связаны.

2 О том же мечтает Версильов в “Подростке”; в еще более развернутом виде мы сталкиваемся с этим в “Сне смешного человека”.

3 Феномен раздвоения личности вплоть до появления двойника не равнозначен участию в этом сатаны (ср. образ Голядкина в “Двойнике”), но в данном случае связан с ним, равно как и в галлюцинациях Ивана Карамазова.

4 Тогда он мог бы его объективировать и попытаться преодолеть.

Анализируя образ Кириллова, мы высказали некоторые соображения о связи между взглядами Достоевского, Кьеркегора и Ницше. Мы подчеркнули, в частности, насколько полно соответствуют друг другу образы Кириллова и Заратустры. На примере же Ставрогина можно было бы продемонстрировать не меньшую близость творчества Достоевского идеям Кьеркегора. Уже некоторые черты Кириллова, а затем – и прежде всего – психология и теология образа Ставрогина могут послужить наглядной иллюстрацией к самой мрачной книге Кьеркегора “Понятие страха”. Последовательность стадий страха, процесс прогрессирующего самозамыкания, “ничто” и демоническое прорисовываются здесь с парадигматической четкостью. Но здесь мы лишены возможности остановиться на этом подробнее.

Такова, следовательно, та ось, вокруг которой вращается мир “Бесов”.

Совершается бесконечное разрушение. Все опустошается. Все рушится. Свое черное дело вершат страшные безобразные, злые силы, “бесы”. Но они служат лишь исполнителями того, что заложено в этом одном человеке. Он – мастер. Но то, вокруг чего вращается этот мир и откуда поступают импульсы для его разрушительной работы, есть в конечном итоге Ничто – самосгустившаяся, отчаявшаяся пустота. В этом и состоит весь ужас положения.

Невольно напрашивается образ дантова ада: повсюду в огромной воронке трудятся и неистовствуют черти. Но они – всего лишь эмиссары, воплощения того, кто находится в центре. Он же недвижим; он заморожен. Таков Ставрогин. Он – несчастнейший из людей. Он вызывает самое искреннее сожаление – но ведь и сатана лишен какого-либо величия! Все рассуждения насчет величия зла, содержащиеся в новомодных гимнах сатане, вся переоценка нравственных ценностей не стоят ровно ничего. Сатана просто-напросто обманутый, он обманут самим собой. На самом деле он гол. Он начисто лишен формата. Он – жалкая обезьяна Бога.

Д. Штурман

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ АНАЛОГИЯХ

“Отец народов” процедил когда-то сквозь усы и зубы, что исторические аналогии – вещь рискованная. Между тем сам он всегда их использовал, разыгрывал их в своих сценариях. Без них в политике, которая есть текущий момент истории, обойтись невозможно. Но аналитику, в отличие от практического политика, приходится помнить об элементе **неповторимости** в составе каждого явления мира сего. О его, явления, **своеородности**, как оно ни **похоже** на другие явления своего ряда. Это столь же справедливо по отношению к личности, организму, клетке и пр., сколь и к событию, элементарной частице, кванту и т.д., и т. п. Именно поэтому аналогия, вскрывающая в событиях **общее**, – это хороший исследовательский инструмент, но **вспомогательный, а не исчерпывающий суть предмета**.

К нынешним российским событиям можно подыскать множество оправданных аналогий. Но – аналогий, как все аналогии, **частичных**, по каким-то из признаков, а не по всему комплексу таковых. У нынешней российской ситуации **в целом** нет полного, всеобъемлющего историко-политического прецедента.

Сколько ни вглядывайся в тот или иной момент российской, да и советской истории, различий между ним и моментом нынешним оказывается не меньше, чем совпадений.

Нередко в исторической литературе и публицистике возникает нечто подобное игре в “что было бы, если бы” (мы в юности играли в такую игру).

Что было бы, если бы Россия не вступила в Первую мировую войну? Что было бы, если бы правительство Николая II решительно подавило первые февральские беспорядки в 1917 году?

Что было бы, если бы Керенский и Савинков не предали генерала Корнилова, с которым три месяца вели переговоры о введении чрезвычайного положения в столице? И т.д., и т.п. – до бесконечности.

Я, разумеется, не знаю, что было бы, если бы... во всех этих и во многих других случаях. Но предполагаю, что из каждой точки нашего личного ли, общего ли бытия исходит не одна-единственная жестко предопределенная линия

движения, а целый пучок вероятных траекторий. И мы выбираем из них **одну, но не единственно возможную**. Почему мы ее выбираем, – это иной вопрос, очень сложный и всегда исторически (или биографически) конкретный.

О том, почему распался СССР, мы не будем на этот раз говорить. **Лучше было бы**, чтобы большая часть его не распалась, а изменила бы форму объединения. СССР был во всех отношениях моноцентрической структурой, и **лучше было бы** экономических связей не рвать. Но это суждение похоже на следующее: лучше бы многодетным супругам не разводиться, не разъезжаться и не делить между собой детей, а сохранять совет и любовь и жить вместе. А они иногда расходятся. И ничего тут не поделаешь.

Исходя из вышеприведенной аналогии, бессмысленно удерживать Чечню в составе России. Лучше отпустить ее с миром. Но если бессмысленно воевать с Чечней за Чечню, то как быть со всем Северным Кавказом, если там возникнет подобная ситуация, уже всплоснутую? Предположение – не невероятное, не так ли? Не видится ли российским миролюбивым гуманистам и демократам (говорю это без тени иронии) “за хребтом Кавказа” океан мусульманского фундаментализма, между Россией и коим не остается преград, как нет их между этим океаном и Арменией или Грузией? Думают ли, действительно, сторонники ухода из Чечни без предварительных условий, что дело только в нескольких национальных анклавах Северного Кавказа, без которых России никак не прожить? Думаю, что прожила бы, даже с учетом потери одного из своих нефтеносных районов (промышленная добыча нефти в Грозном началась в 1893 году).

И только ли из колониалистского азарта за эти уступы каменистой земли так упорно сражалась императорская Россия? Почти сто лет. Может быть, вставали за этой маниакальностью и определенные геополитические основания и соображения?

Допустим, что Россия уйдет из Чечни (Ингушетии, Дагестана...). Не будем жалеть о том, что вместо демократии, которую она бы им, не посягая на национальную жизнь, веру, обычаи

(сегодня это еще возможно) гарантировала, там возникнет нечто ираноподобное, афганоподобное, иракоподобное. Это их дело. Границу трудно, однако все-таки можно запереть на замок на равнине, в русском Предкавказье. Но это будет прецедент в границах уже не бывшего СССР, а бывшей РСФСР, нынешней Российской Федерации. Как быть, если подобная ситуация повторится в Коми, в Якутии, в Карелии, в Татарстане, в?... То есть везде, кроме, как сказал недавно Шумейко, территории Московского княжества? А такие тенденции уже проявлялись.

Не толкают ли скоропалительность и "нетерпение сердца" тех, кто готов уйти из Чечни без боя, Россию в большую смуту? Мне ответят, что прецедент был: одно Смутное время Россия пережила и вышла из него крепкой.

Но вспомним: тогда она была еще царством, а не империей. Тогда русские не были расселены и рассеяны по огромной территории от Балтии до Тихого океана, от Арктики до субтропиков. Тогда не рушилась гигантская, нелепая, затратная, но **единая экономика. Тогда не было ядерного оружия.**

Предупреждая упрек в том, что прячу свое мнение за очередью риторических вопросов, дополню последние несколькими собственными соображениями.

Издали представляется (может быть, и оши-

бочно), что в начале чечено-ингушского кризиса, три года назад, прийти к мирному соглашению было гораздо легче, чем сейчас. И что, соответственно, на каждом следующем рубеже России будет трудней задержаться, чем на брошенном. Я не хочу тем самым сказать, что на этом рубеже следует держаться **любой** ценой и **любой** кровью. Но мне представляется, что здесь еще можно остановить процесс распада (уже Российской Федерации, а не СССР) относительно малой кровью. Я верю, что Ельцин, Козырев, Черномырдин, Федоров, Ерин и многие рядом с ними не ослепли и не озверели.

Я надеюсь, что их задача – не тупое насилие **любой ценой**, а предупреждение распада России, а также – междоусобного разорения Кавказа. Теперь уже **очень тяжелой**, но, как ни мучительно это выговорить, выносимой для страны и ее будущего ценой. Я думаю, что если война обретет бессмысленную и безнадежную жестокость, Российская Федерация отступит. Но – до каких пор отступать? И легче ли будет защитить другие границы? Где – последняя?

Не надо упрекать меня ни в чужести России (я прожила в СССР 54 года), ни в равнодушии к жертвам: у меня в семье два офицера израильской армии, которые идут на жизненный риск достаточно часто.

Главный редактор: д-р В. ПИРОЖКОВА

Verantwortlich für den Inhalt: D-r V. Piroschkow

Адрес редакции:

D-r V. Piroschkow, Einsteinstr. 104/III, D — 8000 München 80, Deutschland

Банковский счет: Hypotheken- und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

**За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает**

Перепечатка разрешается, но с указанием источника

Druck: "Express", Jerusalem

Уважаемый читатель!

Мы, сотрудники Московской независимой общественной библиотеки, с 1992 года распространяем журнал "Голос зарубежья", несмотря на то, что большинство из нас придерживается, в отличие от создателей этого издания, не религиозной этики, основанной на идее личного спасения в Боге, а идеи оправдания своего личного существования вкладом в дело спасения и совершенствования Человечества. нас примиряла с редакцией журнала ее христианская терпимость и близость позиций, как нам казалось, в понимании СЕГОДНЯШНЕЙ политической задачи для России - создание сильной президентской Республики.

Однако, мы умеем отличать диктатуру над человеком и диктатуру для защиты прав человека. События в Чечне стали поворотным моментом в наших отношениях. Обозначению позиций и посвящено все нижеизложенное.

Опыт определения политических взглядов, и им соответствующих общественных и государственных образований (Д.Бродский, бюлл. "Обратная связь", М., NN 4,5, 1990-1992 г.г.)

Предваряющая система понятий: **ТОТАЛИТАРИЗМ** - теория и опирающаяся на нее общественная практика полного (тотального) **ВЛАДЕНИЯ** индивидуумом или социумом со стороны индивидуального или группового субъекта. Тоталитаризм в государственном масштабе есть государственное **РАБОВЛАДЕНИЕ** (стойловое, крепостное или наемное, при котором перемещение раба возможно лишь в пределах государства). Тоталитаризм предполагает политическую и экономическую, индивидуальную или групповую **МОНОПОЛИЮ ВЛАДЕНИЯ** обществом, проявляющую себя в **ТОТАЛИТАРНОЙ ДИКТАТУРЕ**. Тоталитарная диктатура имеет несколько степеней выраженности: **ТИРАНИЧЕСКУЮ**, **ДЕСПОТИЧЕСКУЮ** и **ЛИБЕРАЛЬНУЮ**. Тираническая тоталитарная диктатура (или установка) предполагает полный произвол субъекта власти над населением (хочу казнь, а захочу, до неба вознесу... и казнь). Деспотическая тоталитарная диктатура (или установка на нее) предполагает репрессии только в отношении тех индивидуумов или групп, кто **НАРУШИЛ** навязанные тоталитарным субъектом собственности правовые и, что в данном случае, ~~отражающиеся на жизни населения~~ **ПРЕДПИСАНИЯ** ~~деспотической~~

~~рабальная~~ тоталитарная диктатура - также предполагает возможность репрессий, но только в отношении тех, кто прямо пытается **ПОСЯГНУТЬ** на **ПРАВО ВЛАДЕНИЯ** субъекта тоталитарной власти и, в частности, против тех, кто хочет стать лично свободным (перестать быть **ОБЪЕКТОМ** владения, то есть - собственностью) или стремиться закрепить в праве **СВОЙ** статус **ВЛАДЕЛЬЦА** имущества. Тоталитарную диктатуру необходимо отличать от **ПРАВОВОЙ ДИКТАТУРЫ**. Они кардинально отличаются по **ЦЕЛИ**. Целью тоталитарной диктатуры является **ВЛАДЕНИЕ** субъекта власти другими субъектами отношений как **ОБЪЕКТАМИ**. В системе государственного устройства это выражается в закреплении незыблемого права государства **ВЛАДЕТЬ** обществом и индивидом. Цель **ПРАВОВОЙ** (авторитарной) диктатуры прямо противоположна. Она состоит в том, чтобы всем авторитетом и силой государства защищать право гражданина на его свободу (владение собой как личностью), собственность (владение имуществом) и достоинство. Отличие тоталитарной и авторитарной диктатур можно выявить по той тактике, которую применяют субъекты власти при осуществлении своей политики.

Ниже будет приведен приблизительный перечень определений тоталитарных политических доктрин, с упором на те, которые используют в качестве орудия манипуляции общественным сознанием этнические особенности людей, и сравнить тоталитарные политические доктрины с демократическими авторитарными и парламентарными политическими доктринами. **НАЦИЗМ** - теория и практика этно-тиранического (расистского) тоталитаризма (установка физического самосознания - моноцентризм; варианты проявления: тиранический эго-, конфессио-, социал-центризм). **ФАШИЗМ** - теория и практика этно-деспотического тоталитаризма (установка физического самосознания - моноцентризм; варианты проявления: деспотический эго-, конфессио-, социал-центризм). **ИМПЕРИАЛИЗМ** - теория и практика этно-либерального тоталитаризма (установка физического самосознания - моноцентризм; варианты проявления: либеральный эго-, конфессио-, социал-центризм). **ФЕДЕРАТИЗМ** - теория и практика авторитарного демократиз-

ма (установка физического самосознания — полицентризм; варианты проявления: этно-, конфессио-, социал-полицентризм). КОНФЕДЕРАТИЗМ — теория и практика парламентарного демократизма (установка физического самосознания — ацентризм; варианты проявления: этно-, конфессио-, социал-ацентризм).

Попробуем теперь применить вышеизложенную разработку к оценке взглядов автора публицистической статьи "Россия в конце 1994 г. и в начале 1995 г." ("Г.З", N 74-75, с.с. 5-17). Не углубляясь в дебри текста очерка, мы вынуждены констатировать: автор не четко представляет задачу Президента как гаранта прав человека и развития рыночных реформ. Так, В.А. Пирожкова намеренно опустила то обстоятельство (с. 11), что Е. Гайдар после октябрьского путча был фактически отстранен от должности министра экономики провокационными решениями тандема "Черномырдин-Ельцин" об экономическом объединении России с антирыночной Белоруссией и о форсированном создании нового парламентского комплекса. А ведь это разрушало все то, что было достигнуто им для уменьшения темпов инфляции и выведения из стагнации российской экономики.

Не замечает автор и того, что Ельцин не предпринимает никаких решительных мер ни в отношении тех, кто посягает на частную собственность и саму жизнь граждан (с. 7), душа их к тому же налогами до 80%, если те возьмутся заниматься предпринимательством, ни в отношении коммунистов, националистов и анархистов, которые УВЕРЕННО собирают силы, чтобы ЛЮБЫМИ способами уничтожить сам институт гражданской частной собственности в России и готовы, как и прежде в истории, осуществлять массовые репрессии. Иными словами, автор как бы не замечает, что по вине властей население России находится в СТРАХЕ и РАСТЕРЯННОСТИ, что это провоцирует его искать защиты под сенью ЛЮБОЙ сильной руки. Напротив, В.А. Пирожкова со всем энтузиазмом взялась защищать державные, территориально-собственнические амбиции нынешних правителей России, которые ради земли и нефти, то есть примитивно понятых экономических интересов политической и хозяйственной элиты, не жалуют ни имущества, ни здоровья, ни самой жизни сотен тысяч жителей многонациональной страны, нанес и колоссальный ущерб экономике и по общественной стабильности России. Противопоставление себя диссидентам-правозащитникам (защитникам права на жизнь, собственность и свободу) демонстрирует нам Веру Александровну, к сожалению, как носителя тоталитарной, хотя и либеральной степени выраженности этико-правовой установки. Установочное недоверие к правительствам цивилизованных стран также говорит о нецивилизованном состоянии общественного самосознания автора. Чего уж говорить о такой тонкой "субстанции", как интеллигентность — этого интеграла цивилизованности, демократизма и гуманности. Раздражает это свойство Веру Александровну. А жаль. Ведь какое прекрасное образование она имеет, какую интеллектуальную жажду сохранила, жизненный опыт какой богатый скопила, сколько перенесла страданий от тоталитаристов. Неужели не может Вера Александровна представить, что горе и обездоленность нескольких сот тысяч человек, смерть десятков тысяч не может быть оправдана никакими геополитическими интересами. Ведь не очень трудно человеку понять, что Родина — это прежде всего люди с их жизнью и мечтами, что человек — это не СРЕДСТВО существования государства, а его СМЫСЛ. Человек создает государство для создания условий раскрытия своих лучших творческих возможностей и только этой целью и оправдано существование государства. Каждый из нас один на один стоит перед лицом Вечности и пока жив, постоянно должен делать выбор — защищать ли будущее ВСЕГО человечества или безоглядно цепляться за клочок земли, оправдывая ради этого любые жертвы и преступления.

Листок-комментарий правозащитно-просветительской группы "Обратная связь"